

1969
49

УЛУТ ХЕМ

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
АЛЬМАНАХ

10
1969

КЫЗЫЛ

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ ТУВИНСКОЙ АССР

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
АЛЬМАНАХ

10

ЗУЛУТ.
ХЕМ

ТУВИНСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Кызыл. 1969

ПОВЕСТИ, РАССКАЗЫ, ПЬЕСЫ, ОЧЕРКИ

Салчак ТОКА

ЗА БОЛЬШИМ ПОРОГОМ

...На третий день после прыжка через Большой порог мы подплыли к какому-то селу. Приблизились к нему не сразу. Слушая команды Савелия, били тяжелыми гребями то влево, то вправо, пока село совсем не скрылось из виду. Только здесь завели плот в протоку, привязали своего «Гнедка» и вышли на берег.

— Значит, так. Здесь будем ночевать.— Савелий принялся свертывать сигарку.— Утром пораньше двинем даде. Ну как, приятель, понятно?

По мере своих способностей я перевел слова лодчана.

— Солнце еще высоко,— ехидно усмехнувшись, сказал Имажан сайгырыкчи*.— Зачем так рано остановились? Спроси-ка, парень, у этого русского.

Я снова перевел.

Савелий затянулся махоркой.

— В этом месте каждый почевку делает. Здесь Лени жил, великий человек России.

— Так-так-так,— заглушил Дава-Сюрюп.— Придется останавливаться, оммаанипатнихом**. Ничего не поделаешь! Не веречить же ихним обычаям...

Сайгырыкчи молча кивнул.

Мы поставили палатки, разожгли костер.

Генерал Бюльчун отвел меня в сторону.

— Как зовут того великого человека и когда он здесь жил?

* Сайгырыкчи — титул высшего чиновника.

** Оммаанипатнихом — господи благослови.

— Ленин. А когда и почему он жил в этом селе,— не знаю,— чистосердечно признался я.

Переводчик Павел Медведев — «Навылчык» пришел мне на помощь: рассказал, когда и за что был сослан в Шушенское — так называлось село — Владимир Ильич Ленин.

Я вспомнил, как на первых собраниях тувицев и русских в Терзиге и Мergenе Иванов рассказывал об Октябрьской революции и ее вожде. Он говорил тогда, что Ленин жил «недалеко от Тувы».

— Сходим в поселок,— предложил Навылчык.

Оставив министров у костра, Павел Медведев, Бюльчун, Соян Монге и я пошли в село. Окраина заросла крапивой и польиной, дома кривобокие, совсем как у нас, в Сарыг-Сепе. Ближе к центру — избы повыше, попросторнее, людей больше. Идущие навстречу глядят на нас с любопытством: что за странный народ такой?

Из нас четверых более или менее по-человечески одет Навылчык. На остальных — пестрота. Монге и Бюльчун в старых идиках с загнутыми носками и рваных синих далембовых халатах. На мне бродни и черный шабур, перетянутый войлочным пояском. Плетусь позади всех, глазею по сторонам.

Как у нас принято, здороваемся с каждым встречным. Нам отвечают. Кто полюбозытнее,— идут следом за нами. Постепенно вокруг нас собралась небольшая толпа.

Рыжеусый мужчина в черной войлочной шляпе и холщовой рубахе до колен, оглядев нас с головы до ног, поинтересовался, откуда мы прибыли.

— Товарищи из Танну-Тувы,— объяснил ему Павел.— А вы здешний? Расскажите о своем селе.

— Какое наше село?— охотно откликнулся крестьянин.— Дворов восемьсот наберется. А народу, однако, тыщи две.

Я внимательно оглядел поселок. Чуть поодаль — высокий дом под железной крышей. И за ним, в ряд, выстроились такие же добротные дома. Посреди села — церковь.

Не вытерпел, спросил:

— Про Ленина знаете?

— Как не знать. У нас любой знает. А вы лучше в тот пятистенник зайдите, к Прасковье Мезиной. Она все обскажет.

Мы прошли к избе, на которую нам показали. У калитки нас встретила невысокая женщина лет сорока, с приятным лицом. Поздоровалась, пригласила сесть на скамейку. Узнав, кто мы и откуда, чем интересуемся, охотно заговорила. Сначала про себя:

— С малых лет по людям, батрачила. И скотину пасла, и хлеб убирала...

— А правда, что вы Ленина видели?— с трудом подбирая русские слова, спросил Монге.

— Не только видела. Год и десять месяцев вместе жила, помогала им.

Прасковья Алексеевна позвала за собой на улицу.

— Сначала Ильич один жил. Во-он в том доме, у Зыряновых. А после, когда Надежда Константиновна приехала с Лизаветой Васильевной, с матерью со своей,— у Петровых поселились.

— Я к им как попала? — продолжала она.— Услышала, идут помощницу по хозяйству. Думаю, пойду. Поговорила со своими — они ни в какую. Разве, говорят, можно к сбыльным. Урядник не разрешит. А меня только пуще раззадорило. Вечером, чтобы никто не увидел, побежала к им, а зайти боюсь. Стою под дверью. «Кто там? — спрашивают.— Заходите». Такой еще молодой, а уже лысоватый, лоб большой, усы рыжеватые,— дверь распахнул, зовет. Я в пол уставилась, молчу. За им женщина вышла. Косы длинные, губы припухлые, глаза большие. Лицо доброе. «Здравствуйте, здравствуйте,— говорит.— Чего же вы там?» Взяла меня за руку, в избу завела, дала стул. Села я и обратно молчу, глаз не подыму...

— Как вас звать? — это женщина спрашивает.

— Паша,— говорю.

— А меня Надеждой Константиновной,— и прохаживается по комнате.— Это мой муж, Владимир Ильич.

— Ну, я маленько осмелела, огляделась. Вижу, в комнате еще женщина сидит, пожилая. Надежда-то Константиновна заметила, куда я гляжу,— подсказывает:

— А это Лизвета Васильевна, моя мать.— И к ей:— Вот только и узнали, что девушку Пашей зовут. Очень уж стеснительная.

Лизвета Васильевна спрашивает:

— Вы грамотная, Паша?

— Нет,— говорю и головой мотаю.

— А много грамотных у вас?

— Не знаю.— Я верно не знала, кто у нас грамотный, кто неграмотный... — Поп и урядник, может, знают.

Не заметила как, а разговорилась. Очень даже разговорилась. Пообещалась помогать им по дому. И уж никто меня не смог отговорить. Два года почти работала у их. Ох, какие хорошие люди были!.. Грамоте меня научили!..

Прасковья Алексеевна задумалась.

Бюльчун шеннул Павлу:

— Пусть еще про Ленина расскажет.

Тот перевел.

— Простой, обходительный,— оживилась наша собеседница.— Все читает, читает. И писал много. Кто придет-приедет, начнет расспрашивать — ну, дойдет! Уж такой человек, такой человек... Жалела я, когда уехали они...

Заалел горизонт, опустились сумерки, а мы все сидели на скамейке и расспрашивали русскую крестьянку об Ильиче. Признаться, мне тогда многое было непонятно: что это такое ссылка, зачем великий человек, создавший партию большевиков, поднявший революцию в России, приезжал в глухую сибирскую деревню и жил в ней. Да и Ирасковья Мезина не так-то много могла рассказать — что она знала?

И все же тот вечер в Шушенском запомнился на всю жизнь. Это была моя первая встреча с Лениным.

Мы возвращались к плоту притихшим селом. Шли молча. Каждый думал о своем.

Издалека увидели пламя костра на берегу. Огонь будто звал нас:

— Сюда, сюда! Не заблудитесь...

* * *

И снова — от Шушенского плеса — вниз по реке. Тихо, величаво течет Улуг-Хем, становясь все шире и шире. Могучий и сильный, он бережно несет наш плот.

Перед нами расстилаются Минусинские степи — просторные, раздольные. Енисей и среди них не теряет своего величия. Славная река Сибири, олицетворяющая собой вечную дружбу народов России и Тувы! Он уверен в себе, этот богатырь. «Ничто не остановит меня! Никто не преградит мой путь!» — как бы говорит Енисей.

Мы плывем и плывем, мимо больших и малых селений. Убегающие назад поселки мало чем отличаются от нашего Сарыг-Сена, Копту-Аксы или Кундустуга. Рубленые бревенчатые избушки, большею частью без крыши, низенькие, кособокие, почерневшие от времени и копоти. Лишь кое-где на возвышенности — церквушки, окруженные беленькими домиками. Не так ли и у нас? Невольно вспоминаются редкие восьми-десятистенные белые юрты феодалов среди тысяч закопченных драпных юрт кочевой Тувы...

Луга и пашни пестры, как раскиданные по земле разноцветные ленты. Крестьяне пахут на конях и быках. Видно, что кренка земля, тяжела работа, еле-еле тащатся за плугами. А вот несколько усталых мужчин бредут от берега. Не то плотосы, не то рыбаки. Мало чем отличаются от тувинских арапов — в домотканых штанах, броднях, в самодельных войлочных шляпах или картузах. Трудовой люд.

Тишина...

Целый день нес Улуг-Хем наш плот под палящим солнцем.

На закате свернули в протоку. Разморенный жарой «Гнедко» лениво тащился по воде. Из-за поворота навстречу нам вылетела с большой скоростью лодка, оглушив треском и шу-

мом. Все, кто сидел и лежал на плоту, повскакали. Оставляя позади себя пенистые волны, лодка устремилась к нам и ткнулась в борт. Шум и треск прекратились. Трое мужчин перебрались к нам. Один из них громко сказал:

— От имени горсовета Минусинска, пограничного города Советской России, приветствую прибывшую к нам делегацию тунгустувинского правительтва!

Он чуть посторонился, пропуская вперед своих спутников.

— Мы очень рады, что вы сказали нам теплые слова от имени Советской власти,— ответил Дондук и пожал руки приезжим.

— Мы тоже рады,— пробормотал Имажап и, вытащив свой хоорге — камешный флакончик с нюхательным табаком, хотел было предложить гостям отведать, но воздержался, потому что переводчик шепнул ему: «Это неудобно!»

— Ну, как ехали? Не было ли неприятностей по дороге?— спросил тот же человек.

Усатый, с загорелым лицом, в военной гимнастерке без знаков различия, перехваченной широким ремнем, в хромовых сапогах, он держался просто и был приветлив.

— Хорошо ехали,— сказал Дондук и закурил. — Улуг-Хем хоть и свиреп, но милостив...

Мы и не заметили, как плот подошел к пристани. Под крутым яром — огромная толпа. Народу — не сосчитать! У многих в руках красные флаги или натянутые на палки красные полотнища с белыми буквами. Несколько человек держали большие и маленькие трубы из желтого и белого железа. Люди что-то кричали, каждый норовил протиснуться вперед.

Привязанная к плоту лодка вдруг затарахтела. Двое прыгнули в нее, отцепились, отплыли чуть в сторону, подняли со дна какой-то ящик на треножнике и стали в нас целиться.

— Что это они делают? Зачем русские целятся?— обеспокоенно спросил Дондук у Имажапа. Тот только пожал плечами.

Проскрежетав по гальке, плот стукнулся о берег. Делегаты впереди, мы за ними пошагали к встречавшим. Пока я раздумывал, что же будет дальше, рядом с нами вдруг грянули трубы. Я вздрогнул. Некоторые из наших выронили свои вещи... Нас можно было понять: кроме шаманских бубнов, мы не знали никакой музыки.

Так мы и шагали, потрясенные и очумелые, к площади, на которой возвышалась трибуна. Делегаты и встречавшие товарищи — человек десять — поднялись на трибуну. Нас окружила толпа.

Усатый, что встретил нас на плоту, снял фуражку.

— Дорогие товарищи, делегаты Тувы! Примите наш горячий привет! Рады видеть вас в нашем городе Минусинске...

Он говорил недолго, но я не разобрал и половины,— все было ново, незнакомо.

Выступил с ответным словом кто-то из наших министров. Говорили русские. После каждой речи гремели трубы. Павылчык переводил. Все хлопали в ладоши, громко кричали. Я был как во сне.

Вот и кончилась торжественная встреча. Все перемешались — русские, тувинцы, хакасы. Что-то втолковывали друг другу. Курили, смеялись.

— Товарищи! Просим в наш город,— пригласил усатый.

Мы простились с Савелием — успели уже привыкнуть к нашему лоцману,— поблагодарили его, в последний раз глянули на «Гнедка» и поспешили за делегатами.

Как и в Шушенском, люди с любознательством разглядывали нас.

У министров внушительный вид: в шелковых халатах с длинными рукавами, в круглых китайских шапках — догурзаках, в идиках с загнутыми носками, а некоторые даже с косами... Впереди безостановочно гремели трубы, и музыка привлекала людей с ближних улиц и переулков. Задыхаясь от пыли и жары, мы шагали через весь город. Двое с ящиком на треноге никак не хотели отставать от нас. Они то и дело забегали вперед, устанавливали свой ящик и крутили ручку сбоку. Позже я узнал, что это снимали первый документальный фильм о пребывании правительственной делегации Тувы в Советском Союзе. Но это было много позже!

Первый город, в котором я оказался... Мощные улицы, каменные плиты на тротуарах, двухэтажные дома и люди,— люди так и кишат! Их будто не стало меньше, даже когда мы вошли в дом. Мне казалось, что все эти люди или провожают нас, или смотрят на нас. Но мы-то скрылись за дверью, а их все так же много на улицах, ходят, разговаривают там, за окнами. Или они надеются, что увидят нас сквозь стены? Делать им что ли нечего? Зачем столько времени ходят-бродят попусту? Ну, встретили, можно и расходиться...

А дом — как в сказке! Одних комнат, наверно, больше десяти. Как пчелиные соты. На лестнице — железные перила. Я не верил, пока сам не поднялся по лестнице: действительно, дом на доме... Ну и здорово! А еще в Минусинске был дом торговца Вильнера. Я слышал про этот дом еще на Терзиге и в Мергене. А вот теперь сам увидел. Это был тот самый знаменитый дом. Трехэтажный.

Мы пробыли в Минусинске два или три дня. Ходили, смотрели, расспрашивали... Были в музее. Теперь стало ясно и понятно, как и за что сослали в Сибирь большевиков-революционеров. Кроме Владимира Ильича Ленина и Надежды Константиновны Крупской, в этих местах жили Г. М. Кржижа-

повский, П. Н. Лепешинский, А. А. Ванеев, В. К. Курнатовский, Ф. Я. Кош... Я узнал и о том, какое значение для Тувы имели Минусинск, Шушенское. Отсюда, из этих мест, в 1919 году пришел к нам партизанский отряд Щетинкина—Кравченко, наголову разгромивший под Хем-Белдиром банду Бологова — одну из крупнейших колчаковских частей. Позже, когда в 1921 году тувинский народ в результате национально-освободительной революции добился самостоятельности,— новому строю, молодым его руководителям активно помогали товарищи из Минусинска.

Сколько еще предстояло увидеть, узнать...

* * *

— Завтра поедем,— сказал Монге.— Поплывем по Улуг-Хему на пароходе. Это такая большая лодка,— объяснил он.

— А как же мы, столько народу, поместимся в лодке?— спросил я.

Монге рассмеялся.

— Это тебе не долбленка, на которой Каа-Хем переплывешь. Это — целый водяной дом! В нем комнат много. Каждая больше юрты. И еду там же готовят...

Рысаки, запряженные в блестящие пролетки, ждали, чтобы отвезти нас на пристань. Кони нетерпеливо вскидывали головы. Мы расселись, и вороные рванули вперед. На полном скаку подлетели к лесу. На протоке, чуть покачиваясь, стоял двухэтажный дом.

— Ты же сказал — лодка. Где же она?— спрашиваю у Монге.

— Не лодка, а пароход... Я говорил па-ро-ход. Вот он самый и есть. В него сколько угодно людей войдет. А внизу еще комнаты. Туда всякого груза хоть тысячу пудов можно поместить. Он как мангыс*! Силы много.

Люди с вещами между тем все шли и шли с берега к огромному входу, похожему на пещеру, и исчезали где-то внутри дома-парохода. Там же бесследно пропадали тюки, кули, бочки, которые по шатким доскам катили, тащили, несли люди в широченных штанах.

Вот позвали и нас. Министров развели каждого по отдельной комнате, а нас — студентов поместили в одну, большую. Пароход три раза прокричал, в нем что-то загредело, застучало. Смотрю на товарищей — то бледнеют, то краснеют. Уцепились покрепче. Особенно Шылаа испугался. На горбатом носу будто роса выступила. Можно было подумать, что он сидит на необъезженном коне. Я тоже уселся попрочнее. На всякий случай.

---

* *Мангыс* — чудовище.

— Чего боитесь?! Пароход — славная вещь. В восемнадцатом году, когда нас белые захватили, мы на таком же сжали,— стал нас успокаивать Монге.

— Как же не бояться?— Шылаа отер пот и попытался улыбнуться.— Шумит-то как! Расшибут волны дно у лодки — куда денешься? И не выскочишь!..

Пароход еще раз крикнул, как бык, постоял немного и поплыл по протоке.

Река раздалась. Чудной дом пошел быстрее.

Только на следующий день мы вышли в первый раз из своей комнаты-каюты и осмелились прогуляться по палубе. А уж потом нас и насильно не увели бы обратно в каюту. Без усталости любовались мы Енисеем. Не могли надышаться свежим воздухом. Вматривались в даль, которой не было конца.

Енисей то разливался, как озеро, тихими плесами, то, стиснутый каменными берегами, сердито ревел и пенился на перекатах. Горные кручи, поросшие темно-синей тайгой, старались сжать этот поток, но Енисей раздвигал горы и снова вырывался на широкий простор. Снова набегали на нас поселки, снова от берегов до самого горизонта простирались поля.

— Смотрите, смотрите!— закричал Монге.

— Что случилось?

— Где?

— Вон, перед скалой!— показал он рукой.

Мы пригляделись. Возле берега пили воду маралы, не обращая никакого внимания на пароход.

Казалось, пути не будет конца, но нас это ничуть не смущало. Мы готовы были плыть и плыть. Думали, что могучий Енисей донесет нас на своем сильном хребте до самой Москвы.

«Улуг-Хем,— с нежностью повторяли мы.— Улуг-Хем...»

Даже песню сочинили:

Несется по Улуг-Хему
Славный пароход.
Великая Москва
Уму-разуму нас научит...

С вышки над палубой перегнулся низенький толстяк с короткими усиками, прокричал в блестящую жестяную трубу:

— Спускайтесь вниз!

Никто и не подумал уходить с палубы. А тут пароход загудел. Потом миновали узкую горловину, проплыли под громадным железным мостом, какого я и представить себе не мог. На левом берегу показалась высокая красная сопка.

Монге опять стал, немного важничая, объяснять нам:

— Смотрите на эту сопку. Видите? Она называется Красный яр. И город поэтому — Крас-но-ярск. Поняли?

Его, по-моему, просто никто не слышал.

Вдоль берега раскинулся город, в сравнении с которым так восхитивший нас накануне Миусинск, наверно, нельзя было бы назвать и деревней.

Пароход развернулся, сделал полный круг, медленно, против течения, приблизился к пристани. Матросы кинули на берег толстые веревки, которые там подхватили и тут же прикрутили к чугунным обручкам. Перебросили шаткий деревянный мостик, по которому народ хлынул на землю. Прихватив свои вещички, сошли с парохода и мы.

Здесь нас тоже встречали.

Гремет оркестр. Нам пожимали руки, расширяли, как досхали.

— Куда же мы теперь? — убедившись, что Монге все знает, я обратился прямо к нему.

— Наверно, остановимся в городе. А поедем на тех чычаанах.

Монге ткнул пальцем перед собой. Я посмотрел, и глаза у меня полезли на лоб. Прямо на нас летела, подпрыгивая, треща и обволакиваясь дымом и пылью, телега без коней. Она, как вкопанная, остановилась рядом с нами. Следом мчались еще такие же телеги.

Мы робко подошли к самой первой. Она громко дышала, в груди у нее, как у загнанной лошади, что-то хрипело. Смотрю: спереди у нее два больших стеклянных глаза, сбоку — широкие уши. Нос, как будто, тоже есть. Вел сделана из железа и на четырех колесах. И я, и мои друзья обошли ее со всех сторон, погладили по горячим бокам, заглянули и сзади, и снизу, будто корову или лошадь покупали.

— Это и есть чычаан. По-русски называется ав-то-мобиль. — Монге стоял в стороне, всем своим видом показывая, что его-то этим не удивишь. — Я на таких в восемнадцатом году ездил. Вот как, парни...

Наши министры не без опаски расселись в чычааны. Мы и слова сказать не успели, как железные телеги, подняв тучи пыли и взвихрив песок, исчезли из виду. Немного погодя они вернулись за нами. Монге, Шылаа и я залезли в один чычаан. Мужчина в желтых кожаных рукавицах до локтей держался за круг вроде калачика. Он захлопнул дверцу, что-то надавил ногой, чычаан затарахтел громче, загорланил, подался вперед, вздохнул и помчался. Я крепко ухватился за железный бок. Шылаа тоже ухватился обеими руками и даже головы не поднимал. А Монге сидел как ни в чем не бывало, будто богдоггэн на престоле, и посмеивался над нами.

Чычаан мчался все быстрее и быстрее. Мы даже города как следует не разглядели. Промелькнули большие каменные дома-

громадины — будто горы... Привлекали наше внимание почему-то не они, а низенькие деревянные строения, немощные улицы, на которых вилась пыль не только под колесами чычаана, но и под ногами пешеходов. На этих улочках можно было увидеть коз, объедавших ветки деревьев, кудахчущих с перепугу кур. Это было привычное, напоминало о Хем-Белдире, даже о Минусинске, облик которого прочно запечатлелся в памяти.

Каждый день добавлял много нового, и увиденное то пораживало нас, то пугало, то было настолько неправдоподобным, невероятным, что никак не укладывалось в сознании.

На полном ходу чычаан подскочил к двухэтажному деревянному дому, резко остановился, и мы очень чувствительно стукнулись.

— Прошу, — вежливо распахнул перед нами дверцу хозяин чычаана.

Шылаа молча вылез из машины, обошел ее и погладил рукой.

— Да-а, ребята, дело бедовое. Никакого рысака или иноходца не надо! Зря так крепко держался. Очень уж быстро бегают — это плохо. Ничего не разглядишь — все мешается. Если бы не это, совсем здорово...

Из дома вышел седобородый старик, поздоровался с нами.

— Будем знакомы. Я представитель Красноярского Совета. Пойдемте со мной, покажу вам, где вы будете жить.

Сбившись в кучу, держась вплотную к провожатому, чтобы не растерять друг друга и не заблудиться, мы поднялись следом за ним на второй этаж. Вошли в просторную комнату.

— Здесь и размещайтесь. Если что понадобится, спросите в соседней комнате у дежурной. Отдыхайте с дороги. До свидания!

Старик ушел.

Побросав вещи куда попало, выглянули в окна — интересно же на улице! Пощупали кровати, покрытые одеялами, набитые сеном подушки, стулья...

Кто-то затеребил Монге:

— Что это висит надутое под потолком?

— А-а,— протянул Монге с таким видом, будто и говорить не о чем.— Это ненастоящий огонь. К примеру, это стекло дает свет...

— ???

— Если серединку вот этой черной штучки,— Монге показал на стенку,— повернуть, свет загорится. Еще повернешь — погаснет.

Он подошел к стенке и повернул два раза. Свет мигнул и погас.

— Понятно?— Монге сделал еще несколько щелчков. Под

потолком вспыхивал яркий огонь и тут же неизвестно куда исчезал.— Кому хочется, крутите сами.

Мы ринулись к стенке и друг за другом начали зажигать и гасить «ненастоящий» огонь. Крутили «штучку» до тех пор, пока не услышали строгий голос:

— Маленькие, что ли? Зачем со светом балуете?

Высокая женщина с совершенно белыми волосами, закрученными на затылке в тугой узел, опершись на косяк, стояла в дверях и укоризненно глядела на нас.

Мы растерялись. Вид, должно быть, у нас был такой, что женщина, ничего больше не сказав, махнула рукой и вышла.

Когда вскоре она опять оказалась в нашей комнате, Монте обратился к ней:

— Можно вам сказать?

— Почему нельзя?

— Виноваты мы... Ребята первый раз увидели ненастоящий огонь. Интересно им...

Женщина улыбнулась.

— Ладно. Ничего. Только больше выключателем не чакайте, а то контакт испортите, придется в темноте сидеть. Да еще платить за ремонт...

«Выключатель», «контакт», «ремонт» — ни одного слова не поймешь. Но мы успокоились: больше не ругает, и на том спасибо...

О нас будто забыли. Никто не приходил, никуда не звали, не вели, не везли. Три раза в день появлялась наша добрая — теперь мы это знали точно! — тетя Маруся и приглашала вниз поесть. Мы гурьбой шли к столу, завтракали, обедали, ужинали и сразу же возвращались в свою комнату. Нам казалось, что вот-вот за нами кто-то явится и не застанет на месте, поэтому ни на минуту не покидали свое жилище. Тетя Маруся уговаривала: «Что же вы даже не погуляете? Сходили бы город поглядеть!» Мы не поддавались. На душе было немного тревожно: уж не забыли ли совсем про нас?

На третий день приехал военный.

— Вы, что ли, тувинские студенты?

— Мы. А что?

— Собирайтесь. Ваши министры давно на параде. Скорей едем со мной!

За городом, в военном лагере, нас встретили по-братски. Бойцы держались с нами, как с равными, шутили, смеялись, будто мы давно уже знали друг друга.

Я заметил, что красноармейцы как-то странно поглядывают на Дава-Сюрюна. Сам посмотрел на него, но ничего не обнаружил. Один парень потянул меня за рукав.

— Слушай, почему у вашего делегата на шапке такой знак?

Я ничего не понял. Где мне было знать, что древний буддийский знак свастики скоро станет официальной эмблемой фашистских насильников.

А потом состоялся парад. Перед трибуной в красивом строю замерли бойцы. Всю делегацию, и даже нас — будущих студентов, пригласили на трибуну. Теперь-то мы знали, что к чему, и терпеливо слушали речи.

Вдруг объявляют:

— Слово предоставляется делегату Танну-Тувы товарищу Дондуку!

Все захлопали.

Дондук вышел вперед.

— Приветствую этот собравшийся народ! — громко начал он и замолчал.

Ему опять захлопали.

И вдруг он понес какую-то несусветицу — без начала, без конца. Мы не знали, куда деваться! Ладно еще, что никто его не понимал. А Павылчык с серьезным видом переводил, едва сдерживаясь, чтобы не расхохотаться. Он-то говорил то, что написал на бумаге, и получилась у Дондука хорошая речь.

Красноармейцы строем прошли под оркестр перед трибуной.

Мы возвратились в город.

Теперь у нас не оставалось и минуты свободного времени. Ездили на встречи с рабочими, ходили по улицам. Были на заводе, в депо... С нетерпением ждали, когда поедем дальше, в Москву.

Степан САРЫГ-ООЛ

ПОВЕСТЬ О СВЕТОМ МАЛЬЧИКЕ

Главы из 2-й книги

НАВЕТ

Шел к концу последний месяц лета. Полив хлебов уже закончился. Теперь у меня выпадало свободное время, особенно вечерами.

Мой друг Чымчак, женатый человек, не забывал еще игры и разные проказы, в которые мы иногда пускались. Как-то мы вернулись только на рассвете. Я мгновенно заснул, и меня тут же замучил мерзкий сон: будто я бреду по краю глубокого тишистого затона. Вдруг из воды высунулся большущий пестрый сом и в одно мгновение ухватил меня за босую ногу и поволок туда, в эту зеленовато-черную бездну. Я барахтаюсь изо всех сил. Только дотянусь до травы на берегу, как снова срываюсь в эту пакостную жижу. Оглянувшись и вижу: у сома во рту торчит длинная таволожная тувинская трубка. Морда у сома широкая, как сапог, а сам он черный и тощий. Потом оказался это уже не сом, а ведьма-чылбыга. Зубы у нее черные, острые, как пила. Живот барабаном вздулся. Я боролся уже из последних сил и был на самой краешке от смерти.

И тут весь в поту я проснулся. Смотрю, наш сосед по аалу Кожай-оол держит меня за голые пятки и о чем-то толкует. Голос у него был гнусавый и противный:

— Сами посмотрите! Он же всю ночь бегал по росе. Видите, еще и сейчас ноги не обсохли. Совсем холодные. Вот, вот, сами потрогайте!

Я оцепенел: «Про все узнал!» Мы действительно этой ночью

наведались к одному скупущему богачу. Жил он недалеко, и вся беднота его ненавидела за скупость и наветы. Ну, мы и придумали чем-нибудь позлить его. После молодежного гулянья подкрались к его загону и утащили одного ягненка да спрятали в лесу.

«Значит, выследили нас!» Страх наяву был сильнее, чем во сне, — я онемел от ужаса. А Чымчак громко доказывал нашу невиновность:

— Что вы выдумали? Мы же бегали на камлание. Сколько ручьев перебрали. Правда ваша, что мы по росе бегали и вернулись совсем недавно. Да вот, спросите хоть у моей жены. Она еще ругала нас...

Но его нарочито громкому голосу я понял, что Чымчак хочет, чтоб я услышал его. Он все так же громко повторял:

— Что вы выдумали! Мы всеми клятвами клянемся — ничего нигде не трогали и ничего не брали.

Я немножко начал приходить в себя и тоже заговорил, приподымаясь:

— В чем дело, братцы мои? Отпусти ноги — больно.

— А-а, больно говоршь! — все сильнее распалялся Кожай-оол.

Я с трудом высвободил свои босые ноги и сел.

— О-ох, что же натворил! Проспал! А ведь сегодня мне приказано ячменное поле поливать. Солнце уже высоко взошло. Что же дядя со мной теперь сделает!

Но Кожай-оол еще громче завонил:

— Не заговаривай зубы нам! Отвечай, у какого шамана вы были?

Тут я придумал, как вывернуться:

— Разве их всех пересчитаешь. Теперь в нашем Амыраке шаманов развелось, пожалуй, больше, чем кукушек в лесах. Бубнят там, бубнят здесь. Шаманила жена Байтуна. Мы там и были...

— А-а, пытаетесь сговориться! Ишь, слово в слово чешут, — кричал Кожай-оол. — Не-ет, братцы мои, меня не проведете!

А потом он обернулся к столпившимся соседям и заговорил заискивающе:

— Уважаемые, мы же ведь соседи. Не чужаки какие, люди близкие. Не заставляйте меня бегать по начальникам да разводить разговоры нехорошие. Давайте по-мирному все обсудим. Я и настриг-то от своих овечек всего две барбы шерсти. Давайте, верните мне ее поскорее. А то ведь, в недобрый час, она и погнить там может, куда вы ее запрятали.

Этот Кожай-оол, как клещ, въедался своими нудными жалобами. Но меня его нытье обрадовало, когда он упомянул про шерсть, о которой мы и не помышляли. Значит, тут не в ягнен-

ке дело. Кожай-оол нас подозревает в другом, тут и бояться нечего.

В нашем аале поднялся такой шум, такой гвалт — женщины взъерились на Кожай-оола:

— Неслыханный позор, из-за каких-то паршивых ключков перети оскорблять своих соседей! Да есть ли у них лицо, где же совесть так поганить людей!

Дело дошло до того, что нас принялся допрашивать арбапный тарга — начальник десятидворки. От этих допросов даже мужчины пришли в негодование, особенно родственник Чымчака, да и мои дядя с теткой не молчали. Но дядя с теткой не были спокойны, потому что мы сразу признались, где были.

Врежда между нашими аалами не затихала, а Кожай-оол не дремал.

Скоро из хошуна явился посланец с требованием:

— Мне лично приказано немедленно доставить в чизан* двух ваших жителей — Чымчака и Ангыр-оола.

Что делать? Мы сели верхом на одну лошадь, и дядя поехал с нами узнать, чем кончится дело.

Райцентр наш уже был переведен на оседлость. Он располагался в Шагонаре, на берегу Улуг-Хема. Чизан находился в двухэтажном здании, а рядом к нему примыкали глухой, безоконный амбар да две юрты. А райкомы партии и ревсомола помещались вместе в одной избушке без крыши.

Наш сопровождающий подъехал вместе с нами к коновязи, приказал привязать лошадей и ждать распоряжения. А сам с моим дядей ушел в юрту.

Чымчак был на три года старше меня. Он был парень не робкого десятка, языкастый и умел постоять за себя. Но и он ни разу не бывал в райцентре и, попав сюда, видно, здорово перетрусил: был молчалив и бледен. А я уже бывал здесь и всех чиповников знал.

Местность вокруг чизана совсем безлесная, с одной стороны протока Енисея без единого деревца, с другой — степь с желтым караганником. А сам райцентр стоит на небольшой возвышенности, где не только человеку, а даже ягиенку не укрыться от жары.

Самый полдень. Мы сидим, ожидая приказа, а сами отбиваемся от полчища комаров, но и они не отвлекают наши мысли от предстоящего вопроса... Сердца наши не крепко лежали на своем месте.

---

* Чизан — хошунное управление.

ДОПРОС

Посыльный возвратился и, подойдя к нам, спросил:

— Который из вас Чымчак?— и, указав жестом на юрту, пошел впереди, а мой дружок за ним. Мне казалось, что время тянется бесконечно. Но когда он наконец-то вышел, ему не позволили подойти ко мне. Тот же посыльный крикнул мне:

— Иди!

В это мгновение меня охватил такой страх, мысли помчались одна за другой: «Бежать. Прыгнуть в воду. Переплыть через протоку». Но голос рассудка вовремя остановил мои ноги: «Ведь ты же чистый, так чего же бояться? Это же не я трушу, а мое непослушное сердце. А мне бежать не от чего».

Когда я перешагнул порог юрты, увидел все тех же чиновников, которые допрашивали меня и в прошлый раз. Один из них Оканчик, других по имени я не знал.

Тут же в юрте сидели мой дядя и Кожай-оол.

Как только я появился, на меня посыпались вопросы: твое имя, имя отца, место и год рождения и еще разные.

«Да что он, забыл, что ли? Ведь в прошлый раз именно он и спрашивал меня обо всем этом».— думал я, отвечая:

— Я из Улуг-Хемского хошуна, Дус-Дагского сумона. Проживаю в Амыраке. По имени Тюлюш Ангыр-оол.

Вижу, пишут оба. «Наверное, они повторяют одно и то же, чтоб разослать в разные места»,— подумал я. Но мыслям моим путь преградил поток новых вопросов:

— Рассказывай, по какому поводу прибыл сюда, в хошунный центр. Все, от начала до конца. Не путай, не вливай. Предупреждаю, иначе дело твое плохо будет,— и, чуть сбавя тон, пояснил,— и нам возня лишняя.

Мне казалось, что он подходит к дикой, необъезженной лошади. Так и ко мне, вначале спокойно, ласково:

— Ты теперь уже взрослый паренек, все понимаешь. Скажи-ка, сколько тебе стукнуло, я что-то не помню?

— Семнадцать,— ответил я и, не останавливаясь, продолжал:— К нам прибыл верховой, сказал: «Вызывают». А зачем, я не знаю. Но догадываюсь, раз сидит здесь Кожай-оол... Утром он схватил меня за ноги и заявил: «Ты украл у меня две барбы шерсти! Давай обратно!» Просто ни с того ни с сего ухватил меня, как волк барана. А теперь вижу, вот еще и к вам приехали.

Чиновник прервал меня все таким же, почти ласковым голосом:

— Ну вот, я же говорил, что ты теперь большой и понимаешь, что сделал. Только ты не торопись, а расскажи по порядку, где вы спрятали эту шерсть.

При этих словах он склонился ко мне и, остро сверля меня глазами, продолжал уговаривать:

— Как расскажешь всю правду, так сразу же снимется все это «ботало». Это твой старший дружок научил тебя скрывать? А ты не слушай его, скорей признайся и обелить себя.

— Я... Мы с первого дня всем говорили, что не причастны к этим «шерстяным» делам. Все слышали от нас это, и сам Кожай-оол, и все наши родственники тоже. Мы же тогда еще им советовали, чтоб они время зря не теряли и до горячему следу искали виновников.

— Скажи-ка, царень, правда ли, что ноги ваши были мокрые и холодные, а вы оба только что вернулись и не успели еще заснуть? Говорят, следы привели именно к той юрте, где вы спали?

Чем дальше длилась наша с чиповником «беседа», тем больше он терял спокойствие и начинал яриться. Это было заметно по его злому лицу, как у собаки, нападающей на чужого. Злые слова, как из худого хапа* просо, так и сыпались.

Но вот заговорил и сам Сонам-Баир:

— Ангыр-оол, ты еще мальчик, не обманывай старших. Ведь ты не первый раз здесь. Теперь стал взрослее, и твой возраст позволяет жестче отнестись к тебе. Это же второе позорение на тебя. Не станешь признаваться, так на тебя надедут браслеты. А они крепкие — из железа. Потом бросят тебя в кара-бажын — черный дом. Стены этого дома не знают питья и еды, не спасут от жары или холода, будут стоять и не тебе с ними спорить. Самое лучшее — во всем поскорее признаться.

Я собрал все свое мужество и гордо ответил:

— Теперь я стал членом Революционного Союза Молодежи и не имею права говорить неправду. Пусть хоть голсу рубят, врать не стану! У меня появились мысли: «По какому такому праву, по чьему злому умыслу так клеветуют на ревсомольца?»

Едва передохнув, боясь, чтоб не остановили, я спешил высказать им все:

— У меня есть надежда на тех, кто держит золотую печать аратского правительства, должны же разобраться, у кого черные мысли, а у кого чистые, светлые.

Больше Сонам-Баир не выдержал:

— Смотри! Раз ты член ревсомола и попался в воровстве, то это уж действительно настоящий позор!

Тут и другие чиновники задвигались, приподнялись со своих мест, а я воспользовался этим перерывом и продолжал:

— Вы сами хорошо знаете, что и в прошлый раз я попал

---

* Хан — мешок.

по злему наговору вашего родственника. А ведь отпустили тогда меня отсюда, не обелив по закону, как следовало. Это факт, что меня, голого и босого мальчишку, заставили полтора месяца прослужить в вашей юрте для личных надобностей. Теперь-то я хорошо понимаю. Глаза мои начали приоткрываться. Вот поэтому я и вступил в ревсомол, чтоб найти настоящую правду.

Сонам-Баур хотел прервать меня, но я сделал вид, что не заметил его жеста, и продолжал все так же убежденно и горячо:

— Знаю, что тот злополучный котел вашего родственника Менниг-оола был найден рыбаками в воде — его засосало песком да илом. Это теперь все знают. Но, однако, Менниг-оол даже никакого уирека не получил за то, что ложно обвинил человека.

А теперь вот и этот, Кожай-оол, тоже так же, без всяких причин, схватил меня и держит. Пусть нас судят по новым революционным законам!

Но больше мне говорить не пришлось. Меня прервал следователь, который вел допрос:

— Слова его бегут далеко. Дело затягивается. Позовите сюда хранителя ключей Кожукпая. Этого парня передайте ему. Пусть он получше обо всем подумает.

Вошел пожилой толстый тувинец со связкой ржавых ключей. Нас с Чымчаком он повел перед собой, как пастух телят. Подвел к стоявшей вдали серой избушке. На двери висел большой замок.

Он отворил дверь, и мы оказались в помещении с одним маленьким окошечком с решеткой. Там сидели и лежали люди прямо на земле. Одеты они были кто во что, у всех была грязная одежда, а на серых немых лицах виднелись только блестящие глаза.

Внутри была еще одна дверь. Кожукпай открыл ее и впахнул нас обоих внутрь. Это была настоящая нора. Света здесь не было совсем.

Когда за нами загремел запираемый замок, мне показалось, что теперь я осиротел во второй раз. Тогда, после смерти моих родителей, у меня оставались светлое солнце и голубое небо, горы, степь и речки. А вот теперь и их отняли у меня. Я сравнил себя с голубем, попавшим в тесную пещеру, заваленную огромным камнем.

В тишине мы стали различать голоса людей у нас за стеной. К моему удивлению эти люди переговаривались и даже шутили. Это уже была какая-то связь с жизнью.

Мы с Чымчаком тесно прижались друг к другу, затаив дыхание, как ушибленные птенцы.

Вдруг неподалеку от нас послышался голос. Он исходил из угла и принадлежал старому человеку:

— Откуда вы? Чьи дети? Я не узнал вас. Когда вас ввели, свет ударил мне в глаза и я не смог рассмотреть. Вижу только, что молодые совсем.

Я узнал старика по голосу. Это был мой земляк, дедушка Орус-Хунду. Чымчак тоже узнал старика и обрадованно заговорил:

— А, это вы, дедушка Хунду? Я узнал вас по голосу. А я Чымчак. Наша стойка находится у Кызыл-Туруга, знаете? А это со мной мой друг Ангыр-оол,— говорил Чымчак торопливо шепотом.

— Охай, так, так,— уточнял дедушка.— Вижу, что втолкнули сюда юных и пугливых. Ну, чего вы так испугались? Даже дышать боитесь. Это же не царство ада, а всего лишь простая избушка, сделанная руками человека.

На это Чымчак воскликнул:

— Господи! Да как не испугаться, дедушка, мы же действительно в таком месте впервые!

Чымчак старался непрерывно говорить, не давая мне и слова вставить. Но я понимал его — это он делал для того, чтоб успокоить свое сердце, положить его на место. Я сказал:

— Мне кажется, здесь тесно и трудно дышать.

— Да ну! Стоит ли об этом толковать,— опять успокаивал, как мог, дедушка.— Еще об этом думать! Это вам с непривычки так кажется. Да ты, сынок, ложись, так оно лучше.

Мы оба завозились, ища место прилечь, а Орус-Хунду рассказал о себе:

— Я здесь уже три месяца нахожусь. А по закону-то больше трех недель не положено держать человека. Ну, да ничего, живой! Постепенно привык. Самое трудное, это когда выводят на прогулку. Там солнце так ослепит, что глаза заболят, закружится голова и тошнота подступит. Самое скверное — потерять сон в думах о семье, о свободе. Но это уж душевная болезнь называется...

Тут он немного передохнул, поняв, что может пагнать на нас тоску.

— Ну да наплевать на мои рассказы! Лучше вы поведайте о себе. По какому такому серьезному делу решили втолкнуть вас в эту нору? Рассказывайте, не бойтесь, что вас могут услышать. Этих людей нечего бояться. Они — каменные мужчины.— Старик нарочно говорил громко, чтоб его слышали и там за стеной товарищи по несчастью.

Действительно, слова старика меня несколько приободрили, и я, стянув свою неизменную старенькую шубейку, разостлал ее и лег. Чымчак лежал рядом и продолжал жалобным голосом нашу повесть:

— Мы здесь совсем напрасно, дедушка. По подозрению в воровстве шерсти...

Орус-Хунду и мой дядя Баран-оол были старые приятели. Их сблизило еще участие в Кобдинских боях в 1911 году, в войне с китайцами. Звание «хунду»* они и получили там. Из-за этого давнего знакомства с нашими близкими, наверное, и сочувствие к нам у дедушки Орус-Хунду. Он интересовался всем и обо всем расспросил подробно, а сам, не переставая, утешал нас, как умел:

— Тот, кто в пасть собаке угодит, — кровью неоплатится, кто на злой язык нарвется — страдать будет. Ничего, ребята, там, за стеной, таких, как я и вы, — много. Но все мы верим в силу правды, если она жива — вызовет нас отсюда. Если вы чисты-щепиновны, покрепче уцепите этого Кожай-оола. Сами изматывайте его вопросами. Ищите правду.

Через неделю нас перевели в общую. Был нам и второй допрос. И опять все повторилось.

Через некоторое время нас стали гонять на хлебоуборку. У моего друга Чымчака опухли ноги, и он редко выходил на работу. А для меня любая работа — радость, лишь бы на воздухе быть. Там хорошо — дышать свободно, вволю пьешь чистую воду. А иногда удавалось начистить пшеничного зерна и поесть.

Как-то утром ключник открыл дверь и остановился, выскивая кого-то взглядом хорька. Он недобро уперся в мое лицо и, важничая, потребовал:

— Э-эй, Ангыр-оол, выходи! Сегодня будешь обслуживать комитет.

Приказ был какой-то необычный, так еще никого не вызывали — я растерялся, но там, за дверью, был свежий воздух и утреннее солнце, поэтому мои ноги сами понесли меня к выходу.

Дверь завизжала за моей спиной, замок заскрипел от ржавого ключа, и Кожукпай засеменил враскачку, приказав мне следовать за ним, словно щенку.

Вошли в одну из двух юрт, что расположена возле комитета. Я огляделся: пол ее сплошь покрыт ширтеком** из стеганой кошмы, у стен лежали убранные одеялами постели, а на ширтеке сидели, поджав одну ногу под себя, таргалары. Перед ними лежали свитки чистой бумаги, краска для письма в медных коробочках и подставка для кисточек.

На почетном месте, выше других, сидел Туман Данзырын из Хендерге. Одет он был в голубой шелковый халат без ку-

---

* *Хунду* — титул сумонного чиновника.

** *Ширтек* — коврик.

шака, в белую чесучовую рубашку. Поближе к двери расположился Долумажап из Ийн-Тала, с другой стороны от входа сидел Белек из Чаа-Холя. Про него я слышал, что он учился даже в самом Орхоне (Улац-Баторе). Он был молодой, лицом светлый. Одет в черный халат, аккуратно подноясапный, с русской прической -- без косы, острижен коротко. Ниже его сидел Байыр-оол, сын Шоюна, тоже мой земляк, с которым в детстве мы вместе рыбачили. Шел слух, что он учился в Хем-Белдире. Он тоже острижен, но волосы его зачесаны набок. Вид у него был совсем юный, в носе толкий, гибкий.

Когда я их хорошо рассмотрел, то решил про себя, что партийные таргалары должны быть крупные и полные, а ревкомольцы -- молодые и тонкие.

Пока я изучал людей, находящихся здесь, Кожукпай -- хранитель ключей, раскланивался и, указав на меня, пояснил:

— Вот на сегодня в ваше распоряжение я привел этого парня. Его зовут Ангыр-оолом.

— Угу, — не отрываясь от письма, кивнул Долумажап и прибавил: — А он не переломает тут наши чугунные чаши?

Наши взгляды с Байыр-оолом встретились, но я не подал виду, что мы знакомы, а он, как мне показалось, поспешил вставить свое замечание:

— А-а, это тот, про которого хошунные начальники говорили, что он здорово умеет чай варить?

Крупный, полный, румяный, бритоголовый Данзырын с горбатым носом едва скользнул по моему лицу холодными большими глазами и вновь углубился в писание, не произнеся ни слова.

Кожукпай и я ожидали решения Долумажапа. Этот главный тарга искоса взглянул на меня и кивнул:

— Ладно. Покажите ему кухню. Пусть готовит обед, проверим его хваленое мастерство.

Взгляда и слов его я не испугался, скорее почувствовал шутку и даже поощрение.

Пришли в кухонную юрту, и я сразу увидел, что работал тут какой-то перяха и грязнуля. В беспорядке валялась немытая посуда, в замурзанном деревянном хумуне* скисло молоко, в чугунной чаше присох чай, скорее похожий на помон.

Прежде всего я взялся за уборку. Работа на свободе, да еще по приготовлению пицци, обрадовала меня, и я очень старался.

Уходя, Кожукпай сказал мне, что тут неподалеку стоит юрта Шарави. Он тоже служил в хошуне. Я знал его, он был моим земляком. Мигом сбегал к нему и раздобыл густого свежего молока для чая.

---

* *Хумун* — бидон.

Два большущих медных чайника, побывав в моих руках, стояли довольные, раздувая свои блестящие животы, перемигивались с солнцем. От них исходил аромат только что сваренного зеленого чая с молоком.

Пока я готовил мясо, оба чайника оказались пустыми, а таргалары, откинувшись на постели, отдыхали.

Когда я зашел за чайниками, Долумажап деланно серьезным тоном спросил меня:

— Ты кто, девушка или парень?

— Я и сам не знаю. Люди говорят про меня, что днем становлюсь девушкой, а ночью в парня превращаюсь,— на шутку я ответил тоже шуткой. Долумажап громко расхохотался:

— Вот и возьми его! Это, конечно, необыкновенный парень.

А суровый Данзырын добавил:

— Ответ хороший.

Я схватил пустые чайники и помчался, но смех и оживленный говор начальства слышал и в кухне.

Сварив мясо и разложив по тарелкам, соблюдая все правила этикета — кому какая часть по старшинству полагается, поставил перед каждым. Тут же подал и крепко посоленный бульон с луком.

Ели они с удовольствием. Наверное, соскучились здесь по домашней еде, живя на холостяцком положении и получая пищу из рук случайных поваров.

Когда тарелки с мясом опустели, я принес свежую домашнюю лапшу, и она со свистом исчезла на моих глазах. Я собирал пустую посуду, исподтишка наблюдая, какое впечатление оставил мой обед. Заметил, будто довольны. А тут и Долумажап высказался:

— Да, друзья, и в самом деле — повар прославленный. Не хуже китайских поваров может приготовить,— и, захохотав, прибавил:— Видно, правду он говорит, что днем становится женщиной.

Все засмеялись, а он встал и, подойдя ко мне, обратился к своим товарищам:

— Разрешите проверить?.. Не возражаешь, Ангыр-оол?

Я не смутился и ответил:

— Если бы бог захотел, чтоб меня щупал каждый, кто захочет, наверное, он создал бы меня козой с приподнятым хвостом. А так, без его разрешения, я не имею права позволить вам этого.

В ответ на мой отпор раздался веселый хохот.

— Ой, печенка пересохла!— стонал кто-то от смеха.

— Да с ним и разговаривать невозможно. Ох, чертенок!— И опять залился безудержным смехом. Да и я под конец не выдержал серьезного тона и убежал на кухню.

Вечером, когда я приготовил и подал ужин, за мной явился владелец ржавых ключей. А секретарь сказал ему:

— На другие работы его не посылай, а с утра веди сюда.

Я шел и размышлял: «Может быть, и правда помогает, когда много молишься, ведь я в черной сырой яме молил всех — чистую и нечистую силу. И вот довелось готовить такую обильную и вкусную еду. Да тут, если и в рот не положишь, так будешь сыт от одних запахов. А какие они! Шутят со мной. Такое отношение заживляет раны всех пережитых оскорблений».

Бег светлых моих мыслей прервал визг тяжелого замка, и я опять очутился среди своих товарищей по несчастью. Они интересовались всем, а я охотно делился впечатлениями проведенного дня. Одни радовались, другие завидовали.

— Я рад, что хоть один из наших сыт сегодня.

— Э-эх, хоть бы разок меня послали туда, — вздыхал другой.

А Орус-Хунду сказал:

— Много это значит для Ангыр-оола. Пусть посмотрят поближе на него. Ведь он совсем юнец неосформившийся, да к тому же голый, босой. Если есть ум и сердце у кого, приглядитесь поближе к нему, поймет, что он хороший парень. А тебе, Ангыр, следует найти удобный момент и сказать им: «Уважаемые начальники, станьте моими ушами и глазами, поглядите, в каком положении я нахожусь. Помогите вытащить ноги из глубокой ямы. Очистите имя мое детское от клеветы».

Неподалеку от меня сидел Силин-Хуурак, он заговорил очень громко, чтоб услышал дедушка Орус-Хунду, там, у себя за стенкой:

— Значит, у Данзырын-Хелина жена не пожаловала сюда, Ангыр? Расскажи-ка нам, как он мясо ел. Я знаю, у него не желудок, а мешок кожаный, в еде он чистый волк. Куда в него только лезет?

Из-за стены послышался вопрос дедушки:

— Что, Ангыр-оол, жен-то их разве нет здесь?

— Нет, — ответил я, удивленный рассказом Силин-Хуурака. «Неужели тарга комитета партии хелин? Это же высокий ламский чин». Вслух я тоже подивился:

— Неужели это правда, что он хелин? Я не знал. А мясо ест он в самом деле здорово. Я положил ему целую лопатку баранью да еще горку ребер, а когда собирал посуду, то никаких остатков не увидел. Даже кости обсосал.

Силин-Хуурак обрадовался:

— Вот видишь, а что я говорил! Порядочный человек, знающий приличия, непременно должен оставить, пусть даже самый малый кусочек мяса в своей посуде, а на лопатке тем

более. Ведь не зря же в народе живет поговорка: «Лопатку один не съедай, черные мысли не таи»...

Когда я попал в эту общую камеру, то все больше проникался уважением к Силин-Хуураку. Он был и здесь всегда опрятным, подтянутым, веселым, очень смелым на язык, в нем горело какое-то светлое пламя. Он и другим не давал впадать в уныние. Неизвестно, как и чем, в этой темной и грязной камере, он сделал хомус, а затем и дошчулур и часами играл и пел всеми любимые родные песни.

Он и одет-то был отменно от других. Даже и тут был замечен когда-то белый чесучовый мастерски расшитый халат, а на поясе висели различные украшения вместе с небольшим фигурным огнивом и трубкой из лучшего камня, и расписной табакеркой с причудливой резьбой на головке из коралла. Он был высок, тонок в поясе, строен, не старше тридцати лет. Хорошо владел монгольской грамотой. Дедушка Орус-Хунду рассказал, что этот человек не был знатного происхождения: пост не занимал и не был ламой, а грамоту дал ему его старый отец Давазан, который потратил на ученье сына все, что имел.

В первое время после революции Силин-Хуурак принимал большое участие в делах местных властей. Он служил и занимал хорошую должность. Но таких людей, как он, простого звания, почти не было у власти. Все высокие посты в новом правительстве занимали бывшие крупные чиновники и высокие ламы. Вот и тут сидел на должности первого секретаря райкома Данзырын — бывший большой лама. Дедушка Орус-Хунду говорил, что этот Данзырын, как и все чиновники, оставил свою молодую красавицу-жену там, в Хендерге, откуда и был наш Силин-Хуурак, и что Данзырын посадил Силин-Хуурака сюда только из-за ревности.

А Сонам-Баир — бывший сайгырыкчи и в феодальное время властвовал над этим районом.

Мое пребывание в этих стенах стало для меня школой, общение с людьми, попавшими в беду, и общение с начальством — все это помогло мне многое познать.

Со мной сидело здесь много разных людей. Тут были старики и совсем молодые, как мы с Чымчаком. Одни унылые и больше думали о том, как бы раздобыть себе пищу, другие бодрые, порывистые. Некоторые были похожи на Силин-Хуурака, с душой, полной незатухающего огня. Это те, кого издавна народ назвал кайгалами — храбрецами. Они смело боролись против несправедливости богачей, но чаще всего в одиночку. В знак протеста они у обидчика-богача угоняли скот или любимого скакуна.

Спокойно жить в родных аалах они не могли и становились

чаще всего дургунами-беглецами. Но у народа они пользовались большим уважением. Их никогда не выдавали. Ими гордились и с уважением произносили их имена. Им не раз приходилось понадать в хищные когти чиновников, переносить все девять пыток страшного судилища.

Этих людей ничем не удивить и ничем не запугать. Они, совсем не таясь, высказывали смело свои мысли обо всем.

«Вот это правительство, так называемая наша аратская власть. А какая разница? Те же хелины, те же ламы. Только в том изменились они, что шишки с шапок своих поснимали. Но не сомневайтесь, все атрибуты своей власти они хранят до времени в больших аптарах. Если волка переодеть в овечью шкуру и пустить настухом в стадо, много ли добра дождешься?»

Правда, люди говорят, мол, овцы глупы, но и у них есть чутье, почуют по запаху такого настуха и побегут кто куда сможет. Но мы-то ведь не из породы глупых и доверчивых овец и потому имеем право громко потребовать: «Где правда?!»

Верно, есть и такие, кто из-за песен своего пустого желудка забредет к соседу за каким-нибудь паршивым козленком и расилачивается потом. Но о таких кайгалы с насмешкой говорят: «Э-эх, не голова тобой управляет, а брюхо!» Издеваются над ними, а они молчат. Им не до шуток и не до песен, они только шепотом пропозносят какие-то гаданья, как им выбраться из этого положения.

А кайгалы-храбрецы не унывали и пели:

Час придет к злой замок
проскрипит в последний раз мне,
миг настанет и блеснет мне
луч прекрасных глаз любимой.
Высокие скалы-пристанца,
гордых орлов и соколов,
тенистые леса — любимая обитель
сына моей матери.

Интересно и весело рассказывали они о своих проделках над всевозможными чинушами. Рассказывали они и о том, как им удавалось выводить на чистую воду предателей, подхалимов, трусов и всю другую нечисть. А главным их оружием всегда были только храбрость, ненависть ко всякому злу. И все это перемежалось со смешными и любовными историями.

После этих рассказов мы с Чымчаком, идя на допрос к чиновникам, чувствовали себя совсем по-новому. Прежде всего мы почти перестали их бояться, и у нас родилось к ним презрение.

Однажды, когда нас с Чымчаком вывели по небольшой надобности, был ясный день. Я взглянул на коповязь и увидел

чалую кобылку моего дяди. Она, измученная жарой и оводом, непрерывно мотала головой. Я показал на нее дружку:

— Смотри, из нашего аала кто-то приехал. Ну, наверное, нас опять потащат на допрос.

Я подбежал к своему охраннику и пришлось упрашивать:

— Дяденька, отведи нас раньше.

Но он зыкнул:

— Без тебя знаю, что с вами делать,— и загнал нас снова в наше логово.

Прошло не так уж много времени, как снова завыла, завизжала паша дверь всеми своими железными суставами и явился все тот же Кожукпай, прокричав с порога:

— Э-эй, Чымчак, Ангыр-оол, выходите на допрос!

Вопреки обычным правилам, на этот раз нас ввели обоих вместе. В юрте было много чиновников, только отсутствовал сам Сонам-Баир. Но тут же сидели мой дядя и Кожай-оол. Сидел и тот следователь, который так строго допрашивал нас все прошлые встречи, но даже и головы в нашу сторону не повернул. Он что-то писал. А другой чиновник, которого звали Седен-Дамба, говорил дяде:

— Ну, молодец Баран-оол, ты много похлопотал и потрудился для правды — отыскал настоящего вора.— А сам с таким злорадством посмотрел на Кожай-оола, что даже нам стало весело. А дядя спокойно и с достоинством излагал:

— Я же ведь сразу вам докладывал, что ложно обвиняют мальчишек в этом преступлении. Вот я и принялся за поиски настоящего виновника. Пожалуй, Кожай-оол знал виновного, но наговорил на этих парнишек и спокойно ожидал, чтоб их засудили. Потому что вором-то оказался не кто иной, как его приемный сын. Я узнал, что он тогда же отправился к своему брату и вместе с ним пустил эти две барбы шерсти в дело. Ну, а что было дальше, стоит ли говорить?

Теперь чиновник перевел допрос уже на Кожай-оола:

— Правильно ли говорит суду Баран-оол?

Кожай-оолу нечего было сказать, и он только кивнул головой, но следователь потребовал полного словесного ответа. И он пролетел униженно и тихо:

— Правильно. Это сына моего беда.

Но его прервал следователь:

— Подожди. Пока ни на кого эту беду не сваливай. Ты же ведь нас клятвенно убеждал, что шел по следам, да не только по следам, а прямо по пятам шел, как ты говорил, за этими парнишками и нагнал их прямо в юрте. Значит, ты нас заведомо обманул?

— Что мне сказать теперь? — бормотал Кожай-оол. — Это их мокрые ноги меня подвели.

Но его строго перебил вопрос следователя:

— Я ни про чьи ноги тут не спрашиваю. Говорите ясно: вы обманули нас?

— Стало быть так, наверное, об-обману-у-л,— стал заикаться вдруг Кожай-оол.

— Идите,— следователь обратился к писарю,— обманул. Стало быть, эти парнишки тут просидели по вашему ложному доносу напрасно?

— Да... Видно, ни за что они сидели,— вконец притих Кожай-оол.

— Так прямо и говорите, что я их оболгал,— продолжал строго следователь, а Кожай-оол тихонько подтверждал.

— Но вы оболгали не только этих неповинных ребят, но и обманули всех нас?

— Да. Видно, так оно получилось. Но я не виноват. Ведь следы...

Больше нас этот допрос уже не занимал. Мы поняли лишь одно: вина с нас снята. Мы с Чымчаком переглянулись и, как щенки, выскочили из юрты, как только услышали слова следователя:

— Ребята, вы свободны.

Но дядя остановил нас и велел встать на прежнее место у входа. Он все так же спокойно обратился к чиновнику:

— Теперь вы установили невиновность этих ребят. Это так. Но справедливость требует определить и возместить убытки, понесенные сиротой Ангыр-оолом. Вы же видите, как он одет. Ведь на нем одни отрепья да дыры. А весной у него был посеян целый шан пшеницы. Прошла весна, миновало и лето, пока он тут находился. Его пшеница уродилась хорошо, но следить-то за ней некому было. Вот и потравил ее скот. Так я хотел бы узнать, кто будет отвечать за потраву? Вам же известно, что у него никакого другого имущества нет. Даже нет никакой одежды, кроме той, что на нем. Как же ему теперь быть?

Чиновник, не долго думая, спросил Кожай-оола:

— Слышал, Кожай-оол, что из-за твоей клеветы погиб урожай у этого парня?— А потом спросил дядю:— Сколько там предполагалось спясть урожая?

— Урожай обещал быть хорошим, и самое малое он дал бы не меньше шести барб зерна.

— Слышал, Кожай-оол? Приказываю, без всяких разговоров насыпать полных шесть барб хорошей пшеницы и отдать Ангыр-оолу,— и, повернувшись к дяде, еще строже произнес:— Если же Кожай-оол будет тянуть с отдачей хлеба, немедленно сообщите нам.

Дядя коротко проговорил:

— Ча.

Теперь строгий начальник доброжелательно попрощался с нами и пожелал:

— Ну, будьте здоровы. Возвращайтесь домой, живите спокойно. А с этим человеком, — он кивнул в сторону Кожай-оола, — у нас будет особый разговор...

Мы, не помня себя от радости, едва соблюдая приличия, поспешили выскочить из этой юрты законов. Дядя пошел к своей лошадке, а мы с Чымчаком, впервые с таким стремлением бежали к ненавистной серой избушке, чтоб забрать там свои пожитки и никогда больше не вспоминать этот страшный дом с огромным скрипящим замком.

НЕ ПОЗНАВ ЛИХА, НЕ ОЦЕНИШЬ ДОБРА

Сердце радовалось и пело что-то необыкновенно веселое, и я не мог дожидаться, когда же этот хмурый ключник наконец отперет свой увесистый замок с двери ненавистного обиталища. А Чымчак от волнения только шумно посапывал за моей спиной. Едва дверь растворилась, как мы стремглав бросились к своим вещичкам и принялись торопливо укладывать их. Наши товарищи все были рады за нас и каждый что-нибудь да хотел нам сказать. Кто-то спросил:

— Ну как, солнце все так же бродит по своей дороге, не изменило обычный путь?

— Нет, дяденька, — закричал я. — Сегодня оно поднялось так высоко и так ласково и светло греет все вокруг!

А Чымчак, присев на свои пожитки, тихо молился, сложив руки ладонями вместе, то прикладывая их ко лбу, то к груди и шептал:

— Оммаанипатнихом, дай бог, чтоб больше никогда не оказаться мне в таком месте. Чтоб больше никогда не переживать мне такого позора...

Дедушка Орус-Хунду давал свои наставления:

— Ну что ж, ребята. Мы все рады за вас, что правда наконец-то встретилась с вами. Только я на вашем месте не позабыл бы обиды. — И, подняв свой крепкий кулак, потряс им в сторону юрт чиновников, продолжая громче прежнего: — Эти бывшие чиновники за правду меня ненавидят. За это я и сижу тут, но не сдаюсь, не покоряюсь им.

И, обернувшись к молящемуся Чымчаку, сказал:

— Вот ты, Чымчак, старший из вас двоих, но трусливый. По-моему, куда позорнее умереть невиновным только оттого, что ты перепугался и защитить себя не смел. Знайте, трусость — это самый близкий друг твоего врага. Ну, да хватит.

Вы и так теперь кое-чему научились тут и кое-что поняли, паверное. Вот если кого из моих детей или близких увидите, передайте: «Орус-Хунду сидит, как было». Пусть навестят и привезут что-нибудь из еды.

Дедушка Кунчун сказал:

— Ну что ж, счастливой дороги вам, ребята. И тебе, Ангыр, за то, что подкармливал нас немножко.

Силин-Хуурак попросил нас:

— Если встретите кого-нибудь из хендергейской молодежи, пропойте им эту песню:

Над Ташу-Олом поднялся черный туман,
это — признак большой бури.
У материнского сына Силина душа горит,
это — предвестник больших действий...
Через шесть месяцев
поглядывай на перевал Тауды,
если минет назначенный срок —
считай, совсем не стало сокола...

И, закончив песню, наклонился к моему уху и совсем тихо прошептал:

— Передай, в Хем-Белдир направил тайно от этих чинов жалобу. Верю, разберутся там, и я скоро вернусь домой.

Наше прощанье прервал из-за двери голос ключника:

— Э-эй, Ангыр-оол, забирай поскорей свои вещи да беги, тебя начальники требуют в комитет!

Сердце мое пронзило острой иглой, исчезла светлая радостная песня, переполнявшая его мгновение назад.

Мы с Чымчаком вышли с болью в душе за оставшихся товарищей. Многие из них одарили нас сочувствием. А сейчас все они тепло попрощались с нами и смотрели нам вслед, улыбаясь, будто сами получили частичку своей свободы. У меня щемило сердце и щипало глаза от этого расставанья.

Чымчак ушел к коновязи, а я попуру поплелся в комитет, ожидая любой новой беды. Но меня встретили веселые улыбки таргаларов, а Байыр-оол встал и позвал меня в кухонную юрту. Там было пусто. Он предложил мне сесть, сел и сам, подогнув ногу, и оперся локтем на колено другой ноги, как будто собирался завести долгий разговор:

— Слушай, Ангыр-оол, у нас есть к тебе хорошее предложение. Ты теперь чист, свободен, вся клевета на тебя была ложной. Теперь ты можешь располагать собой, как пожелаешь. А все же интересно знать, куда ты думаешь теперь поехать и чем заняться?

Я без раздумий ответил:

— Куда? Конечно, в свой родной Амырак к дяде. Там ведь был у меня шан посева. Ну, а на зиму переберусь в Южный

Амырак. Там к кому-нибудь наймусь настухом или ночным табунщиком. Жить-то надо,— по-взрослому рассуждал я.

— А большей срунды ты, Ангыр, не придумал? Послушай-ка, что я скажу тебе. Все наши тарги так тебя расхвалили за обеды, что толковали между собой еще и тогда, когда с тебя не было снято подозрение. Они даже хотели хлопотать, чтоб тебя освободили раньше. А мне они поручили поговорить с тобой, зная, что мы с тобой земляки и лучше сумеем договориться. Короче — оставайся у нас работать: готовить пищу, убирать помещение и разносить, куда надо, бумаги разные.

Я отрицательно замотал головой, но Байыр-оол остановил меня жестом руки и продолжал:

— Да ты выслушай все толком. Где ты найдешь такие условия, как здесь? Еда бесплатная и сколько пожелаешь. А главное — жалованье целых пятнадцать лан! Вспомни-ка, сколько ты работал на людей, а кто-нибудь из них хоть что-нибудь платил тебе хоть раз в жизни? Разве что огрызки костей да слив от чая. Не так ли?

Я согласно кивнул, а Байыр-оол продолжал рисовать и без того давно знакомую мне картину:

— Допустим, пойдешь зимой пасти табун лошадей. Хозяин тебе пообещает за этот труд расплату весной, скажем, жеребенка. А ты забыл, сколько режут волчьи стаи скота? Если в твоём стаде такое случится, что скажет тебе хозяин? Ты и за три зимы не рассчитаешься с ним. Да, кстати, не в этой ли «теплой» дохе собираешься пасти на зимнем морозе, когда птицы на лету застывают?

Он указал на мою коротенькую рваную шубенку, на которой было куда больше дыр, чем ворсинок шерсти.

Предложение Байыр-оола крепко сковало, я задумался и еле слышно сказал:

— Не знаю. Смогу ли я тут служить...

— Что ты выдумал? Да в себе ли ты отказываться от такого хорошего предложения! А что сможешь, так о том и разговора нет: не только наши таргалары довольны твоими обедами, но даже сам Сонам-Баир намекал тебя к себе на службу забрать. Но там труднее тебе будет, людей там больше и дел больше, чем тут у нас.

— Что это опять насильно меня хотят заставить работать? Тогда какая разница новой власти от старой?

— Да нет же!— резко прервал мои рассуждения Байыр-оол.— Ты об этом пока помолчи. Это не твоего ума дело. А вот как начнешь у нас работать, так я возьмусь учить тебя монгольской грамоте. Согласен?

Эти последние слова его поразили меня не на шутку, и я, позабыв все обиды, перенесенные здесь, с радостью воскликнул:

— Неужели правда, тарга, что я могу постигнуть тайну грамоты?!

— Па! — Байыр-оол нарочно сделал испуганное лицо, округлил глаза и выкрикнул: — Непостижимые дела! Да я же, как и ты, еще недавно тоже был неграмотный. А потом поехал в Хем-Белдир, учился там всего два года. Ну и видишь, вот теперь пишу, читаю по-монгольски, да и по-русски немного научился. Теперь надо хорошо изучать эти оба языка, чтоб быть настоящим грамотеем.

— Неужели это возможно и для меня? А может, и правда попробовать постараться, так что-нибудь и получится? — рассуждал я вслух, а спрашивал скорее самого себя. Но мой тарга принял это, как видно, за полное мое согласие, встал и, выходя, бросил утвердительную фразу:

— Какой может быть еще разговор? Ладно, я пошел сказать таргаларам о твоём полном согласии.

Я бросился за Байыр-оолом с криком:

— Нет, подождите, тарга Байыр-оол, подождите немного!

Байыр-оол остановился, удивленно посмотрел на меня и спросил:

— Что еще надумал?

— Я согласен. Только вот мне необходимо съездить домой, к дяде. Там есть кое-какие дела у меня.

— Сколько дней потребуется? Дня два-три достаточно?

— Нет, уважаемый тарга, дней пять понадобится. Надо с дядей посоветоваться. Даст ли он еще согласие на такое большое дело. Да одежду свою подлатать необходимо. Видите, весь обносился тут.

— Пустяки толкуешь. С чего бы дяде твоему не согласиться на доброе дело для тебя? Ну, уж если он и вправду будет возражать, так ты скажи ему вот что: хошун тебя хочет вызвать на годовую повинность. А если добровольно поступишь на работу, так еще и деньги платить станут. А теперь все. Поезжай. Но чтоб через пять дней прибыл точно. Обманывать комитет не полагается. Понял?

Я шел, все убыстряя шаги, а поравнявшись с кара-бажином, постарался отвернуться, чтоб не омрачить нахлынувших радужных мыслей от вида этого страшного обиталища человеческих унижений и страданий. Думки мои вертелись вокруг предложения Байыр-оола: «Нет, разве может так быстро перемениться судьба человека? От тяжкого обвинения до возможности учиться грамоте, да еще получать бесплатно еду! Но ведь, кроме всего, он сказал, что будут платить еще жалованье. Целых пятнадцать лан! Кто когда зарабатывал такие деньги из моих близких? Ну, а я таких денег даже и не видел. Наверное, я смогу впервые в жизни надеть на свои плечи новую одежду, а

не обноски, которые давали хозяева за пастьбу. Но самое главное, он обещал учить меня грамоте! Разве могу я ожидать большего счастья?»

Когда я добрался к дяде, уборка хлебов была уже закончена. На току у дяди осталась не домолочена только одна небольшая скирда проса да столько же ячменя.

Моему появлению все были обрадованы. Дивились моим рассказам, сочувствовали, расспрашивали, возмущались несправедливостью Кожай-оола. Больше других обрадовался мне мой старший брат Бадый-оол, только что прискакавший из Овюра, узнав о моем освобождении. И как-то все оттягивал и молчал о предложении поступить на работу в комитет. Но когда сказал об этом, то мою тетюшку чуть не хватил удар. Она сперва, онемев, раскрыла рот, а потом замахала обеими руками и запротестовала:

— Не-ет, не-ет! Ты и не думай об этом. Да если за тобой пришьют посыльного, так я сама им скажу, что ты болен. Вот и все тут.

Я видел, что тетка чего-то боится или ничего не поняла из моего рассказа, и принялся ее убеждать:

— Уважаемая ченгей*, я же ведь член ревсомола и обманывать никого не имею права. Я клятву давал жить и говорить только правду. Да и дядя мне не позволит обманывать, он же ведь тоже член партии.

Но и эти доводы не подействовали на властолюбивую тетюшку, и мне пришлось прибегнуть к совету Байыр-оола относительно вызова их юрты на бесплатную годовую службу в райцентр.

Все приумолкли, а брат мой Бадый-оол рассудил так:

— Ну что ж. За деньги почему же не поехать туда на работу. Я согласился бы на это.

Больше никто не протестовал и не отговаривал меня. Я занялся хлопотами по починке своей одежды, а дядя поручил Бадый-оолу съездить к Кожай-оолу за зерном.

Долго задерживаться у родных у меня не было нужды, и я поспешил в обратный путь, подвесив за спину свое имущество: починенные старенькие идьки да все ту же облезлую шубенку. А вместо лошади мне надежно служили мои ноги, и потому я прибыл на свою первую государственную службу без опоздания.

Байыр-оол встретил меня словами:

— Молодец. Сдержал слово. Считаю, что теперь ты вступил на новую дорогу жизни. Шагай по ней, парень, смелее.

---

* Ченгей — жена брата.

РУКИ МОИ ПОВЕЛИ МЕНЯ ВПЕРЕД

Мое вступление в должность началось с того, что я получил ключи от амбара с продуктами. Потом показали служебные помещения и жилые юрты, где я обязан наводить чистоту и порядок. Кроме этого, на меня возлагались обязанности курьера. Ну, а о поварских делах и говорить не приходилось — это главное мое дело.

Обойдя свое владенье, я увидел полное занустье — все требовало воды и веника. Но больше всего меня поразила грязь в амбаре. Это был скорее скотный двор, но не место для хранения еды. Я вспомнил, как русские хозяйки у нас в Торгалыте мыли по субботам полы в своих избах. И я набрал котел песку, нарвал березовых веток, соорудил хороший веник и принялся промывать и надраивать пол в амбаре. Через несколько часов усиленного труда наконец-то показались светлые деревянные доски пола. Тем же способом навел блеск и в других помещениях. А мои таргалары, видя чистоту в помещениях, чаще стали приводить в порядок и свою одежду. Из их разговоров между собой я улавливал кое-что приятное для себя:

— Давно нам следовало от наших уборщиков требовать чистоты. Ведь был же у нас специальный курьер с окладом, да и из заключенных приводили постоянных разных помощников ему, но почему-то они не справлялись. А теперь, смотрите, и дышать легче в помещении, да и работать лучше стало. До этого мальчишки, приехавшего из глуши, наша контора заросла паутиной и пылью, а теперь туда с грязными сапогами и войти не посмеешь. Все блестит. И когда он только успевает — нестижимо.

Другой из начальников с сомнением высказался:

— Пожалуй, это он для начала старается, чтоб не уволили. А потом надоест и бросит все, как у тех же будет грязно. Ну, да время покажет. Посмотрим.

А я делал вид, что ни о чем не догадываюсь и ничего не слышал, старался еще больше и усерднее трудиться, рассуждая — ведь за этот труд мне будут платить. Да ко всему еще обещают и грамоте учить. Как же мне не стараться? Пока я и сделал-то не так много, но и это они уже успели заметить и оценить. А ведь раньше мне никто добрых слов не говорил, а только ругали. Ну и работу здесь не сравнишь с той, что мне приходилось выполнять, здесь не работа, а игра.

А пищу какую получал я там бывало? В лучшем случае чашку тары на весь день. Да с тем и гони овец по горам — прыгай то вверх, то вниз за холма или выступи зверь нападет. Береги чужое стадо больше собственной жизни. Пой, кричи до

хрипоты, чтоб волки тебя боялись. А к стойбищу раньше сумерек возвращаться и не смей. А ты не только сверху сквозь отдушины бесчисленных дыр в твоей шубенке заледенел, но и желудок твой изнутри заиндевел.

А когда пригонишь овец к юртам, так даже у самой доброй хозяйки не найдется других слов к тебе:

— Скорей, скорей, спеши, Ангыр-оол, загоняй овец в кошары, а то ягнята маток заждались, проголодались и замерзли, бедняжки.

Надо еще подождать, когда ягнята насосутся, отделить их от маток, всех загнать по кошарам. И уж только теперь ты вправе появиться в юрте и присесть у самого порога в томительном ожидании, когда же тебе скажут:

— Подогрей чай да подсынь горсть хевека в чашку.

Но и на этом твои обязанности не закончены, слышишь, хозяйка уже торопит:

— Эй, Ангыр, ночь наступает. Работа не ждет, спеши. Принеси льда для варева или снега.

А если поблизости есть река, так воды принести прикажут. Потом дров нарубить на всю ночь для очага, натолочь проса для ужина хозяевам и для завтрака тоже. Да разве все припомнишь и перечислишь, что поручалось все за одну чашку тары или хевека в сутки.

Когда ты, окоченевший, голодный, бегаешь по всяким поручениям хозяйки, дети хозяйские в это время весело развлекаются, сидя в переднем углу перед ярким костром, который ты же разводишь. Они или в бабки играют, или в шахматы сражаются, весело и сыто хохочут да еще покрикивают на тебя:

— Эй, лодырь, побольше дров подбрасывай, а то нам темно играть, слышишь?

Ночлег твой тоже не согреет тебя. Ведь место твое у самого входа у двери на голой земле. Как ни крутись, а рваной шубенки все равно не хватит, чтоб прикрыть все тело. Особенно скверно ногам, без ходьбы они совсем замерзают за ночь.

Но еще страшней вспомнить работу ночного табунщика. Только представишь, что вот сейчас люди ужинают: пьют горячий бульон, едят ароматное мясо, да еще чай с густым молоком из кипящей чаши наливают, а ты, вот в эту туманную от жгучего мороза ночь, когда все живое спешит в укрытие, должен отправляться на всю ночь сторожить лошадей.

Взглянешь на небо, увидишь звезды, а они тебе гвоздями кажутся, будто кости твои насквозь сверлят.

Тишина звенит и потрескивает. Только различаешь стук копыт по снежному насту — это кони добывают из-под снега замерзшую траву. Да ночной хлюс, меняя направления, завывает

на все лады. Кажется, нет ничего бесконечнее зимней ночи и само время, окоченев, совсем прекращает бег.

Хорошо, если лицо и уши твои настолько задубели, что мороз не оставляет на них своих поцелуев. Но не зевай, он ведь совсем незаметно прикоснется и тогда берегись — оставит на твоём лице черные метки. Тогда не обрадуешься, боли не оставят тебя ни в тепле, ни на холоде и открытые раны не заживут до наступления тепла. Боль этих рап, кажется, проникает в самую глубь сердца. Да и весной, когда подживут твои щеки, уши, нос, на них навсегда останется метка, будто ты побывал на пытке.

Ну, а чем радостней осенняя или весенняя страда? Тут главное — вся работа твоя, ну, а что уродится — смотри из рук хозяина. Взять, кажется, доброе время — сенокос. Но и тут радости мало от комариного дыма и напряженного тяжелого труда.

Но труд может быть любим по трудности, это все переносимо. Непереносимы оскорбления и унижения от хозяев. С чем же я могу сравнить эту свою новую работу? Нет, лучшей работы у меня еще не бывало в жизни. Это настоящая встреча со счастьем. Так держи ее крепко в своих руках, Ангыр! Сам видишь, это ясно. Так пусть же твои ноги бегают быстро, а руки не знают усталости, трудись как можно лучше. Это твоя лучшая тропинка, по которой ты когда-либо ходил.

Радостью для меня были слухи из соседних юрт: «Смотрите, какой парнишка попался нашим комитетчикам. Чистоплотный, трудолюбивый. А как вкусно готовит, что с удовольствием приходишь к ним, чтоб попасть к обеду».

Что может быть радостней, чем такая оценка? Значит, и тут сбылись слова моей бабушки, когда она поучала меня: «Руки шевелятся — живот сыт». И еще, помню, говорила она: «Трудись старательно и одиноким не будешь. В труде друзей обрешь и уваженья добьешься. Знай, лодыря никто за человека не считает».

Правда, на работу меня всегда звали наперебой. И только вот здесь, в комитете, я почувствовал всю правду бабушкиного наставления. И потому я каждый день начинал свою работу с большой радостью и старанием. А чтоб дела мои шли еще лучше, я заводил знакомства со всеми хозяевами юрт, которые здесь находились, у них я брал свежее молоко, пыштак, аржи, сметану и все, чем они могли поделиться. Но, конечно, и я не оставался у них в долгу — расплачивался то кусочками сахара, то горстью чая. Словом, всем, что оставалось от обильного таргаларского стола. И все, кажется, были довольны этой меной.

Мне позволялось брать из кара-бажина помощника для ведения хозяйства. Я ведь сам недавно выбрался оттуда и там

было у меня немало знакомцев. Выбирал наиболее трудолюбивых и чистоплотных. Да и подкормить их тоже хотелось, и они рвались на работу ко мне в помощники.

Часто меня посылали в Шагопар за покупками в госторы и в китайские лавчонки. Там я покупал чай, сахар, соль и табак. В поселке я заводил знакомство с русскими хозяйками и у них добывал разные овощи. А это еще больше улучшало качество моих блюд. А гостей за столом у моих таргаларов все прибавлялось. Частенько Солам-Баир, обедая у нас, сетовал на своего старика-повара, что он нерадивый и перьяшливый.

Круг моих знакомых разрастался. В те времена народ с особым почтением относился к новому революционному правительству. Порой даже и меня причисляли к этим служащим и всюду принимали охотно, не отказывали в моих просьбах, которые сводились, главным образом, к приобретению продуктов для моей кухни. Немало помогало и мое доброе отношение к людям. Они мне платили тем же.

Так постепенно, как хозяин, хорошо изучивший повадки своего верблюда, я приноровился к своей работе, служба моя не была мне в тягость, хотя и дел всегда было с избытком. Кроме жалованья, у меня появились еще и дополнительные приработки: заколют скотину для их стола, а шкуру выделать поручат мне и за это дают вознаграждение. Но обработку ее я всегда перепоручал своим добровольным помощникам из карабажина. Они выполняли эту работу хорошо и быстро, а я им за труды относил потроха. Выделанную шкуру начальники обычно резали на ремни для сбруи.

Теперь я научился считать деньги и в китайских ланах и в русских червонцах. Разглядывая свои ладони, я раздумывал: еще недавно вы блестели от грязи и мозолей, а теперь на моих чистых ладонях сверкает ими заработанное серебро. Тратить попусту свой заработок я не решался. С нетерпением хотелось мне поскорее поехать к моей доброй наставнице, старенькой бабушке, и показать ей эти сверкающие монеты, заработанные руками ее внука!

Но чем больше я входил в доверие, тем больше поручений сыпалось на меня. Нередко посылали с пакетами в отдаленные сумоны. А то приказывали разъезжать по их домашним стоянкам, чтоб отвезти женам зарплату или покупки. А те отправляли всякой домашней снеди, не забывали добавлять и кугерчик араки.

Эти поездки были интересными. И там и здесь я был желанным вестником. Но вот одно меня не очень радовало: жены принимались выпытывать о поведении своих мужей, а мужья исподволь пытались выспросить, нет ли чего подозрительного

в делах их жен. Я пытался успокаивать обе стороны, чтоб не рождались ссоры.

Кроме множества всяких дел, у меня была еще одна обязанность, требующая особой тонкости. Это изготовление красной краски для бумаги. Она необходима была моим писарям для наведения тонких линий на бумаге, когда они писали по-монгольски. Эту краску я изготовлял из красной материи, предварительно намачивая ее в воде, потом пробовал ее концентрацию и, убеждаясь в пригодности, старательно наводил требуемой ширины красные линии на бумагу.

В мои дела входило содержание в чистоте кисточек для письма и разведение краски. Кисточки да и баночки с красками часто браковались начальниками, и они их приказывали выбрасывать. Но куда там! Я все тщательно подбирал и тащил в свое убежище — кухонную юрту. Там у меня и бумаги забракованной оказалось немало. Я все тщательно перетирал, аккуратно укладывал, приберегал.

Однако своей нетерпимостью ко всяким беспорядкам я приобрел даже врага в лице райкомовского парня, исполнявшего ту же должность в своем учреждении, что и я здесь, в комитетах. Его частенько ругали и ставили в пример мою расторопность, за что этот парень даже грозился поколотить меня.

УХВАТ И КИСТОЧКА

Самым значительным и самым незабываемым в моей первой служебной должности была встреча с «Сагаан толагай» — белыми буквами, как назывался монгольский букварь.

Это произошло неожиданно. Однажды ко мне в кухонную юрту заглянул секретарь Улуг-Хемского райкома ревсомола, сын Шоюна, мой земляк Байыр-оол, один из четырех моих начальников, и позвал меня:

— Ангыр-оол, если сейчас располагаешь свободным временем, зайди ко мне в юрту.

Я с готовностью ответил обычное:

— Ча.

А он, больше ничего не добавив, удалился к себе. Я размышлял: «Интересно, для какого дела я ему понадобился сегодня? Все таргалары поразъехались кто куда. А он один еще какую-то работу делает? Наверное, хочет меня послать с каким-нибудь поручением, не иначе». Особенно-то разгадывать не приходилось — раз зовут, стало быть, надо идти.

Вошел. Вижу, мой тарга сидит на краю своей кровати и держит в руке какую-то бумажку. «Ага, — мелькнуло у меня в голове, — значит, хочет послать меня на разфонную станцию,

чтоб потребовать лошадь». Я даже не пошел дальше порога, уверенный, что мне немедля придется бежать с поручением. Но Байыр-оол позвал:

— Ну, что ты встал там у дверей? Заходи, садись вот тут на табуретку,— с улыбкой сказал он.

Как я не был смущен этим приглашением, но неудобно было и послушаться. Пришлось сесть рядом с моим начальником.

А он заговорил так:

— Помнишь, я обещал научить тебя азбуке? Правда, с того дня прошло немало времени. Но я не спешил. Хотел, чтобы ты прежде хорошо освоился со своими обязанностями. Теперь вижу, что к делам ты успел привыкнуть и сумеешь выбрать время для ученья. Ну что ж, давай начнем, что ли?

Эти его последние слова для меня прозвучали необыкновенно громко, будто приказ перед началом скачек. Лицо мое охватило пламенем, а сердце вздрогнуло и учащенно запрыгало. В голову лезли совсем неподходящие мысли: к чему-то вдруг вспомнилась сказка о волке и жеребенке. О том, как жеребенок провел глупого волка, посоветовав, прежде чем съесть его, прочитать, что написано у него на заднем копыте. Конечно, волк получил хороший тумак от копыт жеребенка, не раз перевернувшись вверх тормашками. А жеребенка и след простыл. Что оставалось волку, как не упрекать себя за ненужное любопытство.

Но о чем это говорит мне тарга? Разве мне, безвестному сироте, может судьба подарить такое счастье — научиться грамоте? Скорей, это превратится в насмешку, и пойдет молва, как люди говорят: «В Чагатах объявление, в Торгалыге разговор...»

Тарга терпеливо ждал, когда уляжется мое волнение. Но, чтоб не огорчать его, я спросил:

— Что, вот так сразу и начнем?

— А чего тянуть? Давай начнем.

На бумажке, которую он держал в руке, мне показались такие же разбегающиеся муравьи, что и на моем ревсомольском билете.

Байыр-оол отложил эту бумажку в сторону и, взяв монгольскую книгу, сказал:

— Вот, смотри: это «Сагаан толагай» — монгольский букварь, еще его называют: «тридцать белых букв». Правда, у нас нет настоящего печатного букваря. Это я сам написал для тебя печатному. В монгольской грамоте печатные буквы отличаются от письменных. Ну, да ничего, как-нибудь мы с тобой осилим их постепенно. А теперь давай приступим к делу.

«Орше, хайыракан — боже мой! Ведь перед учителем ученик должен сидеть на поджатых ногах. Так говорили люди. А я расселся на таком возвышении. Что же мне делать?»

— Ну, чего ты вздыхаешь? Или желанья нет учиться?

Байыр-оол приветливо посмотрел мне в глаза, а сам тихонько похлопал меня по плечу. Я видел его доброе отношение ко мне и искреннее желание помочь, волнение мое от этого еще больше возросло, и я, не выдержав, заплакал.

— Ну-ну, успокойся. Ничего тут особенного и нет,— угловаривал меня Байыр-оол. А я, пытаюсь спрятать свою слабость, принялся объяснять:

— Нет, нет! Я, просто... Ы-ы, ы-ы! Простите меня...

Байыр-оол махнул рукой и стал ждать, когда же я справлюсь с самим собой. Немного погодя, я утер рукавом рубашки свой мокрый нос и щеки и опять попытался объяснить свое состояние:

— Трудно поверить, что и я смогу осплнить грамоту.

— Да пустяки все это, пухэр Ангыр. Вначале и со мной так же было. Тоже не сразу поверил, что я, простой сын арата, научусь понимать разговор на бумаге. А вот выучился же, сам видишь. Да и каждому человеку это дело доступно, если он сам захочет научиться грамоте. А ты ведь еще и раньше, кажется, изъявлял это желание? Тем более, ты член ревсомола. Вспомни-ка, какая задача стоит перед членом Союза?

Этот последний вопрос больно задел меня за сердце, и я поспешил заверить своего старшего товарища:

— Да, да, тарга Байыр-оол, вы правы. Я обязательно буду учиться! А мечта об этом давно живет в моем сердце, только вот поверить в эту возможность не так-то легко.

Произнеся эти слова, я едва сдерживал себя, чтоб в порыве благодарности не встать на колени перед моим добровольным учителем.

— Ну, теперь хватит про эти пустяки толковать, давай наконец-то займемся делом. Вот, смотри: здесь каждый знак имеет свое название. Например, лошадям ставят тавро, знаешь? Одни в виде алага — молотка, другие ставят молоток с двумя головками, ну и другие изображения бывают на таврах. А люди, взглянув на это тавро, сразу определяют: эта лошадь такого-то хозяина, а эта — другого. Да чего это я тебе объясняю: ты и сам знаешь различие этих знаков.

— Да, да, конечно, знаю,— подтвердил я.

— Ну, вот и эти знаки надо так же хорошо узнавать, как тавро на лошадях. Все они не похожи друг на друга и их надо хорошо запомнить и различать точно каждый.

А теперь ответь — сколько знаков в монгольском алфавите?

— Не знаю. Об этом никогда не слышал.

— Тьфу, да что с тобой, друг? Ведь как ты только вошел сюда, так я тебе первое, что объяснил, это назвал количество знаков в монгольском букваре.

— Да, да, — спохватился я, — вы сказали: «Это тридцать белых букв».

— Вот, вот, именно тридцать белых букв. А теперь давай будем учиться называть их и узнавать по виду.

Мой башкы взял в руку кисточку и обратной стороной ее начал указывать на каждого изображенного им «муравья», называя их. А я смотрел и с удивлением успевал считать за ним. И правда, их получилось ровно тридцать.

— Ну, а теперь давай заучим первые пять из них. Повторяй за мной и смотри внимательно: «А, Э, И, О, У», — параспев, медленно тянул тарга, а я старался изо всех сил подражать ему.

Так несколько раз подряд мы перепели все эти пять звуков.

Байыр-оол взглянул на мое лицо и, весело рассмеявшись, спросил:

— А отчего это ты так сильно вспотел? Что, здорово трудно?

Я смахнул капли пота со лба и, храбрясь, уверил:

— Да нет, не трудно. Только вот я почему-то волнуюсь. А называть их легко.

Однако пот заливал не только мое лицо, но и рубашка моя облегла спину, будто от хорошего дождика.

Байыр-оол, наверное, и сам умаялся со мной не меньше:

— На сегодня хватит. А теперь иди и читай эти пять букв, пока не заучишь их твердо.

Когда я вышел за дверь и огляделся вокруг, мне показалось, что мир стал светлее и шире. Посмотрел в сторону родных Кожая и Торгалыга, и будто глянули они на меня с материнской улыбкой. А там на западе стоит старый белоголовый Буура-Верблюд и тоже улыбается мне. Перевел взгляд на протоку Улуг-Хема, широко разлилась она своей прозрачной голубизной, а с противоположного берега низко склонили ветки тонкие ивы, образуя другой остров, только опрокинутый вниз головой. Эти опрокинутые кусты, казалось, хотели дотянуться до высоких облаков, что плывут тихо в синеве неба, да, не дотянувшись, опрокинулись в воду и тут играют, помахивая приветливо тонкими веточками.

Мне вспомнилась одна песня, которую часто пели девушки:

Письмена, письмена, говорите —
это же ведь только пестрая бумага.
Писаря, писаря, говорите —
они ведь тоже материнские дети.

С этой песней в душе вошел я в кухню и принялся рассматривать буквы на врученном мне клочке бумаги, а потом молитвенно возложил эту дорогую для меня бумажку на свою

голову и прощентал: «Ни одной пылинке не позволю коснуться ее, не помню, не испачкаю, буду хранить только в самом чистом месте. Теперь я не могу больше называть их муравьями. Ведь пять из них я уже знаю в лицо. Только пусть это будет моей большой тайной. Никому нельзя заранее об этом хвастаться. Надо больше молиться, чтоб прибавилось сил и ума все их узнать поскорее». И, правда, когда-то я часто повторял ламскую молитву: «оммаанинатингом», древний перевод которой я узнал много позднее — «Да здравствует цветок священного лотоса!». Но теперь пять выученных букв заменили мне эту молитву, и я со всем благоговением повторял их без счета. И когда готовил ужины, и когда выполнял другие работы, губы мои не оставались праздными, они тихо твердили все те же пять звуков. Кажется, и во сне я читал их.

А наутро знал их крепче, нежели свое собственное имя. Меня даже удивило, что я так крепко запомнил их все по порядку и вразброс. Опять помолился по-старому. Мне подумалось: «А может быть, я зря сомневался в своих способностях, может, грамота мне самой судьбой предназначена?»

Еще не совсем рассвело, но сон уже умчался от меня. Я взялся готовить завтрак, в одной руке держа ухват, а в другой — бумажку с написанными буквами.

Утром в воскресенье мой башкы завтракал один, другие тарги еще не вернулись, и это для меня было большой радостью. Я поспешил ответить ему весь заданный урок и стал спрашивать его о новом задании:

— О, священные небеса! Уважаемый мой тарга-башкы, теперь я верю, что осилю не пять, а даже десять знаков! Только покажите и научите меня поскорее.

— Эх, бедный парень! Очень-то не рвись, а то и надоесть может.

— Нет, нет. Давайте, сколько сможете. Выучу за ночь обязательно!

— Ну что ж, давай попробуем твои способности. Только имей в виду — завтра будешь отвечать мне все пятнадцать.

— Хорошо, хорошо, мой учитель. Ведь сегодня воскресенье — работы мало. Только у меня к вам просьба есть.

— Есть просьба, так высказывай, попробую исполнить, если это в моих силах.

— Сможете, сможете, — заверял я его, словно заклиная, — просьба моя вот в чем. Очень прошу вас, не рассказывайте пока никому о том, что я начал учиться. Не просите меня при таргаларах, чтобы я отвечал вам урок. Можно это, мой учитель?

Байыр-оол усмехнулся, но, увидев, что я просил его об этом «секрете» едва не плача, пообещал:

— Ну, ладно. Пока пусть будет так. Но когда выучишься, так потом заставлю читать не только при наших таргах, но и

при самых больших. Тогда ты будешь не только на память знать буквы, но и своей рукой писать их. А я тебя нарочно буду заставлять показывать твои знания, чтоб ты их крепче запомнил. А они тебя проверят, насколько ты подготовился.

— Ой, ужас какой! Только не спешите, уважаемый башкы, с этой проверкой. Я буду так стараться, чтоб и вам не стыдно за меня было.

Возвратясь в кухню, я продолжал твердить: «Да, тарга говорил, чтоб я научился узнавать глазами и писать рукой».

Вот когда мне и пригодились собранные мною забракованные таргами краски, кисточки и испорченные клочки бумаги! Я бесцелно выводил одни и те же буквы, но рука еще плохо слушалась меня. Может быть, кисточка или краска виноваты? Я разводил новую краску, тщательно промывал кисточку и опять получались все такие же непослушные каракули, далеко не схожие с теми, какие написал мне мой учитель. Твердил буквы и писал их во всякое, мало-мальски свободное время. Порой занимался своей грамотой и во время обеда. И если меня заставлял за этими делами Байыр-оол, то он посмеивался надо мной, говоря, что я, наверное, их скоро буду кормить обедом из своего писа́нья.

Замечая кого-нибудь из других таргаларов, я быстро прятал свои письма и занимался каким-нибудь посторонним делом. Теперь я вечерами не покидал свою кухню: то пишу, то читаю, то читаю, то пишу. Конечно, нелегко было усидеть за грамотой, когда то там, то здесь гудели шаманские бубны и около них, как всегда, собиралась молодежь. Манило и меня туда неудержимо. Но мучило и другое — вдруг прикажут мне приготовиться к проверке моих знаний — что я отвечу? И вот, как щенок на привязи, я порывался бежать на молодежные гулянья, но невидимые путы держали сильнее.

Через месяц я уже постиг букварь и научился выводить каждую букву.

Однажды, как обычно, я принес обед и разложил по тарелкам. И уже собирался удалиться, но меня остановил взглядом Долумажап и очень серьезно потребовал:

— А ну-ка, повар, покажи свою грамоту. Пусть все послушают, каковы твои успехи.

Я укоризной взглянул на моего учителя и понял, что он не сдержал обещания — выдал мою тайну. А может быть, он считал, что моих знаний уже достаточно для проверки.

Я волновался, но без запинки прочитал весь алфавит.

Долумажап вопросительно посмотрел на Данзырына, тоже бывшего ламу, и удивленно воскликнул:

— Да это же суций черт!

А Данзырын, жуя мясо, выдавил:

— Молодец.

Байыр-оол, как видно, решил поразить еще больше. Он потребовал:

— Беги, Ангыр-оол, за письменными принадлежностями. Вот тут перед всеми будешь писать.

На этот раз я с радостью выполнил его требование и, написав все буквы, преподнес старшему из присутствующих Дайзырыну. Тот пробежал глазами и коротко заметил:

— Можно сказать, что у него рука уже установилась, — и передал мою бумажку Долумажапу.

Таргалары все поочередно рассматривали мою каракули так внимательно, словно гадали на овечьей лопатке.

— Да-а, — сказал серьезно Долумажап, — пока мне не приходилось не видеть, не слышать во всех девяти хошунах Танлугувы, чтоб курьер сделался писарем. А теперь вот довелось самому увидеть и убедиться, что так может быть.

Было заметно, что мой учитель доволен моими успехами. Он рассказал таргаларам, что я стесняюсь читать при них. А Долумажап весело подхватил:

— Хо, чего тут стесняться? Читай при всех. Ну, а если допустишь ошибку, не взыщи — спуцу штаны да ударов с десятка выплюю. — И залился раскатистым хохотом.

После этого «экзамена» я стал всюду отыскивать печатный текст с крупными буквами и как мог, часто ошибаясь, прочитывал написанное. Радости моей не было предела, когда я разбирал не только слова, а целые фразы.

Однажды, убирая служебное помещение, я увидел смятую газету. В ней виднелся крупный текст, и я решил попробовать разобрать его. Развернул и расправил помятый лист. Вдруг увидел знакомый портрет, а под ним надпись. Водя пальцами по каждой букве, я называл их, а потом сложил и все слово: Л Е Н И Н. Не веря себе, я твердил: Ленин, Ленин! Это же я сам прочитал впервые «Ленин».

Потом я унес эту газету к себе и бережно хранил ее. А иногда разворачивал и снова перечитывал дорогое, знакомое имя: Ленин.

ПОВОРОТ СУДЬБЫ

Началась зима 1928 года. В это время, как обычно, здесь, в райцентре, было много приезжающих и отъезжающих во все сумоны и арбаны.

В один из таких людных дней к нам в районный комитет приехал интересный гость. Ловко спрыгнув с лошади и привязав ее у коновязи, он уверенной твердой походкой направился

к зданию. Этот человек был одет в добротную, ладно сшитую шубу на белой мерлушке, покрытую синим китайским шелком с тисненым рисунком в форме тарелочек; в черные чешаики, в круглую китайскую шапочку, расшитую золотым шнуром, с меховыми ушками; шею его укутывал цветной шарф, перекрещенный на груди, с концами, заправленными за широкий матерчатый кунак. Это был молодой крупный мужчина с черными глазами на светлом рябоватом волевом лице. Едва он ступил на порог, как все мои четыре таргалара торопливо повскакивали с мест и с почтительными поклонами подошли приветствовать приезжего:

— Здравствуйте, тарга!

— Здравствуйте,— отвечал гость.

— Легко ли следовали?

— Каково ваше самочувствие?

— Кажется, мороз покрепчал?

Вопросами вежливости осыпали таргалары гостя, а сами, как ветки зеленой ивы под сильным ветром, легко кланялись. Даже обычно молчаливый, всегда прямостанный Данзырын и тот сделался разговорчивым и гибким. Он спрашивал:

— Благополучны ли дела в нашем уважаемом центре?

А наш говорун Долумажап, желая показать, что приезжий его земляк и знакомый, широко улыбался и громко рассыпал разговор, будто этим хотел поскорее обогреть приезжего:

— А что, тарга, паверное, по дороге вы заезжали почаевать в наши Ушинанский и Ийитальский аалы?..

Моя обязанность в таких случаях всегда оставалась неизменной: подстелить олбук для сиденья, если гостей встречают в юрте, а если в доме, то всем подать стулья. А затем настроить печку так, чтоб она запеда хоомеем. Когда я возился с печкой, один из моих ревсомольских таргаларов прошептал мне на ухо:

— Смотри не осрамись с обедом. Это большой тарга из ЦК приехал.

Скоро у меня в кухонной юрте шипел в чаше свежезаваренный зеленый чай, заправленный густым козьим молоком. А мои большие медные чайники сверкали, как невеста во время свадьбы. Тарелки переполнены разной вкусной стряпней: пова, борзак, лишние лепешки, магазинное печенье.

Я с первого приветствия узнал приезжего начальника. Это же был тот самый тарга, который принимал нас в ревсомол. Но по своей застенчивости я не осмелился смотреть ему в глаза, а старался быть незаметнее.

Гость наш был не в пример говорливому Долумажапу немногословен, зато прямо и проникновенно смотрел собеседнику в глаза. Я тоже слышал, что он только что окончил высшую

школу в Улан-Баторе и вот теперь приступил к большой службе. Мои таргалары за глаза называли его Шокар-Санча.

Наши таргалары предоставили Санча-тарга своей кабинет для работы. Там же поставили ему и кровать.

Позднее я узнал, по какому важному делу прибыл он сюда. Оказывается, в этом году шел особый набор учащихся в Центральную партиюшколу, совсем не так, как было в предыдущие годы, когда туда набирали по распоряжению, как в солдаты, лишь бы возраст подходил. Конечно, скорее старались отправлять тех, кто знал немного монгольскую грамоту. Ну, и попадали дети чиновников да лам.

А теперь по новому решению правительства выходило, что в ЦПШ должны учиться только дети аратов.

Вот по этим-то делам и приехал человек из центра. В райкоме переворошили все бумаги с переписью молодежи. И помчались посыльные по всем сумонам и арбанам с заданием немедленно набрать подходящих парней и девушек для отправки на учебу. Многих из них я знал: Мого-Чульдум, Кукнек-Кара, Торлажык, Алдын-оол, Дажин-Бильби и другие.

Как-то, между делами я спросил у своего тарги Байыр-оола:

— Эта, так называемая партийная школа, насколько она трудна?.. Если бы позволили вот такому, как я, выдержал бы там?

Он будто только сейчас впервые меня увидел, в глазах его что-то вспыхнуло, и он выкрикнул:

— А, черт! Тебя-то я забыл вспомнить, товарищ! Почему сразу не спросил? Конечно, сможешь. Вот ты-то и есть один из тех, кто имеет полное право там учиться!

Казалось, он тут же был готов привязать меня, чтоб я не исчез. Но я не мог так просто поверить:

— Неужели это может быть правдой?! Или вы так шутите надо мной? Чего я смогу там?

— Как же можно смеяться в таком важном деле! Да и когда я смеялся над тобой, отсталое чудело! Хоть сейчас пойдем в дом к Санча-тарге, — наступал на меня по-настоящему обиженный мой учитель.

А мне в этот момент уже казалось, что душа моя полетела в Кызыл. Но идти сейчас я боялся и тут же взмолился:

— Нет-нет, что вы, тарга! К главному пока нельзя идти. Если вы говорите, что смогу, так мне больше ничего и не надо.

Теперь я откровенно рассказал Байыр-оолу о своих тревогах:

— После того, как услышал о наборе в школу, я две ночи не мог спать. Хотел к вам обратиться, да никак не мог насмелиться. А ведь из нашего Овюра учатся же Топул и Хертиг-оол.

— Какой разговор, конечно, учатся. А ты пока помалкивай. Хорошо работай да готовься. Остальное я сам все сделаю.

Мой тарга вздохнул и, как бы про себя, добавил:

— Вот только пересчитал всех ревсомольцев из аратов Дус-Дага и Хендерге и не пашел ни одного, знающего хоть буквы.

Меня же занимали свои мысли, и я опять пристал с распросом:

— Байыр-оол-тарга, если я скажу, что хочу учиться, а вдруг он заставит меня писать прощение об этом, что тогда я стану делать?

— В том-то и дело! Но ты хотя бы устно сумеешь выразить свою мысль, хотя бы так и то бы здорово было: я, такой-то такой, бедняк-арат желаю учиться, чтобы потом помогать своими знаниями аратам...» Тут мой учитель вдруг переменил тон, улыбнулся и обрадованно крикнул:

— Слушай! Я придумал вот что: ты напишешь настоящее заявление!

— Как!— испугался я.— Что я по-монгольски знаю? Если бы еще устно, так уж как-нибудь высказался бы.

Но Байыр-оол и слушать меня не стал, увлеченный своей затеей, почти приказывал:

— Все! Я напишу заявление, а ты перепишешь. Так?

— Буду писать, как вы говорите,— согласился я.

Как на прием вызвал меня к себе Байыр-оол, когда писал проект моего заявления, а потом отстранил от себя бумагу и сказал:

— Чего это я буду писать твое заявление? Ну-ка, Ангыр, сам говори, как будешь писать.

Переступая с ноги на ногу, подняв глаза к потолку, будто там отыщутся нужные мне письменные слова, я начал сочинять:

— Значит... Я, это самый, самый бедняк-арат... А в партийной школе учиться у меня большое желание. Поэтому с низким земным поклоном прошу отправить меня туда. Вот так бы написал я.

— Молодец!— обрадованно воскликнул Байыр-оол.— Ну, а еще что напишешь? Говори, говори!

— Э-э, мой начальник! Больше ничего не могу придумать,— взмолился я.— Наверное, лучше перестать.

— Чего, перестать?! Да ты великолепно начал! Теперь надо добавить что-нибудь вроде клятвы. Что будешь хорошо учиться, будешь стараться.

— Если так надо, напишем,— согласился я.— Только вот ночью у меня еще одно желание появилось.

— Давай, давай, выкладывай,— торопил меня тарга.

— Когда я вступал в Революционный Союз Молодежи Тан-ну-Тувы, тогда мы давали клятву, что будем учиться наукам,

просвещению, чтоб помогать своему темному, неграмотному, отсталому народу. Для этого жизни своей не пожалеем. Вот поэтому я и хочу учиться.

Если меня примут в партийную школу, я буду так стараться, чтоб выйти оттуда не меньше, как писарем Дус-Дагеского сумона. Вот и все,— заключил я.

— Угу, вот ты и сам составил полностью текст. Мне и добавлять нечего,— рассмеялся мой начальник.

— Вижу, вы смеетесь надо мной,— заволновался я и даже весь взмок от такого напряжения.

Но Байыр-оол будто и не заметил моей обиды. Принялся заниматься каким-то бумагами, а мне спокойно посоветовал:

— Ты пока иди занимайся своими делами. А я все, что ты высказал, напишу четкими крупными буквами, чтоб ты мог переписать.

Я варил обед, а во мне все кипело, не меньше, чем варено на костре: то молил судьбу, чтоб сбылось мое желание, то со страхом раздумывал: «А что же теперь будет-то?» Однако волнения не помешали мне еще раз проверить и отобрать самые тонкие кисточки для письма и заново развести краску.

Мой тарга вскоре принес текст заявления и несколько раз перечитал вслух, а затем осведомился:

— Есть непонятные слова?

— Нет. Все понятно.

— Ну, тогда после обеда перепишешь и сам отнесешь большому тарге. Волноваться нечего. Наоборот старайся быть спокойным и достойным человеком, побеседуй с ним,— советовал Байыр-оол. Он тут же вышел, оставив меня обдумывать предстоящую встречу и готовиться к ней.

Небывало долго я отмывал мылом свои руки, потом взялся за выбор кисточки, потом долго, вкладывая все силы, пять раз переписал все, что написал мой тарга, и из этих пяти, выбрав самое чистое, свернул по правилу, как положено свертывать монгольское письмо, в виде гармошки, и сел в раздумье.

Как же передать эту бумагу большому начальнику? Два раза выходил из своей кухонной юрты, но ноги не слушались и возвращали назад. В третий раз я решил шагать быстрее, чтоб не успеть раздумать, пока иду к зданию райкома. Так и вошел, держа в обеих руках свою бумагу в развернутом виде, чтоб ее тут же могли прочитать. Большой тарга, взглянув на написанное, спросил:

— Что за послание, служебное?

— Не-ет. Это мое личное прошение к Вам.

Санча-тарга взял из моих рук заявление и, прочтя первые строчки, сказал:

— Ага, на учебу, значит?

Потом стал читать внимательно, а дочитав, пригласил сесть.

— Садитесь, садитесь. Меня вы знаете, наверное?

— Да. Знаю, — торопливо отвечал я, садясь на край стула, — видел вас там в Верховье, где нас в ревсомол принимали, на поляне Кара-Чудук, выше Амырака, — уточнял я.

— Кажется, ты был знаком с Сонам-Баиром, в его юрте работал? Не так ли?

— Да. Был...

Это напоминание совсем смутило меня, и я не знал, куда бы деваться. А он продолжал расспрашивать дальше:

— Так-так. Вспоминаю... А что, Сонам-Баир узнает тебя теперь? Он не говорил с тобой об этом?

— Он знает меня. Сюда приходит часто чай пить. Говорит: «Чай твой вкусный и еда отменно приготовлена», а по поводу ложного подозрения... ни слова не говорит.

— Ага, так-так, — про себя произнес начальник. Потом спросил меня:

— Значит, ты это сам писал?

Я кивнул утвердительно. А он продолжал спрашивать:

— Очень хорошо. Значит, это о тебе и говорил Байыр-оол? Именно таким, как ты, и надо учиться. Ну, ладно. Пока иди работай. Вот когда соберутся все, кого будем из этого хошуна отправлять на учебу, тогда районный комитет сам тебе об этом объявит.

Мне казалось, что до двери путь очень длинный. Пятясь, чтоб не оказаться невежливым к такому высокому начальнику и не показать спины, я так и вышел, переполненный чувством благодарности. Да, как не уважать такого начальника, который разговаривал со мной, как со взрослым. Он же почти открыл мне дверь к заветной цели — учебе.

Но я не мог ставить ниже заслуги и моего тарги Байыр-оола. Ведь это он сделал мне столько добра, заставил выше подняться и выпрямиться. Разве вправе я когда-нибудь в жизни забыть его безмерную доброту ко мне!

В тот вечер на ужин я освежевал барашка. И мне так хотелось, вопреки правилам, самую почетную порцию — голову положить на тарелку Байыр-оола. Но это было бы совсем нехорошо. Ведь тут присутствовал начальник из самого ЦК. Поэтому Байыр-оолу я положил порцию мяса второго значения.

Санча уехал в Кызыл. Время шло. Морозы крепчали, а с отправкой все еще не было ничего известно. Наконец-то из Хендерге появилось двое парней — кандидатов в ученики. Один из них был в старенькой вытертой кожаной шубенке. Был он маленький, худенький, какой-то весь серенький. Звали его Анай-оол. По всему этот паренек напоминал меня до работы в райкоме. Другой был полной противоположностью Анай-оолу:

здоровый, краснолицый, упитанный. Одет в хорошую шубу из черных мерлушек, покрытую синим материалом. У него даже кольцо на пальце сверкало. С нашими таргаларами он болтал заиросто по-дружески, как давний знакомый. Говорят, что он знает монгольскую грамоту. Мне казалось, что этот парень похож на помазок с клеем — лъстивый и прилипчивый.

Вот из-за него-то, сына сайгырыкчи — Борбак-оола, и была вся наша задержка. Таргалары долго не могли решиться послать его или отклонить. Но все же решили отправить — пусть, мол, там в Кызыле сами разбираются.

ДУША В ПОЛЕТЕ

После моего разговора с секретарем ЦК ревсомола Санча и особенно после его отъезда в Хем-Белдир, я уже не мог спокойно ждать и работать. Душа моя уже умчалась туда, в далекий и неведомый мне Хем-Белдир, или, как его стали чаще называть, Кызыл. Я упрашивал своих таргаларов, чтоб они отпустили меня теперь же, что я не стану дожидаться сбора остальных и сам попытаюсь добраться до города. Но они говорили, что надо непременно подождать всех, а то еще и повременить с отъездом с годик. Мол, тут получше подучишь грамоту и тогда поедешь на будущий год учиться. Или требовали от меня непременно найти себе замену, хорошего, расторопного парня.

Но разве можно удержать птицу, когда она уже вспорхнула?

Оставаться и ожидать было теперь свыше моих сил. Но уехать, не побывав на родине, я тоже не мог. Необходимо повидать мою старенькую бабушку, всех родственников. Но главное — встретиться с милой Долбанмой. О ней я давно ничего не знал — как она живет, о чем мечтает? А может быть, уговорю ее вместе ехать на учебу?

Наконец-то мне удалось сдать все свои «должности» другому, и, не помня себя, я помчался в свой родной Амырак навестить Долбанму.

Встреча наша произошла совсем не так, как мне представлялось. Я увидел Долбанму, когда она запрягала лошадь в сани, чтоб ехать за соломой.

Разве выскажешь все, о чем кричало ей мое сердце? Я сказал совсем обыкновенные слова:

— Здравствуй. Как живешь, Долбанма?

Она ответила словами песни:

Как ушел, так канул.
Не увидеть снова...

А сама незаметно разглядывала меня, одетого в хорошую новую одежду,— таким она меня не привыкла видеть.

Во мне боролись два чувства: желание броситься к ней, прижать к своему трепетавшему сердцу и застенчивая робость. Я предложил ей свою помощь, чтоб поехать вместе. Мы ехали, а я, смущенный ее молчанием, принялся рассказывать о себе:

— Когда я поступил в райком, первое время места себе не находил, все думал о тебе.

Она тут же перебила меня:

— Значит, только первое время? Ну, все ясно.

— Подожди, выслушай,— взмолился я.— Тогда, когда мы здесь были вместе, играли и пели, тогда я еще совсем не понимал, что ты мне... что я тебя... настолько сильно... люблю,— говорил я заветные, давно выношенные слова, и все же не решался взглянуть ей в лицо, но спешил все сказать, пока не испарилась смелость.

— Потом мне стало настолько все ясно, будто я был до этого слепой, а теперь прозрел. Был глухой, теперь слышу. Да что я тебе буду объяснять! Все равно словами не передать всего...

— Ну-ну. Когда сильно врешь, так тоже не вдруг слова найдутся. Лучше не обманывай меня и не оправдывайся.

Она глубоко и порывисто вздохнула, хлестнула лошадь и тихо, задумчиво произнесла:

— Нет. Мое сердце тебе не излечить и не исправить. Может, рана его заживет, но рубцы на нем все равно останутся...

Если бы и вправду ты чуточку скучал, так на день-два разве бы не мог заглянуть сюда? Или бы с попутными людьми какое слово передал. Правильно люди говорят: «Шишка с дерева упадет, а если захочет, так вновь на высоту поднимется».

— Я согласен с этим. Это очень правильно сказано. А в твоих словах я улавливаю кое-что. От этих слов у меня согревается печенка. Теперь я не стану говорить, что было, светлое ты зеркало мое!

Долбанма вдруг вся преобразилась, раскрылась, как весной цветок шенне, и заторопила меня:

— Нет-нет, милый Ангыр, говори, говори! Ничего не утайвай! Те первые твои слова, которыми ты начал наш разговор, почему-то очень схожи с моими чувствами.

— Разве есть на свете такие слова, которые бы могли передать точно, что происходит там, в глубине души? Вот вся ты: твой характер, твои привычки, твоя походка, смех твой, твое милое лицо — всегда передо мной, даже яснее, чем вот сейчас тебя вижу. А песни твои, как живые, слышу. И печаль, и радость твою чувствую всегда. И даже твои смешные обиды оживают передо мной часто. Но особенно радуют меня огоньки в

твоих глазах, и вот эти ямочки на щеках, когда ты улыбаешься, я их ясно вижу. Всю тебя вижу и слышу постоянно, неотступно всюду. Больше скажу — даже запах волос твоих, всегда смешанный с солнечным запахом весны, ощущаю. Если жажда томит, веномно тебя — исчезает она, если сон одолевает, веномно тебя — и он вмиг улетит.

Я вот, кажется, ощущаю и то, что происходит в сердце твоём. Я даже знаю, как-то видел, что вод сердцем у тебя есть маленькое пятнышко... Как хотелось бы прикоснуться к нему!

— Ну, не говори лишнего! Лучше расскажи, остался ли ты таким, каким был раньше?

— Подожди, Долбан, выслушай меня до конца. Я же ведь говорил тебе о том, как мне было тяжело, когда я поступил на работу. А потом стало еще тяжелее. Меня одолевали такие мысли: «Ну, пойду я к родителям Долбанмы и скажу им: «Навсегда останусь у вас пастухом, буду сеять хлеб и убирать его — все сам один. Все силы свои отдаю вам, только не гоните меня от Долбанмы. Без нее мне не жить. Тогда и засверкает над нами светлое солнце нашего счастья. Эти слова говорю от всего сердца, от всей своей души, вам, уважаемые родители Долбанмы!» Ну вот, это была моя первая мысль.

— Ой, ужас какой! — воскликнула Долбанма.

— Подожди. Я еще не все сказал. Не раз собирался убежать из райкома сюда к тебе. Но меня крепко и твердо держало другое — я ревсомолец и дал клятву работать и учиться. Как же я могу нарушить это торжественно данное слово высокому Союзу ревсомола? «Нет, — думал я, — надо хорошо работать, чтоб заслужить право перед людьми, и тогда проситься отпустить меня к тебе».

Вот это-то и помогло мне взять себя в руки и не наделать разных глупостей, вроде необдуманного бегства.

Думал я и по-другому: «Ну, допустим, выложу я всю душу родителям Долбанмы и в райкоме всю правду открою. Допустим, все обойдется для нас хорошо: и мы станем жить вместе, вместе будем работать. Но куда мы спрячемся от злых языков этих богатых сынков и всех твоих сватов? Разве будут спокойны твои родители от этих сплетен, разве скажут, что счастливы их дети, разве назовут они наш очаг, созданным по закону? От всего этого останется ли чистым чувство моей дорогой Долбанмы? Ну, если оно не совсем умрет, так калеккой сделается».

Если же ты действительно хочешь остаться настоящим, преданным другом Долбанмы — хоть умри, но учись грамоте, разберись получше, что происходит в мире; узнай, где хорошее, а где плохое. Научись отличать доброе от злого. По-настоящему наберись ума-разума. Не бойся беды и коварства. Достигни кон-

ца борьбы — обязательной победы. Не убегай от тени облаков, прямо смотри на солнце. Ведь так говорит пародная мудрость», — думал я. А главной обязанностью ревсомольцев, и считал и сейчас так считаю, — взять Долбанму с собой на учебу. Вот так подсказывало и вело меня мое сердце. Ты слышишь, любимая, эти заветные думы свои я до дна раскрываю перед тобой. А теперь как угодно укоряй меня, глаз перед тобой не опущу, все выслушаю. Затем и приехал к тебе.

— В чем можно упрекнуть искренность твоего сердца, Ангыр? Истинное чувство не затворишь в загоне. Оно сильнее всего и стремится только к настоящей правде. Это оно заставляет нас идти через любые трудности. Я хочу рукой прикоснуться и почувствовать, как стучит твое сердце.

Долбанма просунула свою руку ко мне за пазуху и голову свою склонила ко мне на грудь. А я принял лицом к ее легким мягким волосам и гладил ее тонкую чистую шею. В душе моей все пело. Потом я обнял ее и нежно покачивал, как малого ребенка, переполненный счастьем. Затем, отстранив ее чуть-чуть от себя, взял ее лицо обеими руками и принялся быстро-быстро целовать ее глаза и щеки, по которым струились капельки слез. На своих губах я ощущал привкус сока весенней березы, слегка горьковатый, но несказанно милый. Долбанма тихонько прорела:

Если теплую шубу наденешь,—
мороз не возьмет.
Если любимый целовал горячо,—
не скоро забудешь.

Девушка высвободилась из моих объятий и заговорила очень серьезно:

— Вижу, друг, что мы оба любим горячо и искренне. Перед нашим чувством ничто не может устоять. Мое сердце во всем с твоим согласно. Мои думы неотличимы от твоих. Ты мечтаешь об учебе — я тоже об этом постоянно думаю. Но сейчас поехать с тобой я никак не могу.

— Почему? — встрепенулся я, подозревая новое сватовство к Долбанме какого-нибудь богатея.

— А разве ты не знаешь, как больна моя мама? Могу ли я оставить ее?

— Что с ней? Расскажи скорее, — потребовал я.

А Долбанма опять загрустила, тяжело вздохнула и, махнув рукой, печально выговорила:

— Это все старые беды... Ну, сам знаешь, все после моего бегства... Знаю, в ее болезни моя вина. Все пересуды, сплетни да наветы сватов и их родственников до сих пор не умолкают.

Ты жил далеко, так, наверное, забыл об этой беде над моей головой?

Ну да ладно. Про это не будем сегодня говорить. Этого не изменишь. Я буду ухаживать за своей мамой. И неизменно думать о тебе. А ты в доказательство нашей верной любви должен хорошо-хорошо учиться. Вот так, мой дорогой товарищ, член Революционного Союза Молодежи. Не забывай об этом.

— А как же ты? — невольно вырвалось у меня.

— Я через год обязательно поеду учиться. Пусть только мама поскорее поправляется. Ты не забывай моих слов. Потому что в них все мои чувства, вся моя жизнь и надежда. Как можно старательнее и лучше учись. Верь, что мое сердце и здесь, вдалеке от тебя, не одиноко.

Я согласно кивнул, говоря:

— Пусть будет так, любимая. Никто, кроме сердца, не бывает хозяином любви. И пусть твое сердце не забывает песен любви, а вновь и вновь их рождает. Пусть клятве нашей ничто не препятствует и ничто не нарушит ее.

КЫЗЫЛ

Наконец-то настал долгожданный день нашей отправки на учебу. Началась пора самых жестоких морозов, казалось, что даже солнце заоченело и съежилось в комочек, спрятавшись в густую морозную мглу. За три шага не разглядишь перед собой дорогу. Про такую пору люди говорят: «Добрый хозяин и собаку на двор не выгонит». И действительно, ни люди, ни животные без особой нужды не выходят на улицу.

Нам дали маленькую мохнатую тувинскую лошадонку, запряженную в голые розвальни, с убогой сбруей и даже без вожжей. Ну да ничего, лишь бы поскорее ехать. Едва миновали свой райцентр, как он тут же потонул в густом темном морозном тумане, а по обочине дороги едва-едва различались белыми копнами заиндевелые кусты караганника.

Я оглянулся назад, когда мы поднялись на перевал, и все мое существо потянулось к тем далеким горам, где моя родина, где оставлено мое сердце, и с грустью пропел:

Оставляю родные края,
еду счастья искать.
Прощался с любимой своей
и умылся горячей слезой.

Нелегко покидать впервые надолго родные места. Я знал, что минуем этот перевал и даже туман на моих родных далеких горах не будет больше мне виден. Что-то ждет там на новом месте, среди незнакомых людей?

За один день мы не могли добраться до Кызыла, пришлось переночевать в придорожном поселке, и только к вечеру следующего дня мы подъезжали к городу.

Я все раздумывал над его названием — почему так назвали Кызыл? Скорее всего потому, что там много красных? А может быть, потому, что там горит много огней-молний, говорят, электричеством называются. Вот-вот, наверно, они заблистают перед нашими глазами.

Чем ближе приближались к Кызылу, тем больше возрастало мое нетерпение — поскорей бы увидеть его! Но не только интерес к самому городу увеличивал наше желание поскорее встретиться с ним, а больше всего наши вконец озябшие тела.

Вдруг Кончук привстал на сапях и крикнул:

— Вот, смотрите, показался Кызыл!

Я принялся вертеть головой вокруг, стараясь что-нибудь увидеть в наступающих вечерних сумерках и морозной мгле, но различал только очертания кустов караганника да несколько заиндеветших деревьев. А между ними в беспорядке виднелось несколько сереньких домиков.

— Неужели это и есть город Кызыл? — удивился я. — Да он, пожалуй, меньше нашего Шагонара.

Но Кончук уже бывал здесь и подтвердил, что это действительно и есть сам Кызыл.

Здесь привлек мое внимание только один странный домик, схожий по форме с юртой. Изнутри его неслись какие-то неслыханные мною звуки. Они немного были похожи на звук шаманского бубна: «Дук-тук, дук-тук» — неслоь оттуда. А из дымохода, наверно, какой-то большущий шаман вместе с дымом вышлепывал искорки огня. И еще чем удивил меня Кызыл — это множеством столбов с железными пятами.

На последней станции нам дали проводника, и мы теперь озабоченно спрашивали его:

— Теперь уже поздний час. Куда же мы пойдем?

— Не знаю, — ответил наш возница продрогшим голосом и остановил лошадь посредине улицы. Я еле поднялся на свои негнувшиеся ноги и предложил:

— Давайте попросимся в дом, где есть свет.

— Нет, — возразил Кончук, — пойдемте прямо в дом ЦК. — И мы, еле живые, оба с Анай-оолом затрусили за уверенно шагавшим Кончуком.

«Ну как же мы войдем в такое высокое учреждение ночью, да еще в таком помятом виде?» — думал я.

Перед нами показался двухэтажный дом. Кончук смело открыл дверь, а мы оба втиснулись за его спиной. Вместе с нами в комнату ворвалось густое облако пара, а когда пар рассеялся, мы увидели — в этой хорошо освещенной небольшой комнате

стоял бритоголовый мужчина в белой телогрейке без рукавов. Я видел, как раньше такую одежду надевали чиновники поверх халата. Кончук, улыбаясь, подошел к хозяину и, по-тувински протянув обе руки для приветствия, поздоровался:

— Амыр-я!

Оказалось, они были знакомы. Кончук, как обычно, смело принялся разговаривать, а нам с Анай-оолом посреди комнаты поставили стулья и предложили сесть. Наш несчастный товарищ так заковенел в своей лысой шубенке, что, наверное, не смог согнуться и тут же упал со стула. Все засмеялись, и этот смех нас немощко согрел. Я еще дорогой думал об Анай-ооле, как бы он не погиб от мороза. Ведь одет он был хуже меня, а я промерз, кажется, до самых печенок.

Чуть обогрелись, и я, как всегда, с любопытством принялся «бродить» глазами по комнате. Страшно, с самого потолка на тонкой веревочке спускался маленький пузырек, только очень светлый. В комнате не было железной печки. «Откуда же тепло здесь?» — подумал я и решил, что, наверное, оно исходит от этого светлого пузырька. В одном углу стояла железная черная бочка высотой почти до самого потолка. «Странная вещь», — подумал я. А наш хозяин, показывая на эту бочку, предложил нам:

— Подходите погрейтесь.

Кончук уже обнимал эту черную бочку и от удовольствия покрывался. Ну и мы с Анай-оолом прильнули к ее горячему животу и почувствовали, как приятно запылали ладони. «Значит, это не простая бочка, а бочка-печка. Только где же у нее дверца, куда кладут дрова?» Никакого отверстия я не увидел и решил, что, наверное, сверху в нее засыпают горячий песок. Ведь ни дверцы, ни огня нигде не видно.

Когда мы начали согреваться, у меня так заняли пальцы рук и зацпицало щеки, что я перестал от боли даже слушать, о чем разговаривал Кончук с хозяином этого дома. А Анай-оол сморщился и тихонько прошептал мне:

— Ой, как хочется сбросить обувь!

— Нет, ни в коем случае нельзя разуваться. Потом не обуешься. Мои ноги тоже начинают чуточку оттаивать — запыли невтерпеж, — так же шепотом ответил я.

Тут мы услышали, как наш хозяин объяснял Кончуку:

— Дом Карсыга совсем недалеко отсюда. Он стоит поблизости от Ойнар-бажина — Дома игр.

— Ну, пошли, ребята, — торопил нас Кончук. По дороге он объяснял нам, что Карсыга — это и есть директор партийной школы. Только нам сейчас было ничто неинтересно — такая боль разрывала наши ноги и щеки.

Скоро мы добрались до указанного дома. И тут на пороге нас встретил вопросом хозяин:

— Кто вы, откуда прибыли?

Опять за всех отвечал Кончук:

— Мы все трое из Улуг-Хемского хошуна. Прибыли к вам в партийную школу на учебу.

— Так я и предполагал.— Оглядев нас, он спросил:— А где же ваши дохи?

— Какие там дохи? Нет у нас ничего! Мы вот так, как есть, и все вещи при нас,— пояснил наш вожак.— Когда поднялись с саней, так мои товарищи не могли держаться на ногах. Но теперь-то мы немного обогрелись. Заходили к сторожку в ЦК партии.

«А я-то думал, что это был большой тарга. А это, оказывается, нас принимал у себя сторож»,— подумал я.

— И это в такой-то одежде вы пустились в дальнюю дорогу? Дивлюсь, как это вам удалось живыми остаться? А эти, кажется, еще ни чуточку не оттаяли,— указывая на нас с Анай-оолом, сочувственно говорил наш новый тарга.

— Ну, о делах будем разговаривать завтра, а сейчас вас надо поскорее накормить чем-нибудь горячим,— и, даже не пригласив присесть, повел нас в стоящий поблизости Ойнар-бажин.

Это было большое светлое помещение с множеством столов. За каждым столом сидели люди без верхней одежды, чисто одетые, по четыре человека. А по углам этой комнаты в небольших бочках росли зеленые деревца с большими листьями.

Наш тарга осмотрелся и увидел свободный столик, подвел к нему и усадил всех. Потом подозвал красиво одетую женщину и что-то сказал ей. Очень скоро она появилась и поставила перед нами три тарелки горячего супа.

Тут на столе стояла маленькая табакерка. Кончук взял ее, чего-то достал и положил в свою тарелку, говоря:

— Вот это самое подходящее угощение для замерзших людей. Тарга пожелал нам хорошо поесть, а после еды приказал явиться к нему.

Мы принялись, как и Кончук, подкладывать из этой табакерки в свои тарелки, но, едва проглотив первую ложку, я вскрикнул:

— Что это за суп, керосин в нем, что-ли? Весь рот, как огнем, обожгло.

Кончук захохотал и пояснил:

— Вот-вот, так и должно быть! Эта штука по-русски называется «харчиса» — хорошее лекарство от простуды. Вот увидите, весь мороз из вас выгонит немедленно.

Это слово, как его произносил Кончук, мне показалось, звучит по-тувински как снегоед. «Вот здорово!— думал я, и теперь уже, преодолевая острое жжение во рту, старался проглотить всю эту страшную еду ради скорейшего согревания.

Но было невмоготу, и мне хотелось теперь же набить рот снегом, чтоб не так его жгло. У Анай-оола тоже выступали слезы на глазах. Он, махая ладошью, загонял воздух в свой раскрытый рот. Задыхаясь, он еле выговорил:

— Помоги бог выздороветь от этого лекарства. Теперь не только рот, но и ноги мои запылали от этого снадобья. О-ох!— простонал мой товарищ, вытирая катившуюся слезу по обмороженной щеке. Еле осилив содержимое своей тарелки, Анай-оол прошептал мне:

— Конечно, надо помолиться этому лекарству. Но только бы не сгореть нам от него совсем.

Осмотрев всех сидящих здесь людей, я невольно сравнил нас с двумя неостриженными овечками в большом аккуратном стаде.

После супа нам принесли еще мясо, приправленное пшеном и луком, да по два стакана чаю. Кончук и в мясо положил того же желтого вещества и наставлял нас сделать то же, но я наотрез отказался:

— Нет, хватит.

Окончив ужин, мы опять шли за всезнающим Кончуком. Попали в другую большую комнату, где было много тех начальников, которые только что ели вместе с нами. Все они стояли вокруг большого зеленого стола, на котором были разбросаны крупные яички. В руках некоторых мужчин были длинные палки, и этими палками они стучали по странным яичкам, а те и не думали разбиваться. Меня настолько разобрало любопытство, что я осмелился, подошел, незаметно щелкнул ногтем по этому кругляшку и убедился, что они совсем не яйца, а сделаны из кости.

Потом мы все втроем прошли в следующую комнату. Там было очень накурено и шумно. Люди занимались самыми разнообразными делами: одни читали, другие крутили поющий ящик, а третьи сидели за столом и перекидывали какие-то острые бумажки.

Кончук повел нас к директору. Наш новый тарга предложил нам почлег у себя в квартире. Подстелил большую медвежью шкуру, а одеться дал две собачьи дохи. Мои товарищи очень быстро заснули, а я что-то не мог спать. Может быть, от сильного любопытства и попытки разгадать тайну висящего над нами огненного пузырька. Я знал теперь, что это называется электричеством и что оно прибегает по этой тонкой веревочке из того самого дома, похожего на юрту, который так удивил меня при въезде в город своими шаманскими стуками. «Странная вещь,— раздумывал я.— Раз человек этот пузырек не зажигает, а огонь бьжит к нему по этой веревочке, то как же она не сгорает? Вот это настоящая сказка! И как не перепол-

няется огнем это стекло? Светит оно все время в одной мере». Разрешить эти сомнения было не с кем, товарищи мои уже крепко похрапывали. Ну и я попытался закрыть глаза, готовясь спать. Только сон отлетел мгновенно: в глазах моих, прикрытых веками, горели огни этого пузырька, да так ярко, что я не на шутку пересугался. «О, святое Небо! Раз этот огонь рождается из молнии, значит и смотреть на него человеку не положено, а то оно прямо в глаза попадет». И отвернулся к стене, больше уже не решаясь взглянуть на огненный пузырек. Да так незаметно и заснул.

Проснулся утром, было светло. И боялся взглянуть на пузырек, но одолевало любопытство, и я, растопырив пальцы, взглянул сквозь них на пузырек. Но он оказался теперь без огня!

Я спросил Кончука:

— Как ты думаешь, если смотреть на эту молнию, то она не проклянет, не накажет человека?

— Ха-ха-ха! — загоготал Кончук, — какой же ты смешной, парень! Как это она будет обижаться и проклинать? Это же ведь просто вещь, пойманная людьми от молнии. А вот долго смотреть действительно нельзя на нее — можно глаз лишиться.

Я, раздумывая вслух, соглашался с доводами и объяснениями Кончука:

— Так оно и есть. Раз взято из небесной молнии, значит в нем что-то такое содержится...

Но свои ночные думы я не открыл ему.

Карсыга-тарга, обрадованный приездом первых учеников, похвалил нас:

— Молодцы, парни. Вы первыми приехали. Пока собираются другие, вы знакомьтесь с городом, походите, посмотрите все. С вами двоими, — он указал на нас с Анай-оолом, — вопрос решен, вы уже мои ученики. А вот с Кончуком нам придется пойти в ЦК.

Я заметил, как вездесущий Кончук вдруг сник, шея его пригнулась.

Потом еще несколько дней Кончук писал куда-то много заявлений, ходил с нами. Но все равно учиться в партшколу его не приняли по причине байского происхождения.

А мы с Анай-оолом бегали по городу, как вольные птицы, куда захочется и, заглядывали всюду.

Нас особенно привлекало большое двухэтажное здание — военные казармы, только к ним мы не осмеливались приближаться — там всегда стояли часовые у входа. Но в другое двухэтажное здание мы заглядывали много раз. Это был магазин. Однажды в этом магазине мы с Анай-оолом купили по килограммовой пачке сахару. Отправились опять по городу, а сами беспрерывно запускали свои пальцы в эти коробки с сахаром,

пока их не опустошили совсем. Что произошло потом? Нас тошнило и рвало. Дня три мы не могли ничего есть. С тех пор сахар перестал меня интересовать совсем.

Как-то вечером мы пришли в Ойнар-бажин — Дом игр. Было очень людно. Взрослые и школьники сидели перед стеной, на которой висела белая квадратная материя, шумно переговаривались. Я понял из их разговоров, что вот сейчас начнут показывать «живые картины».

Я и не успел подумать, о чем это они толкуют и что это такое — «живые картины», не успел даже поразмыслить об этой новости, как вдруг свет погас. Белая материя вдруг осветилась, и оттуда прямо на нас мчалась конница... В одно мгновение я очутился под скамейкой, надеясь там спастись от бешено мчащихся коней. Но что это? Никто не плачет, никто не стонет. «Наверное, все лежат под скамейками и боятся пошевелиться». Пошарил рядом рукой и нащупал чьи-то ноги: «Ага, значит все лежат». Рядом с собой я услышал, как тяжело постанывает мой приятель Анай-оол. Потом послышался смех, люди захопали в ладоши. И я решился выглянуть из-под своего убежища. И что же? Все, кроме нас с Анай-оолом, сидели на своих прежних местах как ни в чем не бывало. А рядом с нами девочки заливались смехом, указывая на нас пальцем. Я потихоньку вылез и сел на скамейку. Дернув своего приятеля, шепнул ему:

— Вылезай, не опасно.

А в это время на белой материи появлялись разные люди и что-то делали, потом их сменяли другие. Но никто на нас не нападал. Я тихо шепнул сидящему рядом другу:

— Никому не рассказывай, как мы прятались.

Он согласно кивнул. Потом мы стали частыми посетителями «живых картин»...

Так началась наша новая жизнь.

Олег САГАН-ООЛ

НАШЕ ВРЕМЯ ПРИШЛО

(Пьеса в двух актах, в четырех картинах)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Дыннар-оол — глава семьи.
Домбуштай — его жена.
Докпак-уруг — их дочь.
Балажык — жених дочери.
Топтуг-оол — член революционной партии, организатор.
Курайбан — мать Балажыка.
Быдалаар — сторонник кулацкой партии.
Хеверик — представитель мятежников.
Сыгдыгыр — один из мятежников.
Чагана — помощник Быдалаара.
Пожилые арты, девушки и юноши.

ПЕРВЫЙ АКТ

ПЕРВАЯ КАРТИНА

Летний день в разгаре. Декорация представляет внутренность бедной юрты. Стоит посудный шкаф, лежанка. В левой стороне юрты сложены в кучу вещи. Возле юрты Балажык в ступе толчет тару. Докпак-уруг в корыте провеняет пшено. Вдали виднеется горный пейзаж.

Б а л а ж ы к. Просо ты поджаривала?

Д о к п а к - у р у г. Ага. А что?

Б а л а ж ы к. Спелое. Легко лущится.

Докпак-уруг. Мы с мамой кишали и поджаривали. Она у меня мастерица.

Балажык. Меня заставили дома рушить плохо прокипяченное просо, так у меня ладони покрылись водянистыми мозолями. Больно. Смотри вот. *(Показывает ладони.)*

Докпак-уруг *(рассматривает)*. Ух ты! Да они прорвались. Давай я сама буду рушить, а ты провеивай тару.

Балажык. Нет. Я буду толочь.

Докпак-уруг. А мне что делать прикажешь?.. Сложка ручки сидеть? *(Берет пестик и начинает толочь просо.)*

Балажык. Вишь, заросли мозоли... Давай я сам.

Докпак-уруг *(посмотрела ласково на него, улыбнулась)*. А правда, вдвоем любое дело спорится?

Балажык. Давай договоримся: ты десять раз ударяешь пестиком, потом я. Так и будем меняться. Ладно?

Докпак-уруг. Остановимся на двадцати ударах. *(Продолжает толочь просо.)*

Балажык *(считает)*. Раз... Два... Двадцать... Теперь мне отдай...

Докпак-уруг *(пестик кладет на землю, просо высыпает в корыто)*. Хватит толочь. *(Набирает в горсть просо и снова его сыплет.)*

Балажык. Хитрющая ты. *(Улыбнулся.)* Погоди. *(Берет косу девушки в руки.)* Что-то в косе зацуталось. Сейчас уберу.

Докпак-уруг. Что ты выдумываешь, Бала?

Балажык *(поглаживает косу, делая вид, что очищает)*. Я ревную эту шелуху. Она прильнула к твоим чудесным волосам...

Докпак-уруг. Рукой, видно, занесла на косу. *(Ставит корыто на землю.)*

Балажык *(с любопытством рассматривает)*. Мякина.

Докпак-уруг *(обеими руками отбрасывает назад волосы)*. Еще осталось?

Балажык. Нет. Только черные волны волос блестят.

Докпак-уруг. Сравни еще с бархатом их. *(Лукаво улыбнулась.)*

Балажык. Косы блестящие — черные волны. Красиво звучит, как будто слова из песни.

Докпак-уруг. Про воду и араку тоже говорят — блестит... А в песне про девичьи косы поют, что они, как бархат черный, переливаются.

Балажык. Хоть бархат, хоть атлас. Мне все равно. Только для меня они самые красивые, век бы ими любовался. *(Берет в руки конец косы.)*

Докпак-уруг. У тебя коса тоже ничего. Сравнивают свои косы. Им весело. В это мгновение они видят только друг друга. Внезапно залаяла собака. Входит Топтуг-оол.

Топтугоол. Пусть спорится работа, родненькие.

Балажык. Да будет так.

Топтугоол. Когда закончите толочь тару, чем думаете заняться? Куда пойдете?

Балажык. Нам некуда идти.

Топтугоол. Неужто бездорожье тебя обуяло? А по-моему, ты ошибаешься. (*Внимательно смотрит на Балажыка.*) Ну, герой, сколько годков тебе уж миновало?

Балажык. Двадцать.

Топтугоол. А тебе, славная? (*Осторожно, по-братски дотронулся до косы.*)

Докпак-уруг (*зарделась*). Восемнадцать.

Топтугоол. Эх! Молодость в ваших руках.

Докпак-уруг. Мама говорит, что мы еще дети малые.

Входит Домбуштай.

Топтугоол (*к Домбуштай*). Здравствуйте, тетушка.

Домбуштай. Здравствуй.

Топтугоол. Что нового аль интересного слышно у вас, угбай*?

Домбуштай. Ничего. А у вас?

Топтугоол. Да вроде худого нет... Вот учимся помаленьку пользоваться свободой.

Домбуштай. Разные разговоры идут... Всякое толкуют про жизнь-то новую.

Топтугоол. Да ведь небывалое дело. За все времена арат вздохнул от неволи и начал расправлять плечи свои. Хорошо, тетушка!

Домбуштай. Уйю-о... Проходите.

Все входят в юрту.

Топтугоол. Петь хочется, тетушка. Душа делается большой от радости.

Домбуштай (*ставит угощение, наливает чай, насыпает тару*). Да, всякое. Новая власть, а кто будет в ней жить власть?.. Время покажет...

Топтугоол. От самих, тетушка, от самих нас будет зависеть многое. Не следует плошать нам, ухо остро держать надо... Всякой нечисти — хоть отгребай... Враги готовы ужалить нас в самое сердце.

Домбуштай (*не понимая*). Вам виднее...

Топтугоол. Все будет хорошо, тетушка. Это только начало. Мы, араты, сами будем строителями своей жизни.

* Угбай — вежливое обращение к женщине.

Домбуштай (к Балажыку). Ты прямо из дому?

Балажык. Ага.

Домбуштай. Как у вас?

Балажык. Да ничего. В нижний зал люди стекаются отовсюду.

Домбуштай. Ой, страсти господни! Для чего народ собирается?

Балажык. Говорят, какие-то представители собираются.

Топтуг-оол. Да. Собирается народ на свой хурал. Самп араты, возрожденные революцией, будут совет держать о жизни своей.

Домбуштай (к Балажыку). Нет ли там старика моего?

Балажык. Лошадь его там.

Домбуштай. Так и есть. Где народ, там и он отирается.

Топтуг-оол. Интерес к жизни растет у аратов, угбай. Вот и не сидится на месте.

Домбуштай. У старика моего все сверх меры на аршин. Он забывает сон, еду; это новое — во вред его животу.

Докпак-уруг. Мам, а нам можно идти?

Домбуштай. Зачем?

Докпак-уруг. А вот акый* говорит, чтоб мы тоже туда пошли. Там и девушек и парней полно.

Топтуг-оол. Пусть идут. Не удерживайте их.

Домбуштай (про себя). И что там интересного может быть... в каких-то собраниях? Напьются, передерутся... Вот и вся недолга.

Балажык. Не всегда же так.

Топтуг-оол. Оно конечно...

Домбуштай. Дома-то поспокойней будет.

Докпак-уруг. Там будет хурал. Мам, можно, а?

Домбуштай (раздраженно). Какие вы беспокойные! И чего вам там надо? Когда ты была маленькой, в соседнем зале зачем-то собирались люди. Сколько шуму, крику, визгу было! Кого-то наказывали плеткой, кого-то били по пяткам... Сердце исходило от истошных криков. И с тех пор я ненавижу, когда собираются большие собрания.

Топтуг-оол. О нет, угбай. Теперь совсем по другому поводу араты съезжаются. Они поведут разговор о новом строе, будут советоваться, как лучше жить.

Домбуштай (дочери). Ну, ступайте. Раз там ничего плохого нет, говорят... Да и живой человек оттуда. Нет, нет... нельзя...

Топтуг-оол. Оттуда, угбай. Вот я и хожу объясняю, что к чему.

Домбуштай (дочери). Все равно пехорошо получается.

* Акый — вежливое обращение к мужчине.

Там всякое говорится, и не все это можно слушать девушкам.

Д о к п а к-у р у г. Mam, согласиcь, где много народу, там и веселье.

Д о м б у ш т а й (*холодно*). Ни к чему все это.

Т о п т у г-о о л (*снова садится*). Раньше, тетушка, действительно собирались, чтоб аратов наказать плетьюми, унизить, оскорбить в них человеческое достоинство. Это кануло в вечность. Революция навсегда смела это.

Д о м б у ш т а й. Революция... революция, говорят.

Т о п т у г-о о л. Да, угбай, говорим. Она тысячам бедняков раскрыла глаза, она дала им свободу. Ею руководил вождь Ленин, ее совершил русский народ. И поэтому, тетушка, великий Ленин, Великий Октябрь близки сердцам аратов, как благодать, как заря утренняя, приносящая людям день солнечный.

Д о м б у ш т а й. Лей-нин... Кто же он будет?

Т о п т у г-о о л. Ле-нин необыкновенный человек. Умнейший из людей. Его слушают сотни тысяч, миллионы людей. Вождь он и товарищ. Русские люди под его руководством совершили Октябрьскую революцию. Она сбросила напрочь с трона царя, нойонов, чиновников, и их законы-права уничтожены навсегда.

Д о м б у ш т а й. Ойт, страсти господни...

Т о п т у г-о о л. Власть отдана в руки беднейшим. Их это поднимает и вдохновляет. Тувинские араты пробуждены от вековой спячки. Революция осветила их своим пламенем. Араты радуются свободе. И, собираясь вместе, говорят о ней. И ничего плохого нет в том, угбай, чтобы в этом деле участвовали вот эти молодые люди.

Д о м б у ш т а й. Толку-то от них будет ли? От ребяташек-то? Умишко-то у них не бог весть какой...

Т о п т у г-о о л. Жизнь беспокойнее стала, угбай. Новое всегда вызывает волнение. Народ как из тюрьмы вырвался. Это не шутка. Свобода в руках самого народа. Понимаете?

Д о к п а к-у р у г. Отлустн, мама!

Д о м б у ш т а й. Ойт, страсти господни... Посиди-ка ты лучше дома...

Слышна песня. Ее поют люди, проходящие мимо аала.

Час последний феодалов,
Час последний их пробил.
Набираются араты
В жизни новых, светлых сил.

Балажык, Докпак-уруг собираются уходить.

Д о м б у ш т а й. Ойт, куда ты, дочка?

Т о п т у г-о о л. Видите, как интересно им даже песню слушать. Не мешайте им по-новому относиться к жизни. Да и сами не противтесь...

Докпак-уруг (*шепотом*). Акый, мы обязательно придем...

Тоитуг-оол (*смотрит ласково*). Хорошо. Молодежи нельзя отставать от бега времени.

Балажык. И не отстанем. Придем.

Тоитуг-оол (*Балажыку*). Очень хорошо...

Докпак-уруг. А мама ни да ни нет не говорит. Вокруг да около.

Тоитуг-оол. Не все понятно ей, вот она к ловществам и относится неприязненно. (*Обращается к Домбуштай.*) Не так ли, угбай?

Домбуштай. Откуда мне знать, мил-человек... Темная я... Уж простите старую. (*Уходит.*)

Тоитуг-оол. Мужайтесь, мои юные друзья.

Выходит. За ним украдкой один за другим выходят Докпак-уруг и Балажык. Юрта некоторое время пуста. Входит Домбуштай, потом Дынар-оол.

Дынар-оол. О чем ты запечалилась, старуха? Где дочь?

Домбуштай. Кто ее знает, где она бегаёт.

Дынар-оол. Пусть себе бегаёт. С кем она?

Домбуштай. Да с этим парнем... Как его... Где ты пропадай, старый?

Дынар-оол. Что значит пропадай? Эх, старуха, какие дела творятся на белом свете, если б ты только знала! Радоваться надо.

Домбуштай. Чему? Аль деньги нашёл на дороге?... Разная молва идет...

Дынар-оол. Интересные дела творят революционеры. (*Наливает и пьет чай.*)

Домбуштай. А где пропитание берут твои революционеры?

Дынар-оол. У них это запросто. Заходят в любую богатую юрту, берут у богача самого упитанного быка, режут, едят досыта, потом совещаются, совещаются...

Домбуштай. Значит, ты на дармовых харчах?... Отбилась совсем от своего дома.

Дынар-оол. Ничего-то не знаешь, старуха. Понимаешь, бедные араты теперь знают себе цену.

Домбуштай. Выходит, ты теперь не человек, а золото... То-то, смотрю, со всех сторон блестяшь да светишься.

Дынар-оол. Ладно, ладно, не ворчи. Теперь каждый мужчина сам себе голова.

Домбуштай. Какая голова?

Дынар-оол. Эх, баба, непонятлива ты. Мужики теперь свободу обрели.

Д о м б у ш т а й. Не морочь ты меня со своей волей-свободой. Не хитри.

Д ы н н а р-о о л. Не хитрю я, старая. Как у тебя поворачивается язык святое слово «свобода» так ядовито произносить? Свобода и право — это... (*глубоко задумавшись*) это лучшее, что можно иметь.

Д о м б у ш т а й. Кого лучше?

Д ы н н а р-о о л. Язык устал. Слушай. Благодаря революции, старая, мы получили свободу.

Д о м б у ш т а й. А тебе она зачем нужна? Прижми язык и сиди.

Д ы н н а р-о о л. Как же я могу прижать язык, коль я теперь революционер? Понимать надо, старая. И мы должны против своих врагов действовать смело, чтобы их с лица земли стереть. Так мне сказали...

Д о м б у ш т а й. Враги? Какие враги?

Д ы н н а р-о о л. Мозги твои темнее ночи, старуха. Это богаи, паразиты, которые у бедняков кровушку сосали.

Д о м б у ш т а й. Кто же такая революция? Не понимаю...

Д ы н н а р-о о л. Не кто — революция, а что. Она дала бедным власть, понимаешь? Вот я теперь революционер. И мне надо давить паразитов.

Д о м б у ш т а й. Значит, воевать пойдешь?

Д ы н н а р-о о л. А как же? Мое дело теперь воевать.

Д о м б у ш т а й. С кем? Когда? Куда пойдешь воевать?

Д ы н н а р-о о л. С богачами-паразитами. А для этого надо бить всех направо-налево. Сердце должно быть подобно урагану, сказали.

Д о м б у ш т а й. Подь ты, старый... Вместо своей затеи-возни лучше б хозяйством, да домом своим занялся. Ты ведь все забросил.

Д ы н н а р-о о л. Я и про дом свой не забываю. Землю, выделенную мне арбаном, я обработал, караганник выкорчевал.

Д о м б у ш т а й. Слишком разговорчивый стал. Удержу нет.

Д ы н н а р-о о л. Время такое. Вот, выслушай меня. Ох и интересно!

Д о м б у ш т а й. Ай, отстань, для тебя все интересно.

Д ы н н а р-о о л. Удивительное время. Вот что расскажу тебе, старая. Значит, был хурал революционеров. Об этом, значит, говорил человек из Хем-Белдира. Да как говорил! Слова, как горячие угли, обжигали сердце. Так может высказываться только настоящий революционер.

Д о м б у ш т а й. Ты и уши распустил.

Д ы н н а р-о о л. И ты бы распустила, если б услышала.

Д о м б у ш т а й. О чем говорил, хоть толком бы поведал, старый. Детям нашим да народу никакого ущерба не будет, беда не угрожает от этих разговоров?

Ды н н а р-о о л. Что ты! Наоборот. Дети наши — наследники революционеров. Объединяться будут.

Д о м б у ш т а й. Как? Куда?

Ды н н а р-о о л. В союз. Всех охватят. Вот как.

Д о м б у ш т а й. Что же это такое?

Ды н н а р-о о л. Союз и все. Значит, то, что поведет за собой. Так указала революция.

Д о м б у ш т а й. Указала, указала, а сам толком не знаешь.

Быстро входит Былдалаар и Чавана.

Б ы л д а л а а р. Да здравствует революция!

Ды н н а р-о о л. Пусть будет так.

Д о м б у ш т а й (*недоумевая*). Здравствуйтесь...

Б ы л д а л а а р (*садится на ящик, обращаясь к Дыннар-оолу*). Ты что же не придержишься установленного порядка приветствия?

Ды н н а р-о о л. Замотала меня баба. Объясняю, указываю ей, а она, как пень, не может уразуметь.

Б ы л д а л а а р. Ты ее уму-разуму плеткой учи, просвещай.

Ч а в а н а. А-а, что с нее взять: темень сплошная. В мозгах не видно ни зги... Хи-хи... (*Хохочет.*)

Д о м б у ш т а й. Что вы ко мне прилипли?

Ды н н а р-о о л. Не только о тебе речь, кадай. Всех женщин надо революционизировать.

Б ы л д а л а а р. Эй, ты, хережок*, слушай! Жить надо поновому. Всех, кто придерживается феодальных порядков, будем считать врагами революции.

Ч а в а н а. Все старое подлежит уничтожению.

Д о м б у ш т а й. Как это понимать?.. До чего боязно!..

Б ы л д а л а а р. Революция, т. е. хувискал, беспощадна к своим классовым врагам. И она должна пугать всех, приводить в ужас.

Ч а в а н а. Да, да... Такие бабы, как вы, должны трепетать. Хи-хи-хи...

Д о м б у ш т а й. Странные люди... Придумали какой-то хувискал.

Б ы л д а л а а р. Это ты про нас бормочешь? Не забудь, с кем имеешь дело.

Д о м б у ш т а й. В каждом деле смысл должен быть, а у вас его не разумею.

Ч а в а н а. Эта баба — живой пережиток имущего класса. Хи-хи-хи.

Ды н н а р-о о л. Что вы... Она верит делу революции, да сразу все охватить не может... Дело-то какое...

* Хережок — инокемная.

Былдаалаар. Сколько детей у вас?
Дыннаар-оол. Единственная дочь. Она в союз вступит.
Домбуштай (тревожно). Чего ты мелешь? Какой там союз?.. Она еще дитя малое, неразумное.

Былдаалаар (вытаскивает карандаш, бумагу). Итак, ко-сы ей обрежем; в партию впишем. Как ее зовут? Ну, живо!

Дыннаар-оол. Докнак-уруг.

Былдаалаар (записывает по-монгольски). Сколько лет?

Дыннаар-оол. Порядочно уже. Сколько минуло, старая?

Домбуштай (смотря на мужа исподлобья). Сколько бы ни было, кому какое дело. Какой ты вьедливый стал.

Дыннаар-оол. Восемнадцать есть. В члены вполне можно записать.

Былдаалаар. Значит, дочь уже взрослая. (К Домбуштай). А ты что лжешь, что она дитя малое?

Чавана. Баба и есть баба. Одно слово — хережок. А вообще-то она себе на уме... Хп-хи-хи...

Домбуштай. В любом возрасте дитя матери ребенком кажется. Она — дитя. И в ум еще не вошла.

Чавана. Муж у нее есть? Кто?

Домбуштай. Говорю вам, девочка.

Дыннаар-оол. Не обзавелась еще семьей, но женишок у нее уже есть.

Домбуштай (ткнув пальцем в голову мужа). Дурья твоя башка...

Чавана. А далее что?.. Хи-хи-хи...

Былдаалаар. Далее? Познакомимся с ней. И будем обра-щать в свою веру. (Вытаскивает маузер. Вертит им, заглядывая з дуло.) Это мой верный друг в истреблении феодалов. (Заряжает маузер.) Я с ними, как с бешеными псами, справлюсь.

Дыннаар-оол. Смотрите, осторожней. Не палку держите в руке. Оно же заряжено?

Былдаалаар. Эх ты, мерин! На кой черт мне нужен не-заряженный маузер, когда я защищаю классовый интерес!

Дыннаар-оол. Ежели так, пусть будет по-вашему...

Былдаалаар. Не «пусть будет по-вашему», а должно быть именно так. Заруби это себе на носу. (Снова начинает возиться с маузером.) Собака есть? Покличь-ка ее.

Дыннаар-оол. Песик у нас смиренный. Даже не кусается... Одряхтел совсем...

Былдаалаар. Где ваш некусачий пес? Подать мне его! (С маузером в руке выходит, за ним следует Чавана.)

Даннаар-оол. Он у нас совсем безобидный. (Тоже выхо-дит.)

Вскоре за юртой раздается выстрел и собачий визг. Из-за юрты показы-вается Былдаалаар.

Былда л а а р. Ха-ха-ха! Каково? Если б на месте собаки был феодал, я б ему пулей в голове дырку сделал и глазом не моргнул...

Былда л а а р. Чавана уходит. Дынар-оол входит в юрту.

Д о м б у ш т а й (*испуганно*). За что беднягу жизни лишили?.. Охо-хо...

Д ы н н а р-о о л. Застрелили и все... (*Сся и задумался.*)

Д о м б у ш т а й. А все ты со своим языком. Революс, хувискал, хувискал... Вот он какой твой хувискал.

Д ы н н а р-о о л. А я тут при чем?

Д о м б у ш т а й. При всем. Зачем имя дочери назвал этим живодером? Начали с собаки, потом за дочь примутся. Невозрадуешься тогда, бродяга несчастный!

Собирается уходить.

Д ы н н а р-о о л. Ойт, куда ты, старая?

Д о м б у ш т а й. Тебе можно шататься невесть где... С этими... Как их величаешь?..

Д ы н н а р-о о л. Да я ведь...

Д о м б у ш т а й. Вот и я найду свой революс-хувискал.

Д ы н н а р-о о л. Ты что, старуха, белены объелась? Туда только мужчинам можно. Поняла? Не ори, ради бога! Они могут вернуться.

Д о м б у ш т а й. Не пугай. И не ври. Вишь ты, мужчины! Да ты знаешь ли, дурья башка, без матери на земле не будет ни одного мужчины и вообще ни одного человека. Чем же я тебя хуже? Из той же плоти-крови состою, что и мужчина.

Д ы н н а р-о о л (*всплеснув руками*). Па, сдурела, спятила, баба! Нишкни! Если услышат хувискалы такие речи, они по голове не поглядят... Что бы ни было, а мы должны за ними следовать...

Д о м б у ш т а й. Ладно! Ладно! Сам с ними и болтайся, как кизяк в воде...

Д ы н н а р-о о л. А ведь, если глубже в слова твои вдуматься... может, ты права...

Д о м б у ш т а й. Конечно, права. Если им потакать, так они так обнаглеют, что и житья не станет от них... А ну их к бесу!

ВТОРАЯ КАРТИНА

Декорация та же. Действие происходит через несколько дней. В юрте — Домбуштай и Курайбай, которая только что вошла. Вдали поют песню. Женщины прислушиваются.

Курайбай (*сокрушенно*). Ох, светопреставление началось, сватьяшка. Взад-вперед, взад-вперед гоняют и гоняют... Там такой-то съезд был, где говорили так, здесь хурал соби-рался, сказали этак. Что к чему — ни в жисть не разберешься...

Домбуштай. Твоя правда, сватья. Вот мой-то старик совсем от рук отбился. По несколько дней где-то таскается.

Курайбай. Он у тебя непоседа смолоду. Все самому узнать хочется да другим рассказать...

Домбуштай. Все-то у него через край... Прямо беда.

Курайбай. И я замечала это...

Домбуштай. А ну его! Вот-вот явится и начнет распи-сывать... Язык-то, вишь, без костей. Но знаешь, сватья, алды-устунцы, сама слышала, в одно слово со стариком моим гово-рят. Господи прости, куда он запропастился?..

Курайбай. Мимо дома не пробежит, сватья. Увидишь его, сердце-то и остынет. Еще обрадуешься. А сыночек мой ис-чез, как в воду канул. И глаз не кажет. Жду не дождуся его.

Домбуштай. Он должен скоро приехать. Сам говорил. Ребятишки наши слово друг дружке дали уж, сватья.

Курайбай. Как же, сватьяшка. Знаю, все знаю. Лучше-го и не придумаешь. Скорехонько их надо окрутить. И делу конец.

Домбуштай. Чего ж он задерживается в таком случае? Где он?

Курайбай. Ой, милая сватьяшка, кабы знать, когда он приедет. Говорят, в уртели* какой-то кучерит. Эх, что я на днях слышала... В Баян-Тале, на сборище, эти, как, их кувис-калы уж как только не измывались над одной девушкой.

Домбуштай. Спаси нас, помилуй... Что же они?

Курайбай. Не только про то говорить, но подумать стыд-но, сватьяшка. Скоты... Три здоровенных мужика схватили де-вушку и начали такое у нее спрашивать, что она со стыда сгорела.

Домбуштай. Ой, бедолага. Чья хоть она?

Курайбай. Кто ее знает. Говорят, совсем молоденькая. Потом перекинулись на ее дедушку. Стали над ним измывать-ся. Во сне приснится такое, так испугаешься.

Домбуштай. Чего хотят, то и творят. И управы на них нет. Не знаешь, куда от них голову девать.

---

* Уртель — именная станция.

К у р а й б а н. Ох, сватьяшка, и не говори... У этих людей ничего святого не осталось за душой. Они, говорят, хуре тоже разоряют и сжигают.

Д о м б у ш т а й. Страшные времена. Поскорей надо детей женить.

К у р а й б а н. Я только об этом и думаю. Уж как мне хочется, сватьяшка, дочку твою своею невесткой назвать...

Д о м б у ш т а й. Мне тоже сына твоего зятем величать охота... Ох, детки, детки. Они тоже на хуралах поменялись.

К у р а й б а н. Вот то-то и оно... Ой, боязно, сватьяшка...

Д о м б у ш т а й. Чем все это кончится, ума не приложу... Прости ты нас, помилуй...

К у р а й б а н. Пусть беда со злом стороной пройдет...

Входит Докпак-уруг.

Д о м б у ш т а й (*внимательно разглядывает дочь*). Телята где?

Д о к п а к - у р у г. Я их в лесок прогнала.

Д о м б у ш т а й. Ладно. А на коров не наткнутся?

Д о к п а к - у р у г. Нет. Они совсем в другой стороне.

Д о м б у ш т а й (*гладит роскошные косы дочери*). Душа изныла. Места себе на нахожу. Ведь она у меня единственная.

К у р а й б а н. Ночами глаз не смыкаю, о своем чаде думаю. Смутное время... Что-то сыночка моего ожидает?

Д о к п а к - у р у г. Мама, я пойду на молодежное собрание?

Д о м б у ш т а й. Обойдешься без собрания. Там обижают и преследуют девушек-то, говорят.

Д о к п а к - у р у г. Хочется послушать, о чем толкует теперь молодежь.

Д о м б у ш т а й. О чем бы они ни говорили, тебе-то что...

Д о к п а к - у р у г. Мне вовсе не безразлично, мама. Хочу своими ушами услышать...

К юрте подходят Былдалаар и Чавана, заглядывают в дверь, входят и, словно подслушав разговор, спрашивают:

Б ы л д а л а а р. Эта девица ваша дочь? Ну, красотка, чем интересуешься?

Докпак-уруг, потупившись, молчит.

Ч а в а н а. Девка-то — объедение... самый смак... Хи-хи-хи...

Д о м б у ш т а й (*в страхе к Былдалаару*). Чем она может, бедняжка моя, интересоваться? А мы вот со сватьей (*указывает на Курайбан*) разговаривали промеж себя...

Б ы л д а л а а р. Что за сватья?

Домбуштай. Сватья наша... пришла, чтоб увести к себе сноху...

Курайбан. Женим, женим мы их с сыночком моим.

Былдаалар. Про это забудьте раз и навсегда. Свадьбам, сватам и сватьям конец. Это пережитки феодальных времен. Они нас не устрашают.

Курайбан. Да как же так?... Спокон веков...

Былдаалар (*проходит в переднюю часть юрты, садится. Чавана стоит*). Сказано и баста! По старинке свадьбы не будут справляться.

Домбуштай. Вот те раз!.. А как...

Чавана. А так... Хи-хи-хи! (*Хватает Докпак-уруг за ко-су, та с силой выдергивает ее.*)

Былдаалар. Теперь будут по-новому жениться. Раз-два — и в дамки, как русские говорят.

Курайбан. Наши дети с детства дружили.

Былдаалар (*к Докпак-уруг*). Правда ли это, красотка? А где же твой жених?

Докпак-уруг упорно молчит.

Домбуштай. В уртели трудится. Наверно, придет скоро.

Былдаалар. Ты помолчи лучше. (*К Докпак-уруг.*) Красотка, ты почему не отвечаешь? Кажись, тебя спрашивают, а не твою мать...

Докпак-уруг. Что вам надо?

Былдаалар. Значит, украдкой от хувискаала по старинке хочешь замуж выходить?

Чавана. Эй, ты! Что, язычок проглотила? А может, ко мне любовью воспылала?.. Хи-хи-хи...

Домбуштай (*неприятленно*). Видно, совести совсем нет...

Былдаалар (*к Докпак-уруг*). Обмануть нас тебе не удастся. Мы, хувискаальцы, насквозь видим, и нас на кривой кобыле не объедешь. Тебе, красотка, придется примкнуть к нам и подчиниться.

Докпак-уруг. Кому я должна подчиняться?

Чавана. Нам, то есть, хувискаальцам... Хи-хи-хи!

Докпак-уруг. Человек волен сам себе путь выбирать.

Былдаалар. А ну, поговори у меня! Я тебе такой путь выберу, что чертям тошно будет! Понятно? Я представитель революционной партии «Сжатого кулака» — Чудурук нама. Все прошлое сметем с нашего пути. И я готов с пережитками бороться так же свирепо, как с самими баями и феодалами. Ни перед чем не остановимся. Все старое подлежит уничтожению.

Все к ногтю прижмем. Уничтожать, еще раз уничтожать! Вы это знаете!

Д о м б у ш т а й. Уж очень грозно...

Б ы л д а л а а р. Таковы члены «Чудурук нама». (К Докпак-уруг.) Подойди ко мне, красоточка.

Д о к п а к-у р у г. Зачем?

Ч а в а н а (подталкивает). Иди, иди, коли зовут.

Б ы л д а л а а р. Значит, надо!

Д о м б у ш т а й (испуганно). Говорите! Она вас и оттуда услышит. Не за горами стоит...

Ч а в а н а. Эх ты, старая тетеря, ничего не разумеешь. Знаешь, как сладко и радостно сердце трепещет, когда рядом с тобой девица стоит. Забыла про свою молодость, что ли? Вспомни, как ретивое замирало от удовольствия, когда к парням подходила... Поди, слюной вся неходила... Хи-хи-хи...

Д о м б у ш т а й (гневно). Бессовестный!

Б ы л д а л а а р (к Докпак-уруг). Так, так. Не подойдешь? Не желаешь за мной следовать, думаешь, я не хувискалец? (Вынимает маузер.) Раз так...

Д о м б у ш т а й. Уберите подальше эту штуковину... Помилуй нас и прости, бурган*.

Ч а в а н а (потирает руки). Ык... Хи-хи-хи!

Б ы л д а л а а р (заглядывает в дуло оружия, продувает его и целится в дымовое отверстие юрты). Феодалы — сволочи. Если б голова какого-нибудь паразита показалась в отверстие, так бы между глаз и вливал пулю. (К Докпак-уруг.) Ну! Окаменела, что ли? (Чавана, подталкивая в спину, подводит девушку к Былдалаару.)

Входят Хеверик и Сыгдыгыр.

Д о к п а к-у р у г. Чего вам от меня надо?

Б ы л д а л а а р (не замечая вошедших, гладит по голове Докпак-уруг, разглядывает косу). Я хочу, чтоб ты стала истинной хувискалкой. Косы у тебя красивые, не так ли? И все же придется расстаться с ними.

Д о к п а к-у р у г. Как я могу расстаться со своими косами?

Д о м б у ш т а й. Как?

Ч а в а н а. Как с мужем разойдется, так и с косой расстанется. (Подмигивает.)

Б ы л д а л а а р. Все будет очень просто. (Он, заметив вошедших, кивнул Хеверику.) Вы ведь тоже в этих делах кумекаете?

* Бурган — бог.

Хеверик. Точно. Нам все дозволено. *(Хочет.)*

Былдаалар *(смеясь, обращается к девушке)*. По новым революционным порядкам бабьи косы к чертям собачьим посылаются, как остатки гнилого прошлого.

Хеверик. Да, да. Всю гниль надо с корнем вырвать.

Былдаалар. Именно. *(Берет с аптары пожницы.)*

Чавана *(предвкушая удовольствие)*. Ык... Хи-хи-хи!..

Докнак-уруг. Не дам вам косы резать! *(Направляется к выходу.)*

Чавана. Куда ты, девка? *(Задерживает Докнак-уруг.)*

Былдаалар *(хватает за косы Докнак-уруг, чтобы отрезать их)*. Что такое косы? Этоместилище вшей и гнид. Это остатки проклятого прошлого. «Долой косы! Вступайте в нашу партию» — вот наш девиз.

Домбуштай *(защищая дочь)*. Остепенитесь! Не смейте прикасаться к ней!

Докнак-уруг *(вырывается из рук своих мучителей)*. Не дам, ни за что не дам отрезать своих кос. Делайте со мной что хотите! *(Былдаалар и Чавана с хохотом отрезают обе косы Докнак-уруг и бросают. Девушка, хватаясь за голову, горько плачет.)*

Домбуштай *(поднимает косы дочери с пола и с ненавистью смотрит на Былдаалара и Чавана)*. За что, за какие грехи мы терпим такие муки?

Курайбан *(берет из рук матери косы, бережно свертывает их)*. Бедная девочка... за что глумятся над тобой... *(Уходит.)*

Былдаалар. Не разводи сырость, девка... По-новому хочешь жить... вот и получи. Косы тебе ни к чему. Они тебе только портили. А теперь у тебя открытое лицо, ясный взгляд... Теперь ты можешь идти вперед.

Чавана. Видишь, все в наших руках. Мы заставим всех плясать под нашу дудочку.

Домбуштай. Ничего нового не видно... Одни неприятности... от ваших проделок.

Былдаалар. Я тебе покажу «неприятности»! Прикуси язык, старая!.. А не то... Не держись за вонючие устои феодалов. И нечего дочку по старинке жить заставлять.

Домбуштай. Что плохого в косе нашей? Ведь ее веками вечными тувинцы носят.

Былдаалар. Не рассуждай, а то твои седые косы по волосинке выдергаем. И халат старинный стащим с тебя. Ходи в чем мать родила. Тогда все поймешь...

Хеверик *(к Домбуштай)*. Пойми, что хувискал требует новые прически, другой покррой одежды, свои обычаи и порядки.

Домбуштай (зло). Скоты вы, а не люди! (Выходит. За ней следом из юрты выходят все.)

Былдаалаар. Гляди-ка на нее. Ведьма старая. Она еще шорит со мной. Мы быстро тебя уму-разуму научим. Всю одежку твою на революционном костре сожжем. (Намеревается снять халат с Домбуштай.)

Домбуштай. Ойт! Сдурели, что ли, негодники!

Чавана (хочет стянуть со старухи халат). У этого халата феодальный покрой. Не должно духу остаться от него.

Хеверик. Истинно так. А эту старую корову за то, что огрызается, надо наголо обрить. Пусть знает — все революционные меры справедливы. (Домбуштай с силой вырывается и уходит.)

Чавана. Именно. Хи-хи-хи!

Былдаалаар (вытаскивает оружие). Вот этим их надо учить!

Былдаалаар и Чавана тоже уходят.

Хеверик. Чуешь, какова хватка у «чудурукнамовцев»? Мы их используем для своих целей. И следует их обрабатывать без промедления.

Сыгдыгыр. Вы хотели сказать, что мы ихними руками будем жар загребать?

Хеверик. Конечно. Пусть бьются. Чем больше они наломают дров, тем больше араты возненавидят их революцию. А это нам на руку. Только умно это надо сделать.

Показался Дыннар-оол.

Дыннар-оол. Что же вы здесь стоите? А старуха где?

Хеверик. Она пошла по делам. А мы тебя дожидаемся.

Дыннар-оол. Входите, пожалуйста, в юрту.

Хеверик. Ничего. На свежем воздухе тоже не худо. Эй, Сыгдыгыр, зайдём, раз хозяин приглашает нас.

Дыннар-оол. Я ведь только сейчас вернулся.

Хеверик. Но ты готов?

Дыннар-оол. К чему я должен быть готов?

Сыгдыгыр. Что это за разговорчики, когда революция разгорается! Лошадь у тебя есть?

Дыннар-оол. Есть.

Хеверик. Ружье?

Дыннар-оол. Есть старенькая берданка.

Хеверик (подмигивает Сыгдыгыру). Порядок. Значит, ты есть настоящий хувискалец.

Дыннар-оол. Мало у меня заряженных патронов.

Сыгдыгыр. Найдем.

Хеверик. Молодец. Если б побольше таких стариков, то мы были бы непобедимы.

Сыгдыгыр. Он же истинный тувинец.

Хеверик. Не обеднела еще Тува. В каждой юрте можно найти храбреца.

Сыгдыгыр. Верно, верно... И вот один из них. (*Указывает на Дыннар-оола.*)

Хеверик (*Дыннар-оолу*). Итак, наш друг, завтра на заре садись на самого сильного коня своего, возьми оружие и скачи в Адар-Гош. Мы все будем там.

Дыннар-оол. Если поразмыслить, то времена теперь не дают человеку покоя.

Хеверик. Если тебе дорога Тува, то покоя не должно быть в твоём сердце. Надо за нее крепко драться.

Дыннар-оол. Я готов в поход.

Сыгдыгыр. Похвально. Ждем тебя на заре на условленном месте.

Хеверик. Пока, старик.

Выходит из юрты, за ним следует Сыгдыгыр. Они, несколько отойдя от юрты, останавливаются.

Сыгдыгыр. Старичонка оказался весьма сговорчивым.

Хеверик. Нам такие и нужны.

Скрываются. Пауза. В юрте, задумавшись, сидит Дыннар-оол. Входят Домбуштай и Докпак-уруг.

Домбуштай. Взгляни, бродяга, на голову дочери. Ну?

Дыннар-оол. Что случилось?

Домбуштай. Это все дело твоих рук. Всякую погань привечаешь, встречаешь, провожаешь...

Дыннар-оол. Одно слово — хувискал... Иначе нельзя, старуха.

Домбуштай. Пропади ты пропадом со своим хувискалом... Из-за него дочь твоя без кос осталась.

Дыннар-оол. Теперь, старуха, надо по-новому жить.

Домбуштай. Отстань от меня, трухлявый пенёк. Можешь пасть, куда тебе угодно, но всякую шваль не приводи сюда.

Дыннар-оол. Надо, старуха, действовать. Всей жизни нашей переворот случился. Дело революции надо защищать.

Домбуштай. Переворот переворотом... А худо, что у тебя мозги вверх тормашками перевернулись.

Дыннар-оол. Если вдуматься... Я ведь сам теперь хувискальцем стал. Значит, надо защищать новое... (*Подражая Был-*

далаару.) Изверги... Мучители наши... Феодалы проклятые. Их надо с лица земли стереть. Вот паша задача.

Д о м б у ш т а й. Это не твоя забота, не твое дело. И без тебя защитники найдутся.

Д ы н и а р-о л. Я бедный арат. Если я не буду поддерживать дело революции, то кто же ее поддержит? Думать надо. старуха.

Д о м б у ш т а й. Думай не думай, а толку от тебя, как от козла молока.

ЗАНАВЕС

ВТОРОЙ АКТ

ТРЕТЬЯ КАРТИНА

Декорация та же. Действие происходит спустя месяц. Возле юрты в глубокой задумчивости стоит Докпак-уруг. Взгляд ее полон печали. Подходит Домбуштай.

Д о м б у ш т а й. Что с тобой, доченька?

Д о к п а к-у р у г. Ничего, мама...

Д о м б у ш т а й. Не печалься, родная...

Д о к п а к-у р у г. На сердце будто камень лежит... И собрания ихние меня уж не интересуют. А мне так хотелось на них побывать...

Д о м б у ш т а й. На собраниях?

Д о к п а к-у р у г. Да. А если и там насильно девушкам косы режут? Mamочка, что же это такое?

Д о м б у ш т а й. О, боже мой, что они с тобой сделали! Без кос и на себя ты непохожа стала.

Д о к п а к-у р у г. Говорят, свобода, свобода... А при чем мои косы? Кому они помешали?

Д о м б у ш т а й. Не горюй, зорюшка моя! Волосы снова вырастут. И косы у тебя будут длиннее прежних. А что решила ты на собрания не ходить, это правильно. Занимайся лучше хозяйством. Паси скотину, таскай дрова, вари чай. Пользы больше будет. *(Пауза.)* Вот отец твой окончательно свихнулся... Снова исчез бесследно. То ли жив, то ли мертв... Никаких вестей... *(Скрывается за юртой. Через некоторое время входит Балажык. Он радостно возбужден.)*

Б а л а ж ы к. Здравствуй, Докпак. О чем грустишь? Ты одна?

Докпак-уруг. А с кем я должна быть?
Балажык. Я хотел сказать, дома ли твои родители?
Докпак-уруг. Разве мать не попалась навстречу тебе?
Она только что ушла.
Балажык. Не видел ее. Я около месяца работал на ямской станции.
Докпак-уруг. Этот месяц тянулся, как год.
Балажык. Я не мог вырваться. Служба такая, сарым*.
Докпак-уруг. А что ты делал, Бала?
Балажык. Людей возил от уртели до уртели. Передохнуть некогда. Все время в езде.
Докпак-уруг. А я люблю быструю езду...
Балажык. Ни сна ни отдыха. Там ни с днем, ни с ночью не считаются. Давай — подавай лошадей и только. Ты-то как жила?
Докпак-уруг. Нерадостно мне без тебя.
Балажык. Я тоже тосковал о тебе, Докпак. *(С нежностью смотрит на девушку.)* Без тебя дни кажутся длинными. Я рвался к тебе. *(Показывает ей бумажный пакет.)* Как ты думаешь, что это? Для тебя.
Докпак-уруг. Откуда мне знать, что там завернуто? *(Голову держит так, чтобы Балажык не заметил отсутствия ее кос.)*
Балажык. Там, где я работал, возле правления открылся госторг. Чего только в нем нет!
Докпак-уруг. Госторг. Что это такое?
Балажык. Это русская лавка, где продают все-все, кроме птичьего молока.
Докпак-уруг. Мне теперь все безразлично.
Балажык. Почему?
Докпак-уруг. Так.
Балажык. Не надо, Докпак. Молодежь сейчас интересно живет.
Докпак-уруг. Пусть живет.
Балажык. Но ведь мы с тобой тоже не старики.
Докпак-уруг. Живи как знаешь.
Балажык *(слова девушки привели его в тупик. Он задумался. Потом посмотрел на пакетик, что держал в руке).* Отгадай, что тут лежит?
Докпак-уруг. Не знаю.
Балажык *(развертывает пакет. В нем красивый гребень).* Возьми. Как раз для твоих чудных кос.
Докпак-уруг *(долгим взглядом смотрит на юношу).* За чем мне теперь гребень? *(Плачет, прикинув лицом к груди Балажыка.)*

* Сарым — мочало.

Б а л а ж ы к. Что с тобой? *(Обнимает её, гладит по голове и обнаруживает, что у Докпак-уруг нет кос.)* Где твои косы? Кто отрезал их?

Д о к п а к-у р у г. Не спрашивай. Ты же знаешь, кто их отрезал.

Б а л а ж ы к. Я догадываюсь. Ты видишь, Докпак, у меня тоже нет косы. Но я добровольно подстригся. А насильно отрезать косы — это безобразие.

Д о к п а к-у р у г. Проходимец Быддалаар меня обезобразил.

Входит Топтуг-оол.

Б а л а ж ы к. Какой мерзавец! Я ему покажу! *(Порывается идти.)*

Т о п т у г-о о л *(останавливает его)*. Далеко ли собрался бежать? Повремени малость. Не спеши.

Б а л а ж ы к *(раздраженно)*. Видите, акый, что сделали с Докпак-уруг?

Т о п т у г-о о л *(только сейчас заметил, что девушка стала без кос)*. Успокойся, браток. Поспешешь — людей насмешишь, говорят в народе. Давайте посоветуемся, как быть. *(Гладит девушку по голове.)*

Б а л а ж ы к. Разговоры здесь не помогут. Слова и есть слова. На кой они нужны? *(Пауза.)*

Т о п т у г-о о л. А косы были действительно дивные.

Входит Домбуштай.

Б а л а ж ы к. Они, как черные ручейки, струились по спине Докпак. Да я за них...

Т о п т у г-о о л *(успокаивая)*. Остепенись. Не кипятись. *(К Домбуштай.)* Не так ли, угбай? *(Домбуштай молчит.)*

Б а л а ж ы к. Значит, Быддалаар, по-вашему, может и дальше беспрепятственно бесчинствовать?

Т о п т у г-о о л. Ничего подобного. Народ вместе с ревпартией в порошок их сотрут, если они не откажутся от своих разбойничьих вылазок. А косы вырастут. Верно ведь, тетушка Домбуштай?

Д о м б у ш т а й. Оно, конечно, так.

Все входят в юрту. Топтуг-оол садится, внимательно и ласково смотрит на Докпак-уруг.

Т о п т у г-о о л. Не горюй, ласточка. Была бы голова цела.

Д о м б у ш т а й. Тяжко стало на белом свете. Грабят не только ночью, но и днем.

Б а л а ж ы к. Это уж ни в какие ворота не лезет.

Входит Дыннар-оол. Он исхудал, побледнел, взгляд у него растерянный.
И вообще он не в себе.

Д о к п а к-у р у г. Отец! Какой ты стал...

Д ы н н а р-о о л. Здравствуйте.

Д о м б у ш т а й. Бурганна бо*! Что приключилось с тобой?

Д ы н н а р-о о л. Едва ноги унес, старуха. *(Смотрит на Топтуг-оола подозрительно.)*

Т о п т у г-о о л. Отчего таким худущим стали?

Д ы н н а р-о о л. Небось, истоцаешь, коль мурцовки хлебнешь...

Д о м б у ш т а й *(тревожно)*. Доченька, дай поскорей отцу поесть. Поставь тару. Я чай согрею. Где же ты был, старый?

Д ы н н а р-о о л. Сам не знаю где. Ошибся, кажется. Видать, эти люди не революционеры...

Т о п т у г-о о л. Кто они?

Д ы н н а р-о о л. На словах они вроде настоящими хувискальцами были, а на деле...

Д о м б у ш т а й. Что они тебе сделали?

Д ы н н а р-о о л. Говорят одно, а делают другое. Это бандиты, а не революционеры.

Д о м б у ш т а й. А ты к ним чуть не на крыльях полетел, старый дурень.

Д ы н н а р-о о л. Запутали они меня, замотали.

Д о м б у ш т а й. Я тебе говорила. Да ведь ты сам с усами. Не подступись к тебе.

Т о п т у г-о о л. Где же вы побывали? Чем же вы занимались?

Д ы н н а р-о о л. Прибыл я в Адар-Тош. Приказ был такой. А там уже собралось видимо-невидимо народу. Все на лошадях, вооружены до зубов. Кого там только не было!

Т о п т у г-о о л. И феодалы-грабители были?

Д ы н н а р-о о л. Всякой твари по паре. А я-то думал... революционеры они...

Д о м б у ш т а й. Неужто не мог черное от белого отличить? Видно, душа у тебя ослепла.

Д ы н н а р-о о л. Оболванили они меня, старая. Трещат со всех сторон: «хувискал, хувискал», «имушце», «неимушце»... А кто их разберет?

Т о п т у г-о о л. Вот ты и попал, как мышь в мышеловку.

Д ы н н а р-о о л. Еще как попал-то. Такое увидел, такое испытал, что век не забуду.

Т о п т у г-о о л. Действовать следует, старик, осторожно и

---

* Бурганна бо — бог ты мой!

обдуманно. Враги революции идут на любые ухищрения, чтобы аратов повернуть на свою сторону. А чутье твое не сработало. Сложная обстановка, старик, и надо каждый свой шаг обдумывать.

Ды н н а р-о о л. Я уж это вижу.

Д о м б у ш т а й. Пусть беда минует порога нашего... Об этом только молюся я...

Т о п т у г-о о л. Эх, урбай, молитвой ничего не добьешься. Русские говорят: «Бог-то бог, да сам не будь плох». А строителями нового будут вот они, молодые.

Ды н н а р-о о л (*недоверчивым взглядом окинул Балажыка и Докпак-уруг*). Ы-ык...

Д о м б у ш т а й. Они еще дети. Что с них возьмешь?

Б а л а ж ы к. Почему такое недоверие к нам? Мы полны сил. Мы готовы постоять за счастье свое.

Д о м б у ш т а й. Эх, дети, дети, что вы можете?

Б а л а ж ы к. Не беспокойтесь за нас.

Д о к п а к-у р у г. За что они надсмеялись надо мной? Чем я хуже других...

Ды н н а р-о о л. Если вникнуть вглубь... Мне надо выкинуть дурь из головы и заняться своими делами. Хозяйство поднимать. Вот и будет мне хорошо.

Т о п т у г-о о л. Не на шутку они напугали вас, что вы, как улитка, решили уйти в себя. Это не выход, акый. Нельзя вам оставаться в стороне от борьбы за новое. Надо душу в это святое дело вкладывать и всю ненависть вылить на голову наших врагов.

Ды н н а р-о о л. Небось, испугаешься... Коль в любую секунду пулю в лоб или нож в сердце можно от них схлопотать.

Т о п т у г-о о л. Они наши классовые враги. Ненавидят нас. От них всякую пакость можно ждать.

Ды н н а р-о о л. Сначала говорили о том, что мы все равны и что они борются за равенство людей.

Т о п т у г-о о л. Им выгодно было так говорить.

Ды н н а р-о о л. Уши прожужжали своим «равенством». Да и вы об этом же толкуете.

Т о п т у г-о о л. Поймите вы, что они только для себя хотят равноправия.

Ды н н а р-о о л (*недоверчиво*). Гремят-шумят... «Хувискал» с языка не сходит.

Д о м б у ш т а й. Говорить по-всякому можно...

Т о п т у г-о о л. Самое главное, надо понять классовую сущность происходящего. Революция — это борьба противоположных классов. Или мы их, или они нас.

Ды н н а р-о о л. Класс... Что это значит? Надо понять, чтоб снова на уду не попасть.

Д о м б у ш т а й. Да-да...

Т о п т у г-о о л. Постараюсь разъяснить. Слушайте. У бедных аратов и баев взгляды на жизнь не могут быть одинаковыми. Ведь бай живет за счет труда бедняка. А революция защищает права бедных аратов и поэтому она ненавистна имущим классам. Богатые и бедные. Это два лагеря, два класса. Но феодалы так просто не хотят сдаваться. И революционными фразами они привлекают на свою сторону аратов, чтоб снова вернуть свою прежнюю власть. Каждая партия имеет свою цель. Возьмем, к примеру, партию «чудурукнамовцев». Это сборище бандитов. Они являются злейшими врагами нашей революционной партии. И наша задача заключается в том, чтобы всякие течения, мешающие нашему продвижению вперед, ликвидировать в корне.

Д ы н н а р-о о л. Видно, ты прав, но почему они вашими словами фигурируют?

Т о п т у г-о о л. Вот и надо научиться разбираться, где ложь, а где правда. В настоящее время идут жестокие схватки. Каждый класс борется за свои интересы. Ясно одно: нам надо укреплять дело революции, а это значит — ликвидировать класс угнетателей.

Д ы н н а р-о о л. Уйю... Аж голова трещит...

Т о п т у г-о о л. Наша партия борется за интересы бедных аратов, выходит, правда за нами.

Входит Былдаалар с маузером на боку и обращается к Топтуг-оолу.

Б ы л д а л а а р. А-а... Ты уж тут. Когда прибыл?

Т о п т у г-о о л. Только что.

Б ы л д а л а а р (*указывая на Дыннар-оола*). С этим полудураком валандаться нет смысла. Он снюхался с бандитами, между прочим, сам один из активных бандюков.

Т о п т у г-о о л. Даже из активных? Откуда тебе известно это?

Б ы л д а л а а р (*зло*). Ты, кажется, мне не веришь? Я слышу насмешку в словах твоих. Этим ты защищаешь злейшего врага революции. А тебя кем считать прикажешь?

Т о п т у г-о о л. Прекрати юродствовать!

Б ы л д а л а а р. Ах, вот как ты заговорил! Теперь понятно, как ты защищаешь дело революции.

Т о п т у г-о о л. От кого?

Б ы л д а л а а р. От богатеев, паразитов. (*Смотрит на хозяев юрты*.) Вот от таких мятежников.

Д о к п а к-у р у г (*с ненавистью*). Ты сам бешеный пес!

Б ы л д а л а а р. И ты высунула жало, змея!

Д ы н н а р-о о л. Чего к ней вязнешь?

Т о п т у г-о о л. Не горячитесь. (*К Былдалаару.*) Давайте разберемся по порядку.

Б ы л д а л а а р. И так все ясно, аж глазам больно. А вот скажи мне, ты на чьей стороне? Не с мятежниками ли ты за одно? (*Зло уставился на Дыннар-оола, помахивая перед ним маузером.*)

Б а л а ж ы к (*гневно*). Слишком многое позволяет себе этот проходимец! Приструнить бы его не мешало.

Б ы л д а л а а р. Это ты обо мне, сучий ублюдок?

Б а л а ж ы к. О тебе.

Б ы л д а л а а р. Так знайте... Всех вас надо перевешать, перестрелять, живьем в землю закопать...

Т о п т у г-о о л. Что же ты сам проповедуешь?

Б ы л д а л а а р. Революцию. Я мщу паразитам-баям и ихним прихвостням. Ясно теперь?

Т о п т у г-о о л. Ты и тебе подобные элементы опасны для нашей революции. Не стойте на дороге. Не мешайте арагам. Иначе мы вас сметем со своего пути.

Б ы л д а л а а р (*грозит маузером*). Очень хорошо... Последнее слово будет за мной.

Т о п т у г-о о л. Не пугай. Убери игрушку! Мы не из трусливого десятка. Трепач несчастный, а не революционер.

Былдалаар вложил в кобуру маузер.

Б а л а ж ы к. Вот скотина. Чуть что, он за оружие хватается. Для этого ума не надо.

Б ы л д а л а а р. Ах ты щенок, я тебе! (*Выхватывает из кобуры маузер.*)

Д ы н н а р-о о л (*испуганно*). Эй, хувискалец, а если он у тебя заряжен, что тогда будет?

Б а л а ж ы к. Не машись, говорю. Ты не хувискалец, а шелудивый пес.

Б ы л д а л а а р. А вы, вы ничтожества...

Б а л а ж ы к. Не огрызайся, не боязно.

Т о п т у г-о о л (*к Былдалаару*). Кто вы такие? Отрепье! Какое отношение вы имеете к революции? Никакого! Настоящие хувискальцы руководят народом и помогают ему поднять хозяйство. Революционная партия снабжает арагов сельскохозяйственным инвентарем вплоть до плугов, борон, литовок и молотков. Революция дала народу землю, отняла у баев скот, принадлежащий народу, а вы — зловонные болячки на теле народа.

Б ы л д а л а а р. Не вы, подчиняющиеся вопиющим красным русакам и их революции, а мы являемся настоящими партийцами. Одно слово — «Чудурук нам». И сила на нашей стороне.

Т о п т у г-о о л. Время покажет. А оно для вас уже истекает.

Таких, как вы, анархистами зовут в России и нещадно их бьют.

Былдалар (*развязно*). Но-но, хорошо поешь, да где сядешь... (*Помахивает маузером и неожиданно стреляет в дымовое отверстие юрты.*) Не становись поперек нашей дороги, а то живо в покойничка произведем. Нам это раз плюнуть.

Топтугоол. Эх ты, молодец среди овец, а среди молодых — сам овца. (*Отбирает у него маузер.*) Теперь ступай. (*Выталкивает из юрты.*)

Былдалар. Погоди, я еще встречу с тобой на узкой тропочке. (*Уходит.*)

Топтугоол (*вслед*). Наше дело правое. Не пугай.

Дыннар-оол (*к жене*). Вот и разберись, старуха, кто из них прав.

Домбуштай. А кто их знает... Господи, чем все это кончится?

Топтугоол. А тем, что очистим нашу Туву от врагов и заживем хозяевами земли своей. Вот это и есть революция наша, тетушка Домбуштай.

Домбуштай. Так ведь и те себя хувискальцами возвеличивают, а бесчинствуют вон как...

Топтугоол. Они волки в овечьих шкурах, ярые противники революции.

Дыннар-оол. Похоже на то...

Домбуштай. Тревожно на сердце.

Топтугоол. Ничего, тетушка. Кучка бандитов не может стать преградой на нашем пути. Сметем. Скоро в Хем-Белдире собирается съезд революционной партии, и он определит дорогу, по которой пойдут араты.

Домбуштай (*после паузы*). Где, сказываешь, будет? Это далеко?

Топтугоол. В Хем-Белдире.

Дыннар-оол. Что ты не знаешь, где находится Хем-Белдир?

Домбуштай. Откуда мне знать? Может, он на краю света.

Топтугоол (*улыбнулся*). Это гораздо ближе. Там, где сходятся Каа-Хем и Пий-Хем, стоит Хем-Белдир. Об этом вы должны знать. Революционный пожар перекинулся в нашу Туву из далекой России. И языки ее пламени сметают с пути угнетателей наших, пивших веками кровь и пот бедных аратов. (*Весело обращается к Балажыку и Докпак-уруг.*) Пойдемте со мной, юные друзья мои. Нам с вами по пути.

Уходит. За ним, немного погодя, следует Балажык с Докпак-уруг.

Дыннар-оол (*задумался*). Что скажешь, старуха?

Домбуштай. А что я могу сказать? Многое непонятно мне.

Дыннароол. Кажись, Топтуг-оол прав.

Домбуштай. Кто его знает. А ты прижмись — не кипятись.

Дыннароол. Если вдуматься вглубь, то кажется мне, старуха, в каждом слове Топтуг-оола бьется живая правда.

Домбуштай. Отстань со своей правдой. Снова захотел счастье испытать?.. Смотри, кончини плохо... Ишь, правдолюбец какой нашелся...

Дыннароол. А все-таки прав во всем Топтуг-оол.

ЗАНАВЕС

ЧЕТВЕРТАЯ КАРТИНА

Действие происходит на просцениуме перед закрытым занавесом. Былдаалар ходит взад-вперед с маузером в руке, вглядываясь вдаль. Входит Чавана.

Былдаалар. Что нового?

Чавана. Все и вся во главе с Топтуг-оолом идет против нас.

Былдаалар. Что они предпринимают?

Чавана. Пока еще только болтают о мятежниках...
(С опаской поглядывает по сторонам.)

Былдаалар. Не так страшен черт, как его малюют. Мятежники не мы, а они. И мы их раздавим, как червей, мокрого места от них не останется. Сил у нас достаточно. Ты не паникуй. Однако нам надо быть начеку.

Чавана. А может...

Былдаалар. Смотри в оба. Следи за каждым шагом этого ихнего вожака, который меня оскорбил у глупого осла Дыннароола.

Чавана. Он посмел на вас поднять руку?

Былдаалар. Не твое собачье дело. Мой приказ: не слускай с него глаз.

Чавана. Слушаюсь... Хи-хи-хи...

Былдаалар. Топтуг-оол наш враг. Он путает нам карты, пороча наши действия и нас самих перед аратами. В такой ответственный момент, когда революция в разгаре, мы должны смести с пути все, что мешает нам. Понятно тебе, голова?

Чавана. Еще как понятно-то... Хи-хи-хи...

Былдаалар. Так вот, кто нам становится поперек, у того

должна быть свернута башка. Иначе мы не «чудурукнамовцы», а дохлые куропатки. Если ты не выполнишь мое предписание, то вылетишь из партии, как пуля. Уразумел?

Чавана. Еще как... уразумел... Хи-хи-хи. Душу из него вытрясти надо... Хочешь, я его, как барашка, прирежу?

Былдалар. Не ошибся в тебе. (Смеется.) Только с такими, как ты, можно совершать большие дела.

Чавана (хвастливо). Храброе сердце бьется в моей груди. Я готов с тобой в огонь и в воду.

Былдалар. Мы теперь с тобой одной веревочкой связаны... С Топтуг-оолом надо кончать.

Чавана. Не беспокойся, тарга. Пикнуть не успеет, как окажется уже на том свете. Хи-хи-хи...

Оба уходят. Открывается занавес. На сцене юрта Дыннар-оола. В юрте сидят Дыннар-оол и Домбуштай.

Домбуштай. Что ты сидишь, как истукан? Выпроси землю, обработай, полей, засевай...

Дыннар-оол. Погоди, старая. Не бойся, со мной не пропадешь. Помнишь, в каком это году... дай, бог, памяти... я один управился с тремя шанами*?

Домбуштай. Если захочешь, то, конечно, сможешь. А теперь что случилось с тобой? Будто кто тебя подменил.

Дыннар-оол. Ох, старая... Если б все было в моих руках, то, кажется, я горы мог бы своротить.

Домбуштай. Хувискал свершился... Знай поворачивайся, трудись. Вот как думаю я.

Дыннар-оол. Я всегда знал, что ты у меня неглупый человек. Правда твоя, женушка. Под лежащий камень вода не течет... Надо браться за дело.

Домбуштай. Принимайся, отец, за работу. А то опять какая-нибудь блажь нападет на тебя и ты умчишься, как Саврас без узды.

Дыннар-оол. Эх, мать, значит, есть еще в душе моей огонь и хватка молодецкая. И крепко я надеюсь, что жизнь наша изменится к лучшему.

К двери юрты подходит Чавана и подслушивает. Потом заходит в юрту.

Чавана. На что ты надеешься, старик?

Дыннар-оол. Да так... Со старухой о прошлом толкуем.

Чавана. Не петляй, как лиса. «О прошлом толкуем». Знаем мы вас. Двуличный кобель.

---

* Шан — мера, равна четверти гектара.

Входит Балажык.

Д о м б у ш т а й. Где уж ему с вами равняться.

Ч а в а н а. Ладно, ладно, не защищай своего облезлого мерина. Ведь он у тебя ничего не смыслит.

Д о м б у ш т а й (*открыто защищает своего мужа*). Смыслит не смыслит — это не вашего ума дело. Он сам про себя разумеет... А вы что разбушевались тут?

Б а л а ж ы к. Отваливай отсюда... Что тебе надо?

Ч а в а н а. Запомню. Мы еще встретимся с тобой на узкой тропе. Ты всех против революции подбиваешь.

Б а л а ж ы к. Это ты о себе говоришь?

Ч а в а н а. Мы настоящие хувискальцы. К примеру, Былдалаар. Революционней нас никто не может быть.

Б а л а ж ы к. Пой, пой, да у тебя голос не такой.

Ч а в а н а. Только мы боремся за свободную личность. Только мы истинные революционеры.

Б а л а ж ы к. И не ты, и не твой Былда к революции отношения не имеет. А вот Топтуг-оол, это да! Он за аратов стоит, он их на правильную дорогу направляет.

Ч а в а н а. Топтуг-оол ваш... Хи-хи-хи... Мелегей*, презренный враг... Опутал лживыми речами аратов.

Д о м б у ш т а й. Уж не сравнишь его с вами.

Ч а в а н а. Топтуг-оол раскольник.

Б а л а ж ы к. Неправда. Топтуг-оол настоящий революционер. Он истинный представитель народа.

Ч а в а н а. Истинным представителем народа является Былдалаар, а ваш Топтуг-оол самозванец. Кто за него, тот против революции.

Б а л а ж ы к. Не верю тебе. Из твоих слов сочтется ложь.

Ч а в а н а. Сопляк... тоже мне, в разговоры пустился. Смотрп, живо мозги вправим. Хи-хи-хи!

Б а л а ж ы к. Не пугай. Правда всегда выигрывает.

Д ы п н а р о о л (*Чаване*). А ты свои зубы не очень ослаливай, а то без них останешься.

Слышится песня. Балажык уходит.

За аратскую свободу
Надо крешко воевать.
За нее в огонь и в воду,
Чтоб от баев отстоять.

Ч а в а н а. Погоди... еще не раз умоешься кровью, старый баран... Хи-хи-хи. (*Уходит*.)

* Мелегей — черепаха.

Ды н н а р-о о л. Я их окончательно раскусил. Теперь они меня не проведут.

Д о м б у ш т а й. Сколько в них коварства... От таких можно всего дожидаться... Спаси нас и помилуй...

Ды н н а р-о о л. Как всегда, ты права, мать. Нет, мне с ними не по пути.

Входят Хеверик и Сыгдыгыр.

Хеверик (*прищурившись, в упор глядит на Дыннар-оола*). А-а... Он дома посиживает... подол своей старухи шюхает.

Ды н н а р-о о л. Мне некуда уходить. У птицы — гнездо, у арата — юрта.

Сыгдыгыр. Если по-твоему рассуждать, дурья твоя голова, весь мир давно бы перевернулся вверх ногами.

Ды н н а р-о о л. Ну и пусть перевертывается.

Хеверик. Значит, ты отказываешься защищать наш строй? Как прикажешь тебя понимать? (*Скрипит зубами от злобы.*)

Ды н н а р-о о л. Как хотите, так и понимайте. Я — арат. Если не буду трудиться, моя семья, да и сам я с голоду сдохнем.

Хеверик. Революция превыше всего.

Сыгдыгыр. В такое время, когда революция в опасности, когда по нашему хошуну рыщут русские вместе с захудалыми тувинцами из рода Оюнов, ты не хочешь помочь нам. Это предательство.

Слышны издали топот лошадей, выстрелы. Хеверик и Сыгдыгыр переглядываются, встают.

Хеверик. Не артачься, старик. На уговоры у нас времени нет. (*С угрозой.*) Или кусочек свинца захотел?

Сыгдыгыр. Эй, старик, играешь со смертью! Она сидит на острие ножа, выглядывает из дула ружья.

Ды н н а р-о о л. Я не ребенок. Сказал, не поеду, и все. И смерти в глаза посмотреть не побоюсь.

Слышны выстрелы.

Хеверик (*выхватывает саблю*). Ну? Вставай живей! Значит, не поедешь с нами?

Ды н н а р-о о л (*сидит неподвижно*). Я уже сказал.

Хеверик и Сыгдыгыр набрасываются на Дыннар-оола, волокут его по полу юрты. Домбуштай выхватывает из очага головушку и замахивается на истязателей.

Д о м б у ш т а й. Как вам несовестно над стариком издеваться! Уходите прочь!

Выстрелы приближаются. Хеверик и Сыгдыгыр торонятся.

Х е в е р и к. Тебе не миновать наших рук, старик!

Д ы н н а р - о о л. Мы еще посмотрим, кто кого.

Х е в е р и к. Ах ты падал! Ядраи кулугур*. (*Инает Дыннар-оола в лицо.*)

С ы г д ы г ы р. Мы еще вернемся. Тогда ты повертись, как гадюка на огне. (*Быстро уходят.*)

Через некоторое время то там, то здесь показываются взволнованные араты с оружием в руках. Похоже, что они кого-то преследуют. Все громче и чаще раздаются выстрелы. Домбуштай и Дыннар-оол выходят из юрты и смотрят в ту сторону, откуда слышатся отзвуки боя. Появляются Доклак-уруг и Балажык.

Д о к л а к - у р у г. Мама! (*Бросается к матери.*) Слушайте!

Д о м б у ш т а й. Дети мои, что же это такое?

Б а л а ж ы к. Революционные араты расправляются с мятежниками. Вот что это такое. Ловят их и дают, как вонючих клопов.

Д ы н н а р - о о л. Где? Кто?

Д о к л а к - у р у г. Повсюду, отец! Топтуг-оол ведет аратов в решительный бой!

Б а л а ж ы к. Топтуг-оол с нами и за нас. Он настоящий партиец.

Д ы н н а р - о о л. Если взглянуть вглубь, я так и думал, что правда на его стороне.

Д о к л а к - у р у г. Да, отец, правда на стороне революционной партии, а Топтуг-оол — истинный революционер.

Входит с маузером наготове Былдааар, за ним следует Чавана.

Б ы л д а л а а р (*подходит к Дыннар-оолу*). Руки вверх, судьбе вымя!

Д о м б у ш т а й. Ойт, ужас какой!

Д ы н н а р - о о л. Что вы с цепи сорвались, что ли?

Б ы л д а л а а р (*Чаване*). Затяни ему руки крепче!

Ч а в а н а (*завернув руки Дыннар-оола, завязывает их ремнем*). Хи-хи-хи... Так мы поступаем с изменниками революции. Это еще цветочки, а ягодки... Мы ими накормим тебя до отвала...

Б ы л д а л а а р. Ах ты, мятежник, изменник подлый, мы те-

* *Ядраи кулугур* — голодранец.

бе все кости выдержаем. Ты завоешь сильнее бешеного пса.
(*Бьет Дыннар-оол.*)

Дыннар-оол (*отталкивает его туловищем*). Не смейте меня бить...

Чавана (*бьет по спине*). Заткнись, падла. Хи-хи-хи.

Балажык. Не бейте старика! Он не мятежник. Наоборот, от них убежал, когда увидел, что они бесчинствуют.

Былдаалар. Сбежал, говоришь? Понятно. Выходит, он был шпионом.

Балажык. Это ложь, ложь!

Былдаалар. Не путайся под ногами, сопля зеленая.

Балажык. Я скажу Топтуг-оолу. Он живо всех вас на место посадит.

Былдаалар. Твой Топтуг-оол самый последний педонок, шкура. Это он поддерживает мятежную заразу.

Чавана. Его давно надо отправить на тот свет, чтоб помогал чертям в ад дрова таскать... Хи-хи-хи!

Балажык. Посмотрим... (*Убегает.*)

Былдаалар. Ойт, змееныш, удрал. (*Маузер направляет в сторону убежавшего Балажыка. Докпак-уруг заслоняет собой.*)

Докпак-уруг. Стреляйте в меня!

Домбуштай. Ой, доченька! (*Подбегает к ней.*) Уж лучше меня убейте!

Былдаалар (*удивленно рассматривает мать и дочь. Потом отталкивает Домбуштай*). А ты, девчонка, ничего, храбрая...

Чавана. Не худо бы с ней и ночь провести... Хи-хи-хи!

Былдаалар. Не распускаясь слюни! Сначала я с пей ночь проведу, а потом тебе позволю сладкой ягодкой полакомиться. Ступай и приведи этого щенка, я из него дух вышибу.

Чавана. Я его, как мышонка, прихлопну и приволоку сюда. (*Гладит Докпак-уруг по щеке и направляется к выходу.*)

Былдаалар (*кричит вслед*). Веди скорее гаденыша ко мне, допросим его.

Чавана. Хи-хи-хи! Уж будьте покойны! Мигом примчу. (*Снова подходит к Докпак-уруг, гладит ее по голове, та увертывается. Чавана срывается с места и убегает.*)

Былдаалар (*подходит к связанному Дыннар-оолу, толкает его носком сапога в бок*). Ну, выкладывай, дохлятица, как на духу, с кем ты связан, на кого работаешь? Да говори, стерва, правду, а не то голова твоя слетит вместе с шапкой...

Дыннар-оол. Ни с кем я не связывался. И ничего знать не знаю. Я старый человек и оставьте меня в покое.

Былдаалар (*целится в старика из маузера*). Твоя безмозглая башка давно плачет о пуле.

Докпак-уруг (*отводит оружие от отца*). Не смейте издеваться над моим отцом!

Былдалаар. Он не человек, а шпион, двуличная тварь.

Домбуштай. Вы не люди... Какие-то выродки... Хувискальцы не могут быть такими...

Докпак-уруг (*Былдалаару*). Ты... ты хуже хищного зверя... Ты отъявленный враг!

Былдалаар. Вот как? По-твоему, я хищный... Смотри-ка, заговорила... Я тебе... с тобой, девка, ночью поговорю... Тогда уж ты полностью узнаешь, каков я есть.

Докпак-уруг. Презренная тварь!

Былдалаар обнимает Докпак-уруг. Она его отталкивает. Борьба. В это время входят Балажык и Топтуг-оол.

Балажык. Вот они какие! (*Оба защищают Докпак-уруг.*)

Былдалаар (*к Топтуг-оолу*). Чего ты пыжишься, молодкосос? Хочу вот этого (*указывает на Дыннар-оола*) мятежника в расход пустить.

Топтуг-оол. Немедленно отдай маузер!

Былдалаар. Он принадлежит мне. И я никому его не отдам.

Топтуг-оол. Вот как! (*Внезапно хватает Былдалаара за локоть и вырывает оружие из его рук.*)

Былдалаар. Отдай, говорю, отдай!

Топтуг-оол. Твоя песенка спета.

Былдалаар. Кто это сказал?

Топтуг-оол. Я говорю. Именем революционного народа!

Былдалаар. А кто ты такой есть?

Топтуг-оол. Я член революционной партии, которая стоит на защите интересов бедных аратов.

Былдалаар. А я представитель партии «Чудурук нам».

Топтуг-оол. Такой партии не существует. Ваш «Чудурук нам» не что иное, как разложившаяся кучка бандитствующих молодчиков.

Былдалаар. Наша партия могуча, как кулак, готовый к удару.

Топтуг-оол. Революционная партия по требованию аратов разжала этот кулак. И нет места в нашей жизни жалкой группе людей, занимающихся разбоем.

Былдалаар. Не так-то просто будет нас из жизни вырвать. Мы корнями глубоко вросли.

Топтуг-оол. Вы, как дерьмо, всплыли на поверхность. И народ раздавит вас, чтоб не были вы ему помехой.

Входит Чавана.

Чавана. Не нашел этого чертового парня, как сквозь землю провалился. (*Увидев Балажыка, хватает его.*) Вот он, сукин сын!

Балажык (*отталкивает его*). Не лапай!

Чавана (*понял, что попался в ловушку*). А я ничего...

Топтугоол. Ишь, присмирел... Как ягненок... Встань рядом со своим «сподвижником».

Чавана. Это он во всем виноват, он меня подстрекал... Я... Я...

Топтугоол. Кто прав, кто виноват — разберемся.

Балажык. Пакостить пакостили, а теперь в кусты.

Чавана. Я больше не буду...

Топтугоол (*развязывает Дыннар-оола. К Былдалаару и Чавана*). А с вами будет особый разговор. Балажык, вот тебе оружие. Веди их и сдай представителям власти.

Былдалаар, Чавана в сопровождении Балажыка уходят.

Дыннар-оол. Спасибо тебе, сынок, теперь я знаю свою дорогу, и, сколько мне осталось жить, я пойду по ней, никуда не сворачивая. Прозрел я. И глаза мне дал ты, истинный хувискалец. А эти паразиты отпадут, как осенью с дерева опадают засохшие листья.

Докпак-ург. Нам хувискал дорогу указал.

Дыннар-оол. Иди по ней, дочь моя. Пусть счастье сопутствует тебе и твоим друзьям.

Топтугоол. Да. Наше время пришло, и светлый путь, указанный великим Лениным, открыл арагам-беднякам новую жизнь, которую они завоевывают в жестокой классовой борьбе.

ЗАНАВЕС

Монгуш КЕНИН-ЛОПСАН

НА СТРЕМНИНЕ ВЕЛИКОЙ РЕКИ

Отрывок из романа

Ливневый дождь шел всю ночь. Ослепительными вспышками сверкали молнии и слышались раскаты грома, будто злые духи перекачивали в горах огромные камни.

Утро было солнечное и свежее. Казалось, и деревья, и травы, и горы улыбались и готовились к большому празднику.

Сергекмаа, жена Саадака, вышла из юрты проверить, как перенесли ненастье коровы, овцы и козы. Ямка, которую, резвясь, выкопал вчера бык, была наполнена дождевой водой. Черно-белая корова встала, вдохнула позднями свежий утренний воздух и направилась к луже с прозрачной водой, где отражалось высокое голубое небо. Она напилась и, помахивая хвостом, пошла прочь. В кошаре было сыро. «Если овцы летом содержатся на мокрой подстилке, зимой они обязательно будут болеть,— подумала Сергекмаа.— Пусть они скорее идут на пастбище,— и открыла ворота... Рабочие волеы обычно с вечера уходили со двора и ночевали у подножия горы. И теперь Сергекмаа видела, что они лежали на солнечной стороне холма.

Заботливая женщина успокоилась. Ночной дождь не причинил никакой беды, а на сердце все равно было почему-то тревожно. «И кукушка что-то сегодня молчит»,— подумала Сергекмаа и посмотрела на одиноко стоящую старую лиственницу. Вершина ее была ссечена молнией, а вдоль могучего ствола почти до самой земли протянулись красные волнистые линии, будто в них навечно остался небесный огонь... Сергекмаа пожалела старую лиственницу, которую любила с детства. «Погибла от своего одиночества,— подумала женщина.— Стояла бы она

в окружении друзей, может, и миновали бы ее силы небесные... Вот так и людям трудно жить в одиночестве...»

Ее мысли прервал конский топот и звон удил. Оглянулась — перед ней на коне сидел Узун-Кулак.

— Что-нибудь нового привез? Заходи в юрту, — пригласила Сергекмаа.

— Возьми, угбай, свежие газеты и раздай их всем подписчикам. — И Узун-Кулак передал ей большую пачку газет.

— Ладно. В своем аале нетрудно разнести газеты. Это не то, что скакать за десятки верст да еще собирать продукты для строителей клуба. Ну, что ты прирос к седлу? Слезай, нанюю чаем, а потом поедешь.

— Не могу: спешу на летнее пастбище. Да и продукты у строителей кончились. До наступления жары думаю добраться в таежные аалы.

Всадника окружили женщины и дети, которые всегда с любопытством встречают приехавшего издалека человека.

— Ты любил зайти в каждую юрту и поболтать с женщинами. Что с тобой стало? — улыбаясь, спросила Сергекмаа.

— Беда, угбай, случилась...

— Пожар или умер кто?

— Началась война...

— О господи! Что же теперь будет? Где ты слышал об этом?

— Вчера я ездил в Чадан за свежей почтой. Там начальником конторы работает мой хороший знакомый. Он мне сказал: «По радио объявили, что началась война».

— А где началась? Ты не запомнил той местности?

— Та страна называется Кирмания, что ли. Я точно не могу выговорить. Она попала на Советский Союз, это я хорошо запомнил.

— И далеко та Кирмания?

— Говорят, она расположена на закатной стороне. Фашисты хотят захватить Советский Союз и сделать всех рабами.

— Наверно, наши мужчины прекратят строительство клуба и пойдут воевать, — задумчиво проговорила Сергекмаа. Она подняла на руки маленькую дочку. Ей вспомнились годы, когда муж боролся против белых за народную власть. «Он ушел тогда с красными, и о нем несколько месяцев ничего не было слышно. Я не знала, жив он или погиб. Это в то время первый иней посеребрил мои черные волосы. Трудно будет женщинам с детьми, когда мужья уйдут на войну...»

— Не надо устраивать панику. Работайте по хозяйству и не волнуйтесь. Тарга Шыдыраа скоро вернется из Кызыла, где он присутствует на Великом хурале. Вот он и расскажет обо

всем, а мне некогда, — проговорил на прощанье Узун-Кулак, ударил плетью коня и помчался в степь.

* * *

Нес Уларбап проснулся и отрывисто залаял. Сергекмаа вышла на улицу. К аалу подъезжали три всадника: тарга Шыдыраа, секретарь партийной ячейки Самнаар-оол и председатель женсовета Кундусанай. Сдерживая разгоряченных коней, они въехали в аал и селились. Петоропливо подошли к юрте и поздоровались.

— Пожалуйте, таргалары*, входите, — пригласила их Сергекмаа в юрту.

— Здесь удобнее: дует освежающий ветерок, — ответил Шыдыраа.

— Заходите, пожалуйте... Я вас напою крепким чаем.

— Сейчас не такое время, чтобы засиживаться в каждой юрте. Я вас прошу побыстрее собрать сюда всех жителей соседних юрт, — попросил Шыдыраа.

Приехавшие присели на лежащее у юрты бревно.

— А ну, зови всех сюда, — приказала Сергекмаа Чакпажыку.

Пока он обегал стоянку летнего аала, около юрты уже собралась толпа людей различных возрастов.

Шыдыраа был высок ростом, строен и несколько худощав. Его смуглое лицо, казалось, целовали все буйные ветры окрестных гор. В уголках глаз, точно утренние лучи солнца, залегли неглубокие морщинки. Юношей он носил косу, но одним из первых отрезал ее и теперь зачесывал волосы назад, открывая высокий умный лоб. Председатель сумона не имел специального образования, но был отличным организатором. Когда в краю Хопдергей была создана первичная ячейка народно-революционной партии, Шыдыраа вступил в нее. Он конфисковывал имущество феодалов и раздавал его бедным аратам. Это было его первое партийное поручение. Он хотел, чтобы каждый арат его родного края был богатым, и не жалел для этого ни своих сил, ни времени. Шыдыраа любил читать. И приучал к этому своих соотечественников. Казалось, он не пропускал ни одной книги, выходящей в Кызыле. Поэтому за время его председательства почти в каждой юрте выписывали газеты. А ведь лет десять назад грамотный человек казался здесь пришельцем из другого мира.

В тот год, когда завершалась конфискация имущества баев, Шыдыраа заболел воспалением легких, перешедшим в туберкулез... «Душа богатого человека живет на небе. Зачем тарга

---

* Таргалары — начальники.

Шыдыраа конфисковал имущество баев и раздал его бедным? Видимо, за это духи разгневались и послали ему смертельную болезнь», — так говорили темные люди о болезни Шыдыраа.

Партийный секретарь Самнаар-оол часто советовал своему другу: «Тебе надо серьезно лечиться», но Шыдыраа пропускал это мимо ушей. Будучи в Кызыле, он даже не показался врачам...

— Дорогие товарищи! — обратился к собравшимся Самнаар-оол. — Наш тарга Шыдыраа только что вернулся из Кызыла, где он был делегатом десятого Великого хурала. Он сейчас вам расскажет о том, что видел и слышал.

Шыдыраа встал, слегка поклонился, и подол его халата коснулся земли. Потом он вынул из полевой сумки какую-то бумагу и сказал:

— Вы знаете, товарищи, что фашистская Германия напала на Советский Союз. Вот что говорится по этому поводу в декларации десятого Великого хурала: «Трудящиеся Тувы под руководством своей народно-революционной партии и правительства будут в одном строю с народами Советского Союза, которые сражаются против фашистских захватчиков. Во имя победы над коварным врагом трудящиеся Тувы не пожалеют ни своих сил, ни самой жизни...»

После этих слов все собравшиеся просили читать декларацию полностью. И Шыдыраа, сдерживая кашель, читал этот исторический документ, а араты, затаив дыхание, слушали призыв Великого хурала...

— Дорогие братья! Вы знаете, что наш народ разбужен залпами Великого Октября. В те годы, когда решалась судьба трудящихся аратов — быть им свободными гражданами своей страны или оставаться рабами феодалов, нам на помощь пришли русские братья — красные партизаны. Они помогли нам очистить родной край от угнетателей. Поэтому нападение фашистской Германии на Советский Союз мы должны расценивать как нападение и на нашу страну... Как должен каждый из нас поступить в этот грозный час? Мы обязаны оказать Красной Армии материальную помощь, чтобы ускорить победу над коварным врагом. Ведь наше счастье и наше светлое будущее, как учит нас наша партия и народная власть, зависят от счастья и благополучия Советской России. Поэтому сейчас все наше хозяйство надо перестраивать так, чтобы оно работало для фронта. Наш Хондерегейский сумон является самым крупным в Дзун-Хемчикском хошуне. Надо мобилизовать для фронта все резервы. В первую очередь к юбилею установления народной власти в Туве надо выполнить план сдачи государству мяса и шерсти. Ведь Красной Армии нужен хлеб, мясо, масло,

теплая одежда, кони. Сделаем все, чтобы не опозорить себя в глазах наших потомков!

— Да, сын должен идти по стопам отца. И если отец в беде, сын придет ему на помощь, — мудро изрекла старая Чочагайман.

— Для начала я дарю Красной Армии своего самого большого вола Забодайку, только были бы счастливы мои дети! — сказала Сергекмаа и попохала голову своей младшей дочери.

— Все, что каждый арат нашего сумона подарит Красной Армии, мы будем записывать. Это имущество поручено собирать специальной комиссией, — разъяснила Кундуснай.

Первой подошла записывать свой дар Красной Армии Сергекмаа. Раньше она без разрешения мужа не смела заколоть и козленка, а теперь в грозный час смертельной опасности нарушила этот вековой обычай.

— Почему же вы сидите в стороне, бабушка? Ведь вы же хозяйка юрты? — обратился Шыдыраа к Чочагайман.

— Я уже не хозяйка юрты. Неужели вы не заметили прихода в мою юрту молодой хозяйки? — с какой-то грустью проговорила Чочагайман.

— Где же ваша молодая хозяйка? — осмотрел присутствующих Шыдыраа. — Познакомьте нас с ней.

— Пока ты был в Кызыле, Чанчык привел молодую жену. Ранним утром они приехали на одном коне. Вот она, моя новая хозяйка, — нежно посмотрела старуха на Тоглаа. — Подойди, дочь моя, и сделай подарок от всего сердца. Ты теперь хозяйка нашей юрты.

Наступила тишина.

— Мы дарим Красной Армии четырехлетнего вола! — отрывисто сказала Тоглаа. И сама подумала: «Вот я уже и самостоятельная хозяйка. А давно ли без позволения матери даже не могла начать доить коров? «Птичка, вырастая, покидает родимое гнездо. Дочь, вырастая, выходит замуж», — любил повторять мой дедушка. Вот и я стала уже взрослой».

Пока продолжалась запись подарков, Тоглаа сходила в юрту и вышла оттуда с полным чайником араки.

— Раз вы не хотите горячего чаю, то выпейте на дорогу этот холодный напиток, — обеими руками она подала председателю сумона чашку араки, почтительно склонив голову.

— Время такое, что некогда увлекаться вышивкой. И если бы мне сейчас кто другой преподнес эту чашку араки, я бы отказался от нее, но от молодой хозяйки я должен принять и выпить за счастье молодоженов. Желаю вам счастливо прожить вместе до самой глубокой старости! — сказал Шыдыраа и выпил араку.

Даже непьющий и некурящий Сампаар-оол выпил вслед за

ним. А Кундуспай пригубила араку, улыбнулась и во второй прием допила содержимое чашки.

— Спасибо за доброе внимание, дорогие братья! Благодарим молодую хозяйку за угощение. До свидания!

Шыдыраа помог Кундуспай сесть в седло.

— Скоро закончится строительство клуба, и ваш муж, угбай, вернется в родную юрту,— обратился Самнаар-оол к Сергекмаа.— Так вот, чтобы скоту не была страшна никакая пурга, передайте ему, пусть он едет на сенокос и заготовит достаточно сена. Тогда зимой вы спокойно будете заниматься домашними делами, а муж охотой. И еще скажите ему, что сбор подарков лежит на нем, как председателе этого арбана. Не забудьте, угбай, моей просьбы,— сказал на прощанье Самнаар-оол и сел в седло.

Три всадника помчались в горы, где среди лугов раскинулись летние пастбища. Они ехали туда с единой мыслью — мобилизовать все силы и богатства аратов на помощь фронту.

* * *

День победы народной революции стал для аратов всенародным праздником. Революция, которую народ назвал богатырем, навсегда разорвала цепи рабства, освободила аратов-бедняков от векового феодального гнета. Ежегодно в этот день каждый арат празднично одевается, садится на своего лучшего скакуна и везет для общего пира приготовленную еду.

Саадак не знает день своего рождения, но он крепко запомнил тот день, когда над родным краем взметнулось Красное знамя народной власти. На праздник старый арат всегда отправлялся со всей своей семьей.

Завтра араты снова соберутся на свой великий праздник. А сегодня Саадак шел к председателю Шыдыраа получить новое задание.

Взглянув на красный флаг, который развевался над одноэтажным деревянным зданием школы, Саадак улыбнулся. Он радовался зеленым листьям, голубому небу, высоким вершинам гор и мужественным сердцам своих земляков, водрузивших это Красное знамя. Как и в молодые годы, его походка стала легкой. Вспомнилось то время, когда он впервые узнал магическую силу слова «красный». С ним связано многое. «Это слово пришло к нам из России,— думал Саадак.— Оно освободило мой народ от вековой кабалы. Оно принесло счастье в мою юрту. В нашем краю появились люди, которых называли «красные». Они делали моему народу только добро. С тех пор каждый арат словом «красное» называл самое радостное в жизни. Тех ара-

тов, в их числе и меня, которые в отряде Кочетова* сражались против белогвардейцев и контрреволюционеров, люди называли «красными партизанами». Когда конфисковали имущество феодалов и раздали его бедным аратам, это называлось «красной помощью». Когда была создана тувийская письменность и организовали кружки по ликвидации неграмотности, они зашипились в «красных уголках». И до сих пор слово «красный» звучит гордо. В самом деле: араты собирают подарки для Красной Армии и посылают русским братьям «красные обозы». Над нашим краем, точно крыло сказочной птицы, реет Красное знамя. В этом году еще один мой сын пойдет в школу, и он повяжет на шею частицу этого знамени — красный галстук... Я вижу тебя, Красное знамя, в голубом небе! Ты зовешь всех аратов к священной борьбе с фашистами. В тебе кипит моя молодость — молодость бойца, готового идти в бой за счастье своего народа. Скажите мне, таргалар, что делать, и я все выполню. Я, арат свободной Тувы, готов к любому заданию. Я иду!»

* * *

Шыдыраа проводил митинг, посвященный отправке подарков Красной Армии.

— Завтра мы будем отмечать наш великий народный праздник. В письме, которое мы получили по этому поводу из хошунного исполкома, говорится, что победителями на этих всенародных торжествах будут жители того сумона, которые больше всего соберут подарков Красной Армии, которые и на празднике покажут свою дисциплину и организованность. А сейчас мы пожелаем доброго пути тем, кому поручено ваш дар сопроводить до хошуна и передать его уважаемой комиссии.

Продукты и шкуры были уложены на подводы; стада коз, овец и коров стояли тут же. Первым в колонне подвод был негнй конь Эзер-Чазаара. Над дугой прикреплен небольшой красный флажок. На этой подводе возницей сидел самый старый житель сумона дед Магадылаар. Все радовались, что во главе колонны поедет этот всеми уважаемый человек.

— Дед! Я тебя назначаю старостой красного обоза. Вы повезете самый ценный груз и поэтому мы вас отправляем первыми. Постарайтесь прибыть на место к назначенному сроку. Вот вам продукты на дорогу. — И Шыдыраа передал старику тяжелый мешок.

— Спасибо, сынок, за доверие и за хлеб-соль! Мы не уроним чести своего сумона. Можно бы, конечно, назначить вместо ме-

---

* Кочетов С. К. (1894—1957) — командир красных партизан в годы гражданской войны в Сибири.

ня более молодого человека, но раз так, то я доведу обоз до места,— весело говорил старик Магадылаар, а потом взмахнул кнутом и громко крикнул: «Но-о!»

Исгий легко рванул телегу, и обоз тронулся в путь.

На одной из подвод ехала Агана. Она была довольна, что ей поручили везти подарки Красной Армии. Улыбаясь, она смотрела на людей, стоящих вдоль дороги, и радостно кричала:

— Эй, братцы! Разве найдете вы другую женщину, которая бы вместе с мужчинами ехала в такой ответственный путь? Я никак не могу отстать от мужа.

Муж Аганы ехал на последней подводе. Он сидел молча и только слегка пошевеливал вожжами.

* * *

Настала очередь отправлять овец и коз.

— Товарищ Кушкаш-оол! Где ты запропал? Тебе поручили важное дело, а тебя все нет. Скоро наступит полдень,— отчитывал председатель только что подъехавшего Кушкаш-оола.

— Табун лошадей я бы с радостью погнал, а сопровождать это стадо найдите кого-нибудь другого,— отговаривался Кушкаш-оол.

— Всею своей черед. Тебе поручено гнать овец и коз — и не отказывайся.

— Я родился и умру табунщиком. Это дело мужчины. А с этим стадом я не пойду. Кроме того, мне завтра на празднике нужно обменять вот этого запасного коня.

— Товарищ Кушкаш-оол, нельзя личное дело ставить выше общенародного.

— Я приехал по вашему вызову, тарга. Дайте мне поручение, я готов отправиться с этим стадом,— обратился к Шыдыраа Саадак.

— Для вас есть особое задание,— ответил председатель, осматриваясь по сторонам.

Кушкаш-оол понял, что Шыдыраа ищет, кем бы заменить его, и поспешил согласиться:

— Я готов поехать с этим стадом, но дайте мне надежного помощника, например, Саадака.

— Я же только что сказал, что для Саадака есть другое задание, а напарником с вами поедет Кундуспай.

— Ай! С женщиной я не поеду. Дайте мне мужчину.

— Вы же сами говорили, что дело мужчины — лошади, а мелкий скот — для женщин. Вы считаете, что Кундуспай не справится с этим заданием?

Кушкаш-оол почувствовал в словах председателя что-то недоброе.

— Пошлите меня с этим стадом,— во второй раз попросился Саадак.

— Подождите... Вы получите свое задание... Товарищ Кундуспай! Я надеюсь, что вы оправдаете мои надежды.

— Сумею ли я быть напарником мужчины?— ответила Кундуспай. Но ее взгляд говорил другое: дайте мне любое задание и я с честью его выполню!

— Вот видите, она сама отказывается быть моим напарником. Она только может прогуливаться по аалам на своем скакуне.

Эти слова до глубины души оскорбили Кундуспай, и она взволнованно заговорила:

— Я ничего не боюсь. Я вижу, что Кушкаш-оол мое сомнение воспринял, как трусость. Он считает, что женщина способна выполнять только домашнюю работу. Но женщина может работать не хуже мужчины. И если я возьмусь за дело, ты, Кушкаш-оол, не сравнишься со мною, хотя мне уже пятьдесят лет... Я не хочу хвалиться, но все новое в нашем родном сумоне Хондергей связано с моим именем. Ты помнишь, тарга, когда нашей народной власти было всего три года, я за сутки проехала на скакуне более двухсот километров и успела присутствовать в Кызыле на заседании Тувинского центрального кооператива? В том году я работала председателем Всетувинского союза женщин, который был создан в Кызыле... Я первой из женщин сумона Хондергей научилась читать и писать... В тот год, когда началась конфискация имущества баев, в народно-революционной партии не было ни одной женщины. Тогда я первой вступила в члены аратской партии. Три года я работала продавцом в передвижной лавке, доставляя советские товары в отдаленные аалы. Сейчас дико вспомнить, а ведь было время, когда за одну иголку арат отдавал китайскому купцу целого барана... Когда образовалась артель, я первая подала туда заявление, показывая пример мужчинам. Я первая посадила в нашем краю картофель и призывала своих подруг полюбить эту культуру... Все это я говорю не ради того, чтобы показать свои заслуги, а чтобы утвердить честь и достоинство всех тувинских женщин... Вот так! И если у вас, тарга, некого больше послать с этим стадом, то я готова в путь. Только прошу дать мне хорошего коня: мой что-то прихрамывает. Не найдется напарника — я одна готова сопровождать это стадо.

— Можешь быть свободным, Кушкаш-оол. Только придется отдать на время своего запасного коня,— сурово посмотрел на него Шыдыраа.

— Я готов отдать своего запасного коня этой ораторше. Но ведь нельзя же отправлять в дорогу ее одну, хотя она себя считает чуть не героиней. Я не могу сидеть в юрте, когда старая женщина будет маяться в дороге. Я поеду с ней!— согласился Кушкаш-оол. Он не хотел расставаться со своим конем и готов был следовать за ним куда угодно.

Шыдыраа уже напутствовал Кундуснай:

— Это стадо овец и коз вы погоните к городу Чадану, где сдадите приемной комиссии. Там вас встретят. Вашим помощником будет Кушкаш-оол. Это вам продукты на дорогу.— И Шыдыраа передал женщине кожаный мешок.

— Я очень рада, что большой тарга назначил меня таргой. Это не шутка, что я, пожилая женщина, буду начальником над таким молодым мужчиной,— улыбаясь, говорила Кундуснай.— А теперь открывайте ворота!

Саадак отбросил крючок, открыл ворота, и стадо овец и коз вышло на простор.

Кундуснай лихим всадником гарцевала на скакуне Кушкаш-оола. Полы ее коричневого летнего халата, как крылья сказочной птицы, плавали в воздухе.

Кушкаш-оол с ненавистью смотрел на женщину, ставшую на сутки его начальником.

* * *

На широком лугу у реки Белдыр-Бажи, где каждое лето араты разбивают свои аалы, вновь рассыпались купола тувинских юрт. Особенно выделялась одна юрта, стоящая у подножия высокой лиственницы, на вершине которой развевался красный флаг. У входа в юрту по обе стороны дверей были прикреплены два маленьких флажка. В юрте стояла аккуратно убранная железная кровать. Здесь остановился русский капитан, который будет принимать от аратов коней в дар Красной Армии.

В степи разноцветными облачками паслись табуны лошадей. Многие жители сумона Хондергей пригнали сюда своих коней. Рядом в двух загонах стояли уже принятые лошади.

Между двух старых лиственниц было натянуто красное полотно со словами: «Отдадим Красной Армии самых лучших скакунов!» Здесь же собрались члены комиссии по сбору подарков для Красной Армии и среди них русский капитан.

С кратким приветствием к собравшимся обратился тарга Шыдыраа.

— Дорогие товарищи! От имени Совета сумона Хондергей и партийной ячейки, а также от имени комиссии по сбору подарков для Красной Армии наш митинг объявляю открытым и приглашаю всех вас подарить нашим русским братьям своих коней,— сказал он.

Кони и люди смешались в едином водовороте. Каждому арату хотелось первым подвести своего коня и передать капитану.

— Спокойно, товарищи! Соблюдайте порядок!— кричал Сампаар-оол.

Но не ему суждено было успокоить аратов, которые громкими возгласами выражали свою любовь к советским воинам. Все неожиданно затихли, когда увидели, что прославленный охотник Саадак вел капитану своего знаменитого скакуна Сарала. Его длинный хвост аккуратно подвязан, грива коротко подстрижена, кроме небольшого хохолка ближе к седлу, где в знак любви к Красной Армии привязана алая ленточка. Было видно, что Саадак сильно волнуется. Еще бы! Ведь он расстается со своим любимым конем.

— Я дарю своего лучшего скакуна Сарала красным богатырям,— сказал Саадак.— Пусть они на моем коне гонят фашистов с советской земли и рубят их своими острыми саблями. И еще я дарю Красной Армии двух своих коней. Лишь бы наш великий сосед победил коварного врага. Другого желания у меня нет, потому что от этого зависит счастье и моего народа. Примите моего коня!

— Хорош конь! Большое спасибо!— благодарил Саадака русский капитан Николай Саянцев, которого хондергейцы любовно звали Саян-оол, потому что он приехал из-за Саянского хребта.

Потом Саадак привел еще двух коней, и капитан по-братски обнял старого арата.

Прием лошадей продолжался. Вот в середину круга вышла Кундуспай. На ней был красный шелковый халат, подпоясанный кушаком из синей чесучи, а на ногах сверкали новенькие идьки. Голова была покрыта белым платком.

— По зову сумонной партийной ячейки,— сказала она,— мы собрались здесь, чтобы показать свою преданность народно-революционной партии, нашей аратской власти. От имени тувинских жепции я обращаюсь к вам, мои дорогие односумонцы. Знайте, наше счастье и счастье наших детей — в крепкой дружбе с русским народом. Мы должны опираться на плечо русского богатыря, первым совершившего пролетарскую революцию. Будем же, как один человек, оказывать всильную помощь народу, на чьей земле пылает пожар войны. Я дарю Красной Армии двух своих коней.

За этот подарок русский командир хотел поцеловать ей руку, но Кундуспай от волнения растерялась и убежала.

За десять лет народной власти каждый арат в сумоне Хондергей занял несколько лошадей. Только у немногих аратов было по одному коню.

Во второй половине дня появился со своим единственным конем Узун-Кулак. Он его вымыл в ключевой воде и вел, чтобы тоже подарить Красной Армии.

— Товарищ Узун-Кулак, может, вы подарите своего коня весной?— деликатно посоветовал ему Шыдыраа.

— Почему, тарга?

— Я хочу, чтобы у вас остался единственный конь. Вы его еще успеете подарить.

— Теперь я вижу, тарга, что вы не читаете газет, где напечатан призыв народно-революционной партии: «Арагы! Все силы на помощь Красной Армии!»

— Разве вы не знаете решения комиссии по сбору подарков, чтобы последнего коня не дарить? Это известно всем жителям сумона, а вот вы почему-то не знаете.

— Но я не могу, дорогой тарга, позорить честь арата. Ведь я всегда откликался на призыв нашей родной партии. Как же я могу остаться в стороне от общего дела? И если я дарил бы одну козлиную шкуру, вы не должны отказываться от моего подарка, потому что это мое участие во всенародном деле. А для себя я приобрету еще лучшего скакуна.

Нельзя было оскорблять искренних чувств арата. Через минуту конь Узун-Кулака, помахивая хвостом, стоял в табуне лошадей, предназначенных для фронта. Сам Узун-Кулак подпоясавшись уздечкой с поводом, закинул на плечо седло с потником и довольный, что его коня тоже взяли для фронта, пошел от белой палатки.

— Эгей! Пойдите!— громко позвал его Шыдыраа.

Узун-Кулак, задумавшись, не обращал внимания на окрик.

— Эй, дружище! Поди сюда! У меня есть к тебе одно поручение.

Узун-Кулак остановился.

— Подаренных коней нельзя долго держать в загоне,— говорил, приближаясь к нему, Шыдыраа.— Не сможешь ли временно поработать табунщиком?

— Боюсь, что один не справлюсь с такой тучей лошадей,— ответил Узун-Кулак.

— Мы дадим тебе в помощники Чанчыка и Чакпажыка. Они хорошие ребята.

— Ну что ж... Я согласен. Вы знаете, что я никогда не отказывался от поручений,— приложив руку к головному убору, ответил Узун-Кулак.

* * *

Уже несколько дней табунщики гнали лошадей на запад. Красными тучами поднималась пыль из-под копыт стремительных скакунов. Их бег, казалось, не только сокращал степные расстояния, но и приближал румяный восход.

Наконец, они достигли реки Улут-Хем.

Настал торжественный час передачи дара тувинского народа своим старшим братьям. Сотни людей собрались на берегу реки.

Великая река... Куда она извечно катит свои могучие волны? Может, она спешит поскорее донести их до океана? Но нет, у нее другая цель. Великая река спешит на север, чтобы быстрее донести туда светлую струю братской любви тувинцев к советскому народу. И эта любовь будет вечна, как вечна стремнина Великой реки, берущей свое начало в скалистых горах, где веками живет мужественный тувинский народ. Она как бы связывает узами братства два народа — русский и тувинский. Даже зимой, когда Великая река скована льдом, ее стремнина голубой жилкой спешит на север, чтобы не порвалась нить дружбы советского и тувинского народов, которых свет Октября сделал братьями...

Взгляните на Саянские горы. Они поднялись до облаков, упираясь вершинами в голубые небеса. Эти вершины как бы в почетном карауле застыли у стремнины Великой реки, которая, прорубив скалы, вышла на простор.

— Ты наш старейшина, Саадак, и должен от имени нашего народа выступить перед собравшимися, — обратился Самнаароол к старому арату. Он бы и сам мог сказать искренние слова приветия, но по обычаю это право принадлежит старшему по возрасту.

Кроме солдат, которые должны были принять коней, на берегу реки собрались жители близлежащих сел. Все они понимали причину этого сбора, но никто из них не догадывался, что при вручении любого подарка тувинец не должен выступать с пустыми руками. А у табунщиков не было ни молока, ни аралки, которые обычно сопутствуют всякому торжеству.

И на этот раз выручила находчивость Саадака. Он глазами искал в табуне своего Сарала. Кони не стояли на одном месте, и поэтому старый арат не скоро заметил любимого скакуна. Но вот он золотистым пятном показався в табуне. Саадак быстро подошел к нему. Конь узнал своего хозяина и ласково заржал, как привык он после дневной охоты встречать верного друга на лесной полянке у шалаша. Саадак увидел, что на гриве скакуна, как символ аратской любви к советскому народу, красным пламенем все еще горела привязанная ленточка. Сарала послушно положил на плечо старику свою умную голову. Саадак обнял любимого коня за шею и низко поклонился собравшимся. Людям казалось, что в волосах арата еще не растаяли снежинки, которые он принес сюда с Саянских гор, — голова Саадака была совсем седой.

— Большим другом и братом тувинского народа показал себя русский народ. — взволнованно сказал Саадак. — Вы помог-

ли нам сбросить феодальное иго. И теперь, когда на вашу страну напала фашистская Германия, разве можем мы оставить вас в беде. Наша совесть велит нам вместе с вами бороться против фашизма... Примите же, дорогие братья, дар тувинского народа Красной Армии — лучших скакунов. Пусть этот скромный нам подарок говорит о том, что великая Советская Россия и маленькая Тува едины в борьбе с коварным врагом — помещицким фашизмом! Я подарил Красной Армии моего лучшего скакуна Сарала.

Русский командир Николай Саянцев подошел к красавице-копю, поцеловал красную ленточку в гриве Сарала и начал нежно гладить его.

Мысли Саадака как бы продолжил майор Эрес-оол.

— Товарищ капитан! Советские братья! Товарищи бойцы!— сказал он.— Позвольте мне от имени правительства и народно-революционной партии Тувинской республики передать вам пламенный привет! Сегодня мы передаем первый табун лошадей, подаренных нашим народом Красной Армии. Это только начало нашей братской помощи вам. Народ Тувы вместе с вами будет бороться до окончательной победы над фашизмом. А если понадобится, я готов вести в бой тувинских добровольцев, защищая Страну Советов!

— Мы благодарны, что в эти грозные для нашей страны дни тувинский народ протянул нам руку братской помощи... Вот они перед нами, представители братского тувинского народа, пригnavшие через Саянский хребет первый табун лошадей для Красной Армии. Вы — смелые горные орлы, дорогие братья! И это не пустые слова. Люди, которые сумели без потерь пригnavть столько лошадей через горные вершины и дремучие леса, через бурные реки и глубокие ущелья, заслуживают уважения и преклонения перед ними. И поэтому я смею сказать, что вы совершили настоящий подвиг, который войдет в героическую летопись борьбы наших народов против германского фашизма... Победа будет за нами, товарищи! Смерть немецким захватчикам!

Иннокентий переводил речь капитана Саянцева. С суровыми лицами слушали табунщики и все собравшиеся эти идущие от чистого сердца слова...

— На паром!— раздалась долгожданная команда.

Капитан пригnavил Сампаар-оола и его товарищей, и они остановились у самой переправы.

Узун-Кулак смотрел на Великую реку и думал: «Какое величие! Я вижу чудо, которого не видел мой отец. Река... Паром... А управляет им обыкновенная женщина. И такая очаровательная, что не будь я женат, обязательно завлек бы ее...

Как же теперь понимать наш тувинский обычай, который не разрешает женщинам перепрыгивать через ручей и переплывать реку? А здесь эта хозяйка Великой реки перевозит через реку и людей, и лошадей, и машины с различными грузами. Уж теперь-то будет мне чем удивить моих слушателей в родном сумоне».

Стремнина Великой реки не задержала дар тувинского народа. Огромный паром, украшенный государственными флагами Советского Союза и Тувинской Народной Республики, девять раз пересек Великую реку и перевез лошадей на противоположный берег, где была железнодорожная станция.

Могучие волны Великой реки одна за другой с шумом катились между каменистых берегов, славя перушимую дружбу двух братских народов.

Алдын-оол ДАРЖАА

УДАЛЬ МОЛОДЕЦКАЯ

Главы из романа

Народу в конторе — откуда только собрались! Едва Дандар отпер дверь кабинета, следом за ним пошли и пошли люди. И хоть бы один разрешения спросил! Идут, как к себе домой.

Александр Ламаевич не спеша снял пальто, аккуратно повесил его, сел за стол.

В кабинете сразу стало шумно.

— Машину давай, председатель. Перекочевывать надо.

— Кто будет охотников обеспечивать?

— Солому с колхозного поля к себе можно возить?

— Разберись, тарга: я на пункте искусственного осеменения работал, мне трудодни неправильно начислили...

Александр Ламаевич поднял руку.

— Погодите! Погодите... Я не успеваю сразу всех слушать. И рот у меня один, чтобы отвечать. И голова у меня одна, чтобы думать. Вы народ умный. Правильно? Так будьте добры, выйдите все отсюда и заходите по одному. Кого здесь оставим? Погодите, не волнуйтесь. Ты оставайся, паренек, — он показал пальцем на одного из колхозников. — Какое у тебя дело? А другие пускай выйдут.

Парень в мерлушковой шубе, на котором остановился палец председателя, улыбнулся, облажив крупные неровные зубы. Сел на стул, будто в седло.

Дандар дождался, пока кабинет опустел.

— Говори.

— Я все еще на осеннем пастбище, тарга. Надо бы на зимовье перекочевать. Снег там выпал, так что овцам хорошо будет...

— Погоди, погоди, браток, — перебил Дандар. — Ты сначала расскажи, чей ты сын. Про себя расскажи.

По лицу чабана мелькнула тень недоумения.

— Байыр-оол я. Отец мой — хозяин скакунов.

— Кто он такой?

— Как кто? — пожал плечами чабал. — Просто арат. Старик.

— Конечно, он старик, если ты такой вымахал. Это и так ясно. Ты говори, говори. Про отца говори. Про себя.

Александр Ламаевич доставал из стола бумаги, разглядывал их, совал в ящик, вынимал другие бумаги... Снести ему было некуда.

— Рассказывай!

— Мой отец был табунщиком, — подумав, начал Байыр-оол. — Когда мне два года было, посадил он меня на коня. А я совсем маленький, повод держать не могу. Ладно конь оказался смиренный, не лягнул, когда я упал... Коней я полюбил. Сколько помню себя, никогда с арканом не расставался. Кони — как люди. У каждого свой нрав. Это мне отец говорил. Отец умел дождь предсказывать. Он говорил, человеку нельзя спорить с ветром, с холодом. Надо их хитростью, умением обойти...

Председатель то ли слушал, то ли не слушал.

Байыр-оол скрипнул стулом, кашлянул. Дандар продолжал копаться в бумагах.

— Четыре года уже прошло, как его Большой Тополь упал на землю, — продолжал чабал. — За день до того, как стало ему худо, велел подвести коня. В седло легко сел. Хотел поскакать, да только пригнуться успел и свалился с коня... Больше с постели не встал. Всю ночь бредил, всех скакунов, каких вырастил, по именам называл...

— А ты почему не стал табунщиком? — строго спросил Александр Ламаевич. Он уже оставил бумаги и сидел, подперев голову рукой.

— Ой, та! Не знаю. Я с женой отару овец принял. Люди на смех подняли. Говорили: «Утром — орел, вечером — воробей». Я молчу, а они еще больше смеются. Что делать? Ладно, подумал. Смейтесь не смейтесь, а жизнь покажет. Стал следить за отарой, пастбища получше выбирать... Удадь в любом деле обнаружится. Так мне отец говорил. Ну, и работал. Только среди овец и отдыхал. И не зря старался. Первый год, правда, особых успехов не добился, зато на следующую весну мои овцы отправили меня в Москву.

— Да? — Александр Ламаевич приподнялся. — На Выставку был? Ну и как, понравилась тебе Москва?

Чабал улыбнулся.

— Трудно сказать, тарга! — Он разговорился и, казалось, пришел к председателю только за тем, чтобы поболтать. — Сказ-

кой назовешь — так она перед глазами. Ходи и смотри. Лучше сказки! Помню, отец рассказывал: Давным-давно упала с неба большая-пребольшая чугунная чаша, и на дне у нее было написано, что увидят люди через много-много лет. Это, значит, мы увидим... Так было написано: железный ястреб в небе появится. Это — самолет. Железная змея по железу побежит — поезд, то есть. Железная телега побежит — понятно, что автомобиль. Много там было написано. И про вертолет — как над дымоходом юрты покажутся коньята железного коня. И про кивити... Еще было про женщин...

— Ээ-даа,— с сожалением прицокнул языком Александр Ламаевич.— Отсталый человек был твой отец, парень. В сказки верил!

— Нет-нет, тарга!— запротестовал Байыр-оол.— Он и в бога не верил. А сказки любил. И сам сочинял. Хотите, расскажу?

— Тоже, наверное, про небо?

Чабан не ответил. Оглянулся на дверь, за которой ждали приема у председателя колхозники, и, воскликнув, как заправский сказитель, «Шыя-да!», начал громким голосом:

— Искал-искал правду арат-бедняк. До того правду искал, что короткими стали у козла рога, упиравшиеся в небо, как плеть стал хвост у верблюда, стелившийся по земле.

Посмотрел арат на небо, спросил у царя птиц Орла:

— Где правда?

— На небе,— был ответ.

Не поверил арат-бедняк. Какая на небе правда, если бескрылый не может неба достичь?

Пошел он в лес, спросил у царя зверей Медведя:

— Где правда?

— В тайге,— был ответ.

Не поверил арат-бедняк. Какая в тайге правда, если сильные пожирают слабых?

Взглянул он в воду, спросил у царя рыб Щуки:

— Где правда?

— В воде,— был ответ.

Не поверил арат-бедняк. Какая в воде правда, какая там справедливость, если сама Щука своих мальков глотает?

Наконец, спросил он у царя Караты-хана:

— Где правда?

— У меня,— сказал Караты-хан и сделал арата-бедняка своим слугой.

«Не найти правды!»— подумал арат-бедняк и горько-горько заплакал. Слезы его стали ручьями, с другими ручьями слились в речку, речки с Улуг-Хемом соединились, потекли-побежали в долгий путь.

Горячие, полные горя слезы арата-бедняка увидел Ленин,

отправил надежных людей своих в верховья Улуг-Хема. Встретил этих людей арат-бедняк, спросил у них:

— Где правда?

— В свободе, друг!— был ответ.

Светом наполнились глаза арата-бедняка. Стал он бороться за свободу, за счастье. И пришла к нему настоящая, большая правда.

Поднялся он в небо —

Светло и просторно там было.

Пошел он в тайгу —

Прохладно и чисто там было.

Поплыл по воде —

Свежо и свободно там было...

— Хорошая сказка,— одобрил Александр Ламаевич.

— Вот видите! А она про то же, что и первая. Только ту сказку отец в молодости сочинил или слышал от кого, а эту в новое время нашел. Вот и все, тарга.

— Ладно, браток,— резко оборвал Дандар.— Интересный ты парень. Слушать тебя — заслушаешься. А там люди ждут. Какое у тебя дело-то?

И только Байыр-оол начал выкладывать, зачем он пришел к председателю, Александр Ламаевич перебил его:

— Понятно. Ты вот что, браток. Иди-ка к зоотехнику. Он за эти дела отвечает. Иди!

Чабан посмотрел: не шутит ли председатель? С тем и ушел.

А Дандар развеселился. Вот так с людьми поговоришь — не соскучишься. И время идет.

Всех, кто приходил к нему в это утро, он отправлял или к Андрею Чорбаа, зоотехнику, или еще к кому-нибудь. Сам ничего решать не стал.

Перед самым обедом явился к нему Шалган. Снял шапку, положил на край стола, устало опустил на стул.

— Работники фермы покоя не дают, тарга,— начал с ходу жаловаться.— Не разобраться мне с ними, Александр Ламаевич. Дай бревна! Дай бревна! Требуют!

— Ну и дай им бревна.

— Где я найду, тарга? Даже для капитального ремонта не хватает бревен.

— Тогда бери машину и привези лес, который старик Чорбаа заготовил.

Шалган хотел что-то ответить, но за дверью послышался громкий голос Сайлык, и он, тяжело вздохнув, признался:

— Весь лес мы привезли, тарга. Ничего не осталось.

Александр Ламаевич наморщил лоб.

— Ну что ж. Тогда не давай ничего ферме.

— Ушам моим покоя не дают!

— Что уши, любезный! — рассмеялся Дандар. — Заткни уши ватой. Незаметно. Пожалуйста! Так твои уши выдержат?

— Ча, тарга! — обрадовался Шалган. — Спасибо вам за совет. Я человек маленький, дальше указаний идти не могу...

Он вышмыгнул из кабинета.

На секунду Дандару стало противно от угодливой фигуры Шалгана, вкрадчивого, льстивого и лживого голоса его. Но только на секунду, потому что он тут же подумал, не раздастся ли еще раз голос Сайлык.

«Зачем она пришла? Что хочет? Как выглядит?..»

Будто услышав его, широко, шумно распахнув дверь, в кабинет проворно вошла Сайлык, чуть подпрыгивая, как всегда, заполнив своей ослепительной улыбкой всю комнату и утопив в ней Дандара. И тут же от улыбки не осталось и следа.

— Почему не даете лес для фермы?! — палетела она.

Собрав всю свою волю, стараясь быть как можно спокойнее, Александр Ламаевич ответил вопросом на вопрос:

— Разве не заведующий фермой, не зоотехник решают это дело?

Как же, смутишь Сайлык!

— А кто дает молоко? Заведующий? Зоотехник? Нет, нет, и нет, товарищ тарга! Только доярки выжимают молоко из коровьего вымени. Вот почему подруги послали меня к вам. Они знают, я человек смелый и не отступлюсь, пока не будут удовлетворены справедливые требования коллектива!

— Ладно! — поднял обе руки над головой Александр Ламаевич. — Раз такое дело... А где этот Шалган?

Он выбежал из кабинета и послал счетовода за Шалганом. Вернувшись, сел за стол, положил руки на настольное стекло.

— Как живете?

Улыбка готова была хлынуть с губ Сайлык, но глаза ее намурчились, а с губ слетели суровые слова:

— Не ответив на служебный вопрос, вы перекинулись на личные дела. Что вы за начальник! Сначала решите дело, за которым я пришла. Оно важнее...

Появился Шалган. Деловито спросил:

— Что случилось, тарга?

— Отпусти лес для фермы.

— А как же ремонт?

— Ничего, ничего. Ты человек находчивый, смекалистый. Вот и решай. Кому же решать, как не тебе? Мы тебе доверяем. За ремонт отвечаешь ты, а бревна отдай на ферму. Все!

Ошарашенный Шалган не нашелся что сказать.

Как только он закрыл за собою дверь, Сайлык подошла к председателскому столу, наклонилась к самому уху Александра Ламаевича и шепнула, оглушив каждым своим словом:

— А с Ириной Сатовной мы подружились. Прощай, товарищ Саша! Насовсем прощай!

Шенцула и выпорхнула из кабинета.

* * *

Будто подменили Александра Ламаевича. Не горячился он теперь, как прежде, не торопился с необдуманными решениями. Напротив, стал тянуть с каждым делом, даже самым пустяковым. То он успокаивал себя, довольно похлопывая по щекам: «Умеют мои колхозники работать! И зять у меня — деловой человек!» То строго упрекал себя: «Нечего позволять людям идти туда, куда у них голова повернулась. Надо их поправлять. Пусть чувствуют мои ежовы рукавицы!» То сомневался — «Как же быть? Не начать ли заранее готовить место для Андрея?». То раздражался: «Нет! Молокосос он еще. Воспитывать его надо, учить!»

Как-то выглянул он из окна кабинета. У самого конца соседнего забора разговаривали двое — она в шали, он в кепке. Она смеялась и, вытянув руку, в которой что-то блестело, показывала в сторону, откуда восходит солнце. Пришлось выйти из конторы, чтобы узнать, кто же это. Оказалось, дочь Люба и Михаил Петрович Печенкин, парторг. У Любы на плече, как винтовка, лопата...

— Куда ты, дочка?

— Иду утеплять школу, отец. Вот, у Сайлык лопату взяла.

— А наша где? — Александр Ламаевич едва сдержал вскипевшее раздражение: «Надо же, и тут Сайлык!»

Люба покраснела и ответила совсем тихо, чтобы Михаил Петрович не услышал:

— Ты же знаешь — наша вся ржавая и рукоятка вот-вот сломается, спица вся...

— Ступай, — разрешил Александр Ламаевич и обратился к парторгу: — Как жизнь, Михаил Петрович? О чем думаете?

— Много есть такого, о чем следовало бы подумать, — уклонился от прямого ответа Печенкин.

— Конечно, — согласился председатель. — Мы с вами вдвоем заметно улучшили работу колхоза. Теперь у нас все гладко. Видно, что мы поднимаемся на большой перевал, с которого откроются еще более широкие горизонты.

— Какой же это перевал? — не понял парторг.

— Будто не ясно? Перевал нашей славы!

— А точнее?

— Ну... План сдачи зерна государству мы выполнили? Выполнили...

— А семена на будущий год запасли? — в тон ему спросил Печенкин. — Не запасли. А подготовка к зимовке скота? А животноводческие помещения?

— Ну-уу! Эти работы ведутся, браток! Нечего зря суетиться. Не видя горы, не подтыкай подол за пояс. Не видя воды, не снимай идики.

— А я другую пословицу знаю: готовь сапи летом, а телегу зимой!

— Понял вашу мысль,— Александр Ламаевич оперся о балясину конторского крыльца.— Хотите попилить меня? Ничего! Я вам тоже одну вещь скажу. Ладно? Как не сказать по-товарищески...

— О чем вы, Александр Ламаевич?

— Не о «чем», а о «ком»,— загадочно усмехнулся Дандар.

— Да? Так о ком же?

— Не терпится узнать?— тянул Александр Ламаевич.— Сердце, наверное, чувствует, браток? Так вот, речь идет о парторге, который не работает с людьми, не вникает в души людей, а вмешивается в дела председателя колхоза. Я тебе прямо скажу, как коммунист коммунисту: пришла пора взяться за партийную работу.

— Спасибо, Александр Ламаевич,— Печенкин даже поклонился.— Это вы правильно сказали. Но я вам тоже должен сказать, как коммунист коммунисту. Недавно на собрании вас здорово покритиковали. Помните? Хорошо бы и вам подумать, как претворить в жизнь советы товарищей, как сменить стиль своей работы.

— А чего тут думать?— удивился Дандар.— Разве вы не видите, как я переменялся. Не горячусь больше, требовательным стал. А главное — обязательства перед государством выполняются. Раз так, значит, положение в колхозе безупречное. У нас даже появились чабаны, которые думают о новых, прогрессивных способах ведения овцеводства. Я пока посоветовал им не спешить. Мы вместе с ними обдумаем эти новаторские начинания. Было бы очень важно, Михаил Петрович, глубоко, по-партийному вникнуть в это дело.

— Ох, Александр Ламаевич, Александр Ламаевич... Ну что мне вам сказать? Правда, что вы грубые слова перестали говорить. Это все замечают. Однако и другое люди видят — как вы дела решаете. По-прежнему бездушно, бюрократично. И не только видят это люди — говорят, предупреждают.

— Не может быть!— огорчился Александр Ламаевич.— Если так, пусть на меня небо упадет!

— Да если вы ничего замечать не будете, действительно небо упадет!— воскликнул Печенкин.— Я прежде стеснялся подсказывать вам, а теперь прямо говорю, потому что не хочу ошибаться второй раз.

Дандар растерялся. Глаза у него забегали. Он не знал, что сказать. А Печенкин продолжал:

— Вот это и есть моя попытка проникнуть в глубину вашей души, Александр Ламаевич, моя партийная работа... Может, я что-нибудь не так сказал, но вы человек опытный, все по-правильному обдумаете...

Александр Ламаевич предпочел разговор дальше не продолжать. Он направился домой, с аппетитом съел приготовленный Ириной Сатовной ужин, вывернул на полную громкость регулятор репродуктора и лег отдохнуть. Он всегда поступал так, когда о чем-нибудь глубоко задумывался: радио гремит, а он думает и думает. Если кто-нибудь спросит его в это время, он только и скажет: «А?»

Будто подменили Александра Ламаевича. Не горячился он теперь, как прежде, не торопился с необдуманными решениями...

* * *

Не спорит ни с кем Александр Ламаевич, никого не ругает. Правит колхозом потихоньку-полегоньку. Как захочет, так и решит. А чаще — ничего не решит. Отшутится или о чем-нибудь другом заговорит, направит к помощникам-заместителям, совет даст — не по делу совет, а так, вообще, из жизни... Но одного не забывает — непременно подчеркнет: «мой колхоз», «моя работа». С таким наслаждением произносит, так многозначительно!

А на душе все же беспокойно. Дважды приходила в контору Сайлык. Бревна для фермы отвоевала, потом халаты для доярок. Разве ей откажешь!..

Вот и опять пришла. Кажется, ничего требовать не собирается. Смеется:

— Далеко я от вас уезжаю, Александр Ламаевич, очень далеко.

— Куда? — притворился Дандар, будто не понял, а сам знает: замуж выходит Сайлык, за Печенкина замуж выходит, за парторга.

— Вообще-то недалеко... Может, вам карточку на память подарить? Грустно станет — посмотрите.

Александр Ламаевич обрадовался:

— Да? Давай!

Сайлык хохочет.

— Нет, Александр Ламаевич. Кончилось все. Проснитесь! Это я чуть глупостей не наделала. Как бы в глаза Ирине Сатовне смотрела... Вот что я вам сказать хотела: часто вы около моей избушки бродите. Не надо. Я ведь и правда далеко от вас уезжаю: Михаилу Петровичу слово дала...

Действительно, проснуться надо: сама сказала. Конечно, все село уже знает. Но всяко бывает. А уж когда сама...

— Поздравляю.

Сайлык удивилась.

— Вы рады?

— А почему бы и нет?

Смутилась Сайлык. Брови сдвинула, на лбу морщинки собрались. Присела на край стула, тут же поднялась, подошла к Александру Ламаевичу, протянула руку:

— Простите меня, акый! У вас добрая душа. А я все с глупостями...

Ах, Сайлык, Сайлык! Веселая болтушка, беззаботная, как птица. Вышла от Дандара тихая, серьезная. Александр Ламаевич не осмелился на прощанье даже в лицо ей взглянуть. Вздохнул глубоко: «Какую женщину упустил!.. А вдруг снова встретимся?» Он тут же устыдился, что подумал так, и больно хватил кулаком по столу.

В дверь постучали.

— Войдите!

Александр Ламаевич и сам не ожидал, что так громко крикнет. Вошел длинный плотный парень. Остановился у двери, щелкнул по-военному валенками.

— Проходите, проходите, браток. Садитесь.

Парень не пошевелился.

— Садись!— опять получилось громко.— Или мне тоже встать?

— Нет, нет, тарга!— парень сделал три четких шага и сел на стул.

Александр Ламаевич положил ладони на стол, побарабанил пальцами, пристально посмотрел парню в глаза.

— Ну-с, браток?..

— Меня зовут Аракчаа.

— Да-да,— поднял указательный палец Дандар.— Помню. Что у тебя ко мне?

— Я заходил два дня назад. Вы сказали, чтобы я пришел вчера...

— И что же?

— Вчера сказали, чтобы сегодня...

— Да-да-да! Мы обдумываем,— как ни напрягал память Александр Ламаевич, он не мог вспомнить, зачем приходил этот парень.— Может, завтра решим, брат?

Аракчаа рывком поднялся.

— Проще вопроса нет, тарга! Сколько будете тянуть? Скажите прямо — или «да», или «нет»!

Это он Александру Ламаевичу так! Дандар даже растерялся и спросил:

— А если я скажу «нет»?

Парень подался к двери, но вернулся:

— Не может быть! Я районному начальству буду жаловаться.

И пошел.

— погоди, погоди!— Александр Ламаевич догнал его.— Иди обратно, браток. Я тебя с кем-то спутал. Садись.

Аракчаа неохотно сел.

— Понимаешь, браток, мы справку для района составляли об успехах хозяйства,— Дандар стал загибать пальцы.— Статья в газете вышла о недостатках в подготовке к зимовке скота. Ответ надо было составить. Много других дел...— Он разжал ладонь и показал растопыренную пятерню.— Голова кругом идет. Ты напхни свое дело. Если не трудно, конечно. Сразу и решим.

Аракчаа принялся рассказывать, как служил в армии, как стосковался по колхозной работе. Александр Ламаевич слушал его и сердился на себя: «Ах, как ослабли твои нервы, товарищ Дандар! Болен ты или здоров? Мальчишка районом погрозил, а ты, как усталая собака, язык высунул! Где ты, Дандар? Ты же в своем колхозе, в своей конторе, за своим столом! Не годится так, не годится!..» От печального испуга не осталось и следа.

— Хорошо, браток! Хорошо. Аракчаа, говоришь, зовут тебя? Приходят парни из армии, хотят трудиться на благо родной земли... Вполне понятное желание.

Александр Ламаевич сделал паузу. Он так произнес последнее слово «желание», что бывший солдат насторожился. И не напрасно!

— Отрадное желание,— еще раз подчеркнул председатель это же слово.— Но сначала, дорогой, надо вступить в колхоз. Понимаешь? Вступ-ить. Ты напиши заявление, мы поставим вопрос на общем собрании. Станешь колхозником, браток, и трудись на здоровье!

Аракчаа недоумевающе посмотрел на него, но Александр Ламаевич не дал открыть рта:

— Ничего, ничего, браток. Придется подождать. У меня квартира небольшая, а то бы... С жильем у нас пока туго. Даже парторгу не можем избу выделить. Парторгу!

— Не беспокойтесь, тарга. Я у сестры пока живу.

— Ну что ж, отлично!

— Заявление сегодня же подам.

— Правильно. Так и надо.

— А когда будет собрание?

— Какое собрание?

— Так вы же сказали, на собрании меня примут.

— Хо-о!— Александр Ламаевич присвистнул.— Неужели, браток, из-за твоего заявления сразу весь колхоз соберется? Или у тебя такой красивый почерк, что даже интереснее, чем кино? У нас в кино и то с трудом народ соберешь. А ты говоришь...

Ошеломленный Аракчаа выскочил из кабинета Дандара.

Александр Ламаевич проводил его торжествующим взглядом.

«Вот так,— подумал он.— Едва из армии явился, а сразу угрожает!..»

В обеденный перерыв заходил к Дандарам старик Чорбаа. Ирина Сатовна угощала его — не притронулся ни к чему. Но сидел, помолчал, недобро так поглядел на Александра Ламаевича и ушел.

Он бы, может быть, и сказал, зачем приходил, да Александр Ламаевич ни с того ни с сего возьми и предложи ему:

— Что, сват! Может, вы на белок хотите поохотиться, берите в колхозе себе самого хорошего коня. Все работы в основном закончены, можно и охотой побаловаться.

Весело так сказал. А Чорбаа нахмурился.

— Не до того,— говорит.— Не белка на кедре в душе, а дума в голове. Сложная жизнь-то...

И ушел.

Только тогда сообразил Александр Ламаевич, что старик не в духе, и сразу же догадался — отчего. Аракчаа-то ему родней приходится. Ну до чего же плохая память стала!

Парень этот, бывший солдат, раза два на глаза попадался, но Дандар ничего ему не сказал.

«Александр Ламаевич!— предупредил он самого себя.— Привыкай от сказанного не отступать».

Очень дорожил своим авторитетом Александр Ламаевич.

А трудно, ох как трудно руководителю беречь свой авторитет!

...На другой день это было. Старик Чорбаа с оханкой караганника домой возвращался — набрал добрую вязаночку на дрова. Во дворе караганник сложил, в избу пошел.

У раскрытого загона Аракчаа с каким-то мальчишкой разговаривает. Чорбаа взгляделся — Вася это, сын Шалгана, двоюродный брат Чаңзапмаа. Шустрый мальчишка. Почтовая сумка на нем.

— Хорош почтальон,— проворчал Чорбаа.— Ребенку такое дело доверили.

Прислушался, о чем это они там болтают.

Аракчаа рассказывал мальчишке о своей службе в армии, хвастался спортивными успехами.

— погоди, погоди, акый, я не очень хорошо понял.

Это Вася сказал.

Аракчаа еще раз объяснил. Ну что этот сопливый мальчишка понимает в спортивном коне? Разве у них в школьном физкультурном зале конь? Так, жеребенок паршивый! Настоящий спортивный конь такой большой, только со скалой сравнишь! Однажды Аракчаа свалился с него — на облако упал. О-о, ка-

кое мягкое, пушистое было облако!.. Что? Вася даже в школе коня не видел? Как же так? Есть там. Когда еще Аракчаа в школе, до армии, учился, был. Какой он — конь? Ну как объяснить... Спортивный конь по внешнему виду папоминает человека на четвереньках. Через него прыгают. Разбегутся, руками по спине хлопнут и — летя-яат!

У Васи глаза заблестели:

— Акый, встаайте на четвереньки! Я погляжу.

— Ну до чего глупый! Только что сказал ему: на спортивного коня не глядят, через него прыгают.

— Ну, я и перепрыгну через вас!

— Ча!— великодушно соглашается Аракчаа. Чего плохого, если мальчишка получит удовольствие?— В армии, когда спортивного коня нет, тоже друг через друга прыгают. Че-хар-да называется...

— Че-хар-да?— повторил Вася.

Через Аракчаа однажды так целый взвод перепрыгивал. А взвод — это очень много. Как это понятнее объяснить? Допустим, остановился как-то их взвод на привал у реки. Сели есть. Так вот, на одном конце взвода уже не слышно, как на другой стороне ложка звякает. А металл-то звонкий...

— Акы-ый,— Вася сторал от нетерпения.— Я прыгну?

— Давай!— Аракчаа нагнулся.— Раз, два... три!

— Еще!— восторженно заорал мальчишка.

Прыгнул и снова просится:

— Последний разочек! Ладно? Только вы крепче стойте!

Разбежался, прошмыгнул между ног Аракчаа, повалил его в снег и хохочет:

— Я ведь предупреждал, акый, чтобы вы крепко стояли! Да?

Аракчаа отряхнулся и, не глядя на мальчишку, стал подбираться к нему. Где там! Он уже на коровник забрался. Аракчаа за ним.

Старик головой помотал, направился в избу. Только порог переступил, жена кричит:

— Ой, Чорбаа, уйми их!

Подумал, с телятами что случилось, а это Аракчаа Васю на столб загнал. Мальчишка за самую верхушку ногой зацепился, едва держится. А этот здоровенный парень тянется к нему, вот-вот схватит, вниз стащит. И пугает нарочно, чтобы тот устал, сам слез.

— А-а!— старик и шагу не сделал.— Ну, озорной сын у Шалгана! Достанется если, так за дело. Так бы и председателя поучить...

Надо же было Дандару как раз в этот момент из дому выйти. И услышал как раз то, что лично его касалось:

— ...председателя поучить!

Кому приятно? Александр Ламаевич, конечно, несколько не смутился.

— Экии, сват!— громко так крикнул.

«Старик не знал, что я здесь,— подумал.— Пусть ему стыдно будет перед людьми, что так отзывается о председателе».

А Чорбаа хоть бы что. Подошел, руку пожал.

— Экии, тарга! Посмотри, чем здоровый парень занимается! Видишь? А ведь в колхозе работать хотел. Он и до армии в колхозе работал, тарга... Завтра в райцентр собирается, тарга...

Заметил, конечно, Дандар, как его старик на все лады таргой величает — Шалгана передразнивает. Ехидно так. Проглотил и это.

— Незачем ему в райцентр ехать, сват. Пусть завтра же на работу выходит. Нам молодежь нужна на очистке зерна. Туда и определим. А может, бригадиром поставить?

— Вот хорошо-то! Обрадуется парень. И мне радость: обещал свою бензинную спичку подарить, если в колхоз примут. Теусерь подарит. Но ему в райцентр по горло надо. Так сказал.

— Договоримся, чтобы не ездил.

— Документы какие-то оформить надо...

— Что документы?— самодовольно произнес Александр Ламаевич. К нему уже вернулось спокойствие, уверенность.— Документы — это бумаги. Я могу дать ему бумагу с печатью. С местными условиями тоже надо считаться. Очистка зерна ждать не может. А мы должны быть первыми в районе!

— Тогда уж сами договаривайтесь,— ухмыльнулся старик.

— Ча!— свернул Дандар не совсем приятный разговор.— Пусть потом зайдет ко мне.

— Куда вы, сват?— Долаана, вытирая руки передником, появилась на крыльце.— Подождите. Мы корову закололи. Сейчас кровь сварится.

В планы Александра Ламаевича не входило еще и с солдатом сейчас повстречаться.

— Никак не могу!— заспешил он.

Но уйти незамеченным ему не удалось.

— Аракчаа!— крикнул старик.— Оставь маленького таргу. Хватит. Иди лучше с нашим сватом поговори, с большим таргой. В дом пригласи. Обычай знаешь: раз гость в аал зашел, край чашки должен прикусить.

Александр Ламаевич повернулся и быстро зашагал. Вслед ему раздался свист — это Аракчаа стащил-таки со столба мальчишку-почтальона, наподдал ему сумкой и проводил залившим свистом.

Родню не выбирают...

Все свое раздражение, негодование, возмущение вышлеснул Александр Ламаевич на свата — старого Чорбаа, пока, пабавляя от злости скорость, бежал до колхозной конторы.

Ох и досталось старику!

Понемногу Дандар притормозил и свои шаги, и свои бурно вышлеснувшиеся чувства, стал рассуждать здраво:

«Много в голове у этого Чорбаа пережитков прошлого! Он их так же хранит, как скот оберегает. Так же разложил по складкам мозга, как дрова в поленицу... Гарь с котла ножом выскребешь — характер не выскребешь! А характер у старика... Однако Чорбаа переполняет все чашки. Куда только смотрит этот мальчишка Печенкин?..»

Течение его мыслей нарушил какой-то старый колхозник.

— Экии, тарга!— издали поклонился он.— Хотел спросить у вас, сынок...

— Меня ждут, старик!— сдвинул брови Дандар.

— У вас в конторе людей, как овец.

— Вот, вот. Правильно,— очередь.

— Уваа!— не понял старик.— Не знаю такое.

— Кто раньше придет, того принимаю. Остальные ждут.

— Глаза мои плохо видят...

Александр Ламаевич понял: не отстанет.

— Что у вас?

— Многих я спрашивал — молодых, старых, с образованием.

Никто толком ничего не сказал...

— Ладно, пойдем.

Подумал: «Что у него за вопрос? И каждому задает...»

Привел в кабинет.

— Ну, спрашивай!

— Мой сын учился за Саянами шесть лет.

— Так. Что, работу ищет? Специальность?

— Не знаю я. Говорят, по-русски здорово толкует.

— Ну так что?

— Учился-то он еще дальше Москвы — в Ленинграде. Стало быть, чем дальше, тем образованней.

— Не понимаю я тебя, старик.

— Вот я и говорю. Собрался теперь в Москву. Неужели так быстро позабыл, чему учился шесть лет? Растолкуй мне, сынок.

— Это ты и хотел узнать?

— Да.

«Его сын окончил институт и поступает в аспирантуру,— догадался Александр Ламаевич и гордость переполнила его: мой колхоз рождает таких молодцов! Не забыть рассказать об этом в годовом отчете... А что старику объяснить? Он же таких слов не знает — «институт», «аспирантура».

— Понял я твой вопрос, старик. Конечно, тебе в этом разобраться будет трудно. Иди-ка ты в школу. Там учителя — мастера по части толкования слов. У меня на это и времени нет. Видишь, какое большое хозяйство в нашем колхозе. Много надо обдумывать. Вот так. Иди-ка, старый.

Старик вздохнул и пошел из кабинета. Александру Ламаевичу даже жаль его стало, но он успокоил себя. Если председатель начнет каждому растолковывать такие элементарные вещи, что станет с его авторитетом? Станут ходить к нему, спрашивать, что такое, допустим, «репутбельность», «требовательность», «ответственность»... Что тогда будет? Не-ет!

Дандар схватил телефонную трубку:

— Алло! Соедини-ка с райкомом, сестричка!

Ответил секретарь Бегзи. Хорошо, что именно он ответил! Александру Ламаевичу очень хотелось узнать, зачем вызвали в райком Печенкина. У Бегзи выведать будет легче.

Схитрил Дандар — распространился про снег, про погоду. О хозяйстве — ни слова. Почувствовал: в хорошем настроении секретарь. Решил — обрадую.

— Думаем про новое начинание, тарга. Такое дело впервые в районе будет. Мои чабаны размечтались...

— Впервые, говоришь!

Чтобы Бегзи да упустил какой-нибудь почин!

Александр Ламаевич даже привстал с кресла и четко отпартовал:

— Думаю создать чабанскую бригаду!

Вот ты, читатель, может быть, и не заметил, как это ловко получилось у Александра Ламаевича. Сначала он сказал: «Думаем про новое начинание», а потом — «Думаю создать чабанскую бригаду». Успокойся. Сам Александр Ламаевич этого не заметил. Разве замечает человек, как он дышит, ходит? А для авторитета председателя очень важно, чтобы любая инициатива исходила непосредственно от него. Какой же это будет руководитель, если другие за него будут думать, решать?

Бегзи, конечно, одобрил идею и попросил поконкретнее рассказать, как идет подготовка к такому важному мероприятию. Любил Бегзи шум, ох как любил!

И тут у Александра Ламаевича фантазия забила ключом.

— Все готово. Теперь остается только объявить, предать гласности, так сказать. Чабаны вопрос ребром ставят.

Я еще задержу твое внимание, читатель. Только что Александр Ламаевич обронил такую фразу: «Чабаны вопрос ребром ставят». Это очень важная фраза. Она тоже имеет огромное значение для укрепления авторитета руководителя. Председатель проявил личную инициативу, и она немедленно получила поддержку. Что это значит? А это значит, что поддержку полу-

чает инициатива снизу. Где находятся чабаны? Сверху или снизу по отношению к председателю? Наивный вопрос! Александр Ламаевич как опытный руководитель поддержал своих чабанов, их начинание снизу, и лично возглавил его!

— Хорошо, товарищ Дандар!— воскликнул Бегзи.— Очень хорошо! А я все налегал в этом отношении на вашего парторга. Мы давно приглядывались, в каком хозяйстве можно будет создать показательную чабанскую бригаду... Значит, Печенкин еще не знает об этом?

— Я только что вернулся от чабанов. Звоню, как говорится, по горячим следам.

— Очень хорошо, товарищ Дандар! Желаю вам успеха. А Печенкину я подскажу. Что же это он не замечает новое! Раньше, когда мы с ним вместе работали, он не такой был. Подскажу, подскажу...

Александр Ламаевич вытер пот. Что это он наговорил? Какие чабаны? Какая бригада? Какой вопрос? Почему ребром?.. Выходит, соврал...— Не-ет, если Бегзи сразу ухватился, значит, Дандар в точку попал. Значит, дело нужное. Значит, сделаем! Вообще-то об этом, помнится, кто-то из чабанов говорил. Шактар, кажется. Верно, Шактар. Александр Ламаевич мысленно похвалил себя. Его чабаны вынашивали идею. Это неплохо. А он, руководитель, сразу нащупал эту незрелую идею и развил ее...

От приятных раздумий отвлек стук в дверь.

— Входите!

Показался высокий мужчина в стеганом халате. Подол заткнул за пояс. Чабан или табунщик?

А не все ли равно? В рот лежащего верблюда ветром пригнало перекаати-поле!

Где же Дандар видел его?

— Как, тарга, в тот раз прнехали?— спросил вошедший.— После ночлега у нас...

Сердце у Александра Ламаевича запрыгало от радости: чабан.

— О-оо!— воскликнул он.— Экии, экии! Как тебя звать-то? Орге, что ли?

— Нет, тарга. Мою жену зовут Куске¹. А я — Шактар.

Бывают же такие счастливые минуты!

— Садись, дорогой! Как живете?

— Ничего живем, тарга...

— Ну и замечательно,— перебил его Дандар.— Послушайка меня, браток. Я решил всех чабанов, которые близко от твоей стоянки, объединить в бригаду. Уже вышестоящему началь-

¹ По-тувински: *Орге* — суслик, *Куске* — мышь.

ству доложил! Вот какие дела разворачиваются. Райцентр приветствует нашу инициативу. Мы первыми в районе подняли ценное начинание.

Александр Ламаевич покровительственно взглянул на чабана и улыбнулся.

— Ты сегодня же возвращайся к себе. Все другие дела оставь. Если нужна мука, другие продукты — возьми у кладовщика. Скажешь — я велел отпустить. Сразу собери всех чабанов, сообщи им новость. Я решил назначить тебя бригадиром. Готовься хорошенько. Может, дня через два-три прибудет начальство. Ты человек смекалистый, знаешь, как уважить гостей. Отделишь там овцу иловую, еще чего-нибудь такого... градусного добудешь. Что тебе от колхоза надо? Ты не стесняйся.

Шактар молчал.

— О чем задумался?

Александр Ламаевич горделиво повел шеей.

Шактар молчал.

— Ты что, от радости язык проглотил?

— Я приехал по другому делу, тарга, — выдавил чабан.

— Зачем другое дело?! Какие могут быть другие дела?! Сначала справим самое важное дело. Очень важное!

— Привыкли мы «другие дела» откладывать. На нашу голову снег выпал, а мы еще к зиме не готовились. Корма на зимовки не вывезены. Я сам тракторист. Дайте нам два трактора, пока их на ремонт не поставили. Мы быстро справимся.

— Это и есть твое дело? Ерунда! Создадим бригаду, все само собой пойдет. Сначала самое трудное надо сделать, а легкое всегда успеется. Поскольку ты бригадир, так слушай своего председателя. Иди, выполняй поручение.

Настроение у Дандара начинало портиться.

— Неправильно думаете, тарга, если полагаете, что крикнешь «а» — и все будет сделано, — сказал Шактар. — Даже эху среди скал повториться время пужно.

Что за упрямец!

— Пойми: главное — организационно решить, а остальное постепенно, в рабочем порядке сделаем, — еще раз попытался Дандар втолковать непонятливому чабану.

Ничего он не понял!

— По крайней мере на неделю надо съездить в те районы, где такие бригады созданы, посмотреть, поучиться. Послать туда зоотехника, несколько чабанов. Вот тогда будет настоящая работа.

— Ладно! — Дандар гневно стукнул кулаком по столу. — Вы, товарищ Шактар, рассуждаете не по-государственному! Такой человек, как вы, не может быть бригадиром. Даже простым чабаном не может быть! Мы найдем другого.

Шактар поднялся.

— А я и не навязываюсь.

— Да, пойдем другого! — впервые за несколько недель железный голос Даидара набрал полную силу и загремел на всю контору. — И вы не сможете, товарищ Шактар, помешать новому. Руки коротки! А бригаду мы все равно создадим, так и знайте. На голом месте создадим. И вас в нее вряд ли примем. Запомните!

Чабан не снеча направился к двери. На ходу бросил:

— Желаю успеха.

«Что за люди! Александр Ламаевич всплеснул руками, а на настольном стекле остались два паука — следы вспотевших ладоней. — Что за порядки? Это все оттого, что воспитательная работа поставлена из рук вон плохо. Вот и построй с такими людьми коммунизм!»

* * *

Секретарь обкома, широколицый, в больших роговых очках, то и дело останавливал «Волгу», выходил на дорогу и осматривался вокруг, словно что-то вспоминал при этом. Казалось, будто он вернулся в давно забытые места и сейчас как бы узнает их наизусть. На нем были до блеска начищенные черные остроносые полуботинки и хорошо отутюженные брюки. Человек, как говорится, в возрасте, но выглядел бодро и молодо.

Сопровождавшие его Бегзи и Печенкин тоже выходили всякий раз из машины и топтались на снегу, не решаясь неуместным вопросом отвлечь сосредоточившегося на собственных мыслях секретаря. Нырнув обратно в «Волгу», они долго крутились на заднем сиденье, отыскивая местечко, куда бы поставить ноги: в машине было тепло, и под валенками от растаявшего снега образовались лужицы.

— Вот это да! — рассмеялся секретарь. — Смотрите: опять четыре трактора. И вон там — еще! На все случаи жизни стальные кони. «Волги» и «Москвичи», как рысаки или иноходцы. А тракторы, грузовики, тягачи, самосвалы — это уже кони-сидачи... Так скоро у нас в Туве живую лошадь только на картинке увидишь!..

Печенкин вспомнил старого Чорбаа. Одного возраста с секретарем, а думает не так. Секретарь технике радуется, а Чорбаа все еще только в добром коне удаля видит.

— Помню, я еще мальчишкой был, — Печенкин назвал секретаря по имени-отчеству. — В этих местах для ребят самое большое удовольствие было на годовалом бычке верхом прокатиться. А теперешние — не такие! Им велосипед подавай, мотоцикл!

— Уваа! — шутливо изумился секретарь. — Сколько же вам лет, почтеннейший?

Печенкин было смутился, но рассмеялся вслед за секретарем и Бегзи.

— Вы правы,— подбодрил его секретарь.— Но говорите таким тоном, такими словами, что мне показалось, будто вам по крайней мере сто лет! А человек вы наблюдательный. Это я не только сейчас заметил.

— Люблю беседовать со стариками. Оттого, верно, и слог у меня такой...

Бегзи потянул Печенкина за рукав: ему показалось, что такой ответ нехорош.

Секретарь обернулся, внимательно поглядел на Печенкина и так же, как минуту назад, весело расхохотался:

— Я пошутил, а он аргументы приводит!.. Или действительно это так? Тогда извините.

Бегзи поспешно подтвердил, что Печенкин часто встречается со стариками.

— Если бы я говорил не то, что думаю,— серьезно произнес Печенкин,— то стал бы утверждать, как товарищ Бегзи или Дандар, что, например, чабаны отлично работают, что бригада уже создана, и так далее...

Секретарь покосился на Бегзи. Тот сделал вид, будто увидел что-то на дороге.

До ближнего аала останавливались еще два раза. Секретарь обкома доверял людям, считался с их мнением, поддерживал работников, когда это требовалось, но привык иметь обо всем свое мнение, а стало быть, и свои впечатления, привык видеть все собственными глазами. А еще любил он и умел наслаждаться красотой и ароматом цветов, любил беспредельность стеней и сумрачную величавость гор. Когда хотел в чем-нибудь разобраться, не уставал слушать людей. Забывал про возраст, увлекался, и умел заражать своей увлеченностью окружающих.

Вот и стоянка.

— Здравствуйте, сестра и брат!— поздоровался секретарь по обычаю гор с чабанами.— Хорошо ли овцы пасутся? Не болеет ли скот? Где сейчас ваши отары?

Шактар узнал секретаря обкома — в юрте отца его портрет висел на почетном месте. Сам видел его в Кызыле. Пожав гостю руку, он вдруг так разволновался, что не смог путно ответить на традиционное приветствие, засуетился, поторапливая глазами жену, стал щепать лучину, хотя и той, что лежала у очага, хватило бы, чтоб не один раз разжечь огонь.

— Не беспокойтесь,— пришел на помощь секретарь.— Мы только недавно поели. Если найдется холодный чай, мы бы по полчашечки выпили...

— Как же, тарга, края чашки не коснуться, если в аал заехали!— смело улыбнулась Куске, забрала из рук мужа лучину и что-то шепнула ему.— Сейчас будет чай готов.

Шактар вышел из юрты и вернулся с тазом, полным мяса и мороженой крови в кишках.

— На хорошем месте у вас зимовье,— заметил секретарь.

Бегзи тут же поддакнул и хотел сказать что-то еще, но под взглядом секретаря осекся. Очень хотелось Бегзи поддержать разговор, а еще больше — тему переменить.

Из неловкого положения выручил его Шактар.

— Это старое зимовье моего отца. Он его еще единоличником выбрал. Здесь только кошары новые, а все остальное — как раньше было. Хорошее зимовье.

— В степи холодный ветер, а здесь — тепло. Представляю, как сюда на коне ехать: промерзнешь на ветру, а добрался до аала — согрелся!

— Так, так,— подтвердила Куске.— Тут ветра не бывает. Я прошлую зиму на «Беларуси» сено сюда возила. Едешь по степи, в кабине стынешь, насквозь пробирает. Как свернешь и себе.— жарко становится.

— Пастбища хорошие?— поинтересовался секретарь.

— Пятьсот овец вволю могут пастись.— Шактар окончательно успокоился.— Раньше, когда скота мало было, в балке за аалом, там как раз ключ бил, три-четыре овцы оставались на лето. Потом, когда на оседлость перешли, никто сюда кочевать не стал. Без скота и родник заглох — овцы копытами траву не расчищали. И луг выровнялся...

— Вам, молодым, это надо на ус мотать,— ловко вдел секретарь в разговор нить новой темы.— У вас и ум молодой, смекалистый, к новому чуткий. Если вы о новом думать не будете, ум гибкость потеряет, мозг, как дикое поле, терновником зарастет. не расчистишь...

Куске усмехнулась:

— Это вы на чабанские бригады намекаете, да? Упрекаете нас?

— Допустим, что так...

— Мы не виноваты. Любое дело надо крепко делать, а не как попало. Ну пусть, назовемся бригадой, все равно чабаны будут работать, как прежде, отдельными аалами. Это же очко-втирательство!

— А как вы себе бригаду представляете?— секретарь с любопытством взглянул на молодую чабанку.— По-вашему, чтобы создать тут, у вас, бригаду, надо из Москвы технику привезти, радио, телевизор поставить, газ чтобы был, машины вам дать, построить новые помещения для скота. Так, что ли? Вот тогда вы станете жить бригадой?

Куске недовольно поджала губы.

— Мы не ставили таких требований, тарга... Когда Александр Ламаевич ночевал у нас, мы сами ему рассказали о ча-

банских бригадах, спрашивали его, почему бы нам новому не поучиться. А он услышал звон, да не знает, где он. Вот и решил сразу сам, в район сообщил... Мы здесь давно к этому готовимся, но готовимся по-настоящему. Есть еще чабапы, которые не верят в бригадный способ. Они не понимают, что это дело выгодное. Им доказать надо. Даже два аала, если рядом стоят и поддерживают друг друга, уже семья. А бригада... Вот когда люди поймут, что все за одного, а один за всех, тогда и овцеводство можно вести по-новому, на научной основе.

— Охалай! — одобрительно воскликнул секретарь.

— Мы-то понимаем, — вступил в разговор Шактар. — В бригаде лучше, экономичней будет использоваться техника. Сейчас у нас, у чабанов, колхоз один, а хозяйство разное. Каждый сам по себе. Вот к Сарыг-оолу привезут помощника, грузовик в долину пустым уходит. Назавтра опять порожняком приезжает, чтобы два мешка шерсти у Бады забрать. Разве это дело? А в бригаде машину попусту бы не гоняли... Сегодня, конечно, техники у нас еще не хватает. Но мы доживем, что будут в бригадах свои тракторы. И скажет тогда бригадир: «Возьми «Беларусь» или «ДТ», как сейчас в правлении говорят: «Возьми Гнедка или Рыжуху»...

Куске разлила чай. Угостила вареной кровью, мясом. Снова предложила чай. Все по правилам, по старому обычаю гостеприимства.

— Я вас все-таки немного поучу, — сказал секретарь. — Вы не обижайтесь. В главном вы правы, я теперь убедился. Но тянуть с бригадой не надо. Создавайте бригаду. А учиться... учиться тоже, конечно, придется. И с этим я согласен.

Он долго говорил, секретарь обкома, и мы не станем повторять все то, что интересно было слушать чабанам, — о передовых бригадах, их опыте, их задачах и перспективах... Печенкину тоже было интересно слушать секретаря обкома. Интересно и полезно. Когда секретарь увлекался, он увлекал и других.

Слушая его, Куске совсем с другой высоты посмотрела на свою жизнь и работу. Ей казалось: вот она выехала на тракторе в широкую степь, которой нет конца. А она едет и едет, вздымая вековую целину. Мысли секретаря представились ей огромным лемехом, поднимающим целину человеческих раздумий...

Увлеч бы, наверное, рассказ секретаря обкома и Бегзи, о котором мы почти забыли. Но Бегзи в это время думал о другом, и целина его мыслей о чабанских бригадах так и осталась нераспаханной. Бегзи прислушивался к далекому шуму мотора, эхом отдававшемуся в скалах.

«Это, наверно, мой шофер, — думал Бегзи. — И зачем его несет сюда?! Я же велел ему ждать в селе».

Секретарь обкома допил чай, поблагодарил хозяев, оставил

чашку и поднялся. Невысокий, плотный, он поправил очки и тяжелой покачивающейся походкой бодро вышел из юрты. За ним вышли все.

Шум мотора усилился, но секретарь, Печенкин и чабаны не обращали на него внимания, так как смотрели в сторону реки и что-то горячо обсуждали.

Бегзи вглядывался вдаль, едва сдерживая раздражение. Вот и машина. Нет, не его. Другая! Чья же это?

«Дандар едет!— догадался Бегзи и выругался про себя.— Час от часу не легче!.. Сейчас Дандар с ходу, не разобравшись, обругает чабанов, похваляется своей несуществующей бригадой, и вывалится все грехи, как кишки из барана. Надо отвлечь секретаря...»

Бегзи назвал секретаря по имени-отчеству:

— Не посмотрим ли кошары? Эти чабаны лучше других работают. Интересно взглянуть, как они овец содержат.

— Подождем гостей,— секретарь кивнул в сторону подъезжавшей машины и пошутил:— Все вместе и пойдем. Чем больше глаз, тем больше увидим. И чабаны не обидятся, что им мало внимания уделили.

Газик остановился поодаль от секретарской «Волги». Из него вышли Дандар и Андрей Чорбаа. Поздоровались.

— Знакомимся с вашей чабанской бригадой,— сказал секретарь Дандару.

В трудное положение попал Александр Ламаевич!

— Спорное это дело,— признался он, глядя то на чабанов, то на Бегзи.— Этот парень,— показал он на Андрея,— утверждает, что бригаду рано объявлять. Я колеблюсь. К людям надо прислушиваться...

— А что это за парень?

— Мой зоотехник.

— Зоотехник вашего колхоза?— уточнил секретарь.

Умел он вот так, между прочим, сделать собеседнику замечание, вроде бы не обидное, но весьма существенное.

— Товарищ зоотехник,— повернулся секретарь к Андрею,— покажите нам хозяйство.

Все направилось к кошарам. Андрей давал пояснения секретарю. Куске и Печенкин то и дело вмешивались в разговор. Шактар изредка вставлял фразу-другую. Бегзи и Дандар помалкивали...

Новую кошару строил сам Шактар, когда еще зоотехником был Касыга. Тот выхлопотал для него лес. Шактар пригласил себе в помощь двух строителей и соорудил хорошее помещение для овец.

Задняя часть кошары совсем низкая, чуть повыше овцы.

Шокатая крыша постепенно поднимается, переходит в навес, продолжающийся до самого загона, в котором кормят овец. Крыша покрыта травяной подстилкой, а поверх — пластами навоза. Зимой еще снегом заваливает... Как только весна наступит, — крышу долой. Стоит кошара раскрытая, проветривается, сушится до самой поры дождей.

— Себестоимость такой кошары невысокая, — заметил секретарь. — Тувинцы издавна так строили. Но то, что для арата-единоличника хорошо было, нам не подходит. Даже для одной отары, как у вас. А нам вперед смотреть надо. Бригады создаем, породность скота улучшаем, а строим по старинке... Надо думать о больших, просторных помещениях для скота. Сюда же, к ягнятам, на четвереньках лазить приходится. Так?

— Так, — подтвердил Шактар. — Орлом руки раскинешь и лезешь.

— Вот видите!

Чабан согнулся в три погибели, протиснулся в самый конец кошары и выволоч оттуда ягненка.

— Хороши наши метисы, тарга! — сказал он. — Только когда родятся, принимать их надо внимательно, ухаживать, как за ребенком ухаживают. Зато потом растут замечательно. Наша тувинская овца ест только хорошие травы, пасется на бегу, а метисы все подряд щиплют, даже бурьян. И ягнята, и овцы быстро набухают.

Секретарь обкома расхохотался:

— Новую породу скота выращивает по-старому!

— Зоотехник отбирал овец, — обиженно произнесла Куске. — У нас бараны были, не поймешь какой породы. Плохо было. Отец, помню, так говорил: «Из помеси коровы с яком быка не получится, только скот испортишь». А у нас в аалах таких баранов развели, не поймешь — не тувинской породы и не меринос! Вот теперь очищаем породу...

— Это правильно, — согласился секретарь. — Тувинцы всегда оберегали породность скота. И русские крестьяне берегли породу. Это вековая мудрость. И в современном животноводстве мы за то же боремся, уже на научной основе. Ваш зоотехник молодец, но разворачивается медленно. Такой темп не для его возраста. Тут где-то живет мой старый знакомый Чорбаа. Я у него останавливался, когда создавались тожземы. Сколько лет прошло, а помню: в его стаде бараны больше годовалых телят были!

— Чорбаа еще жив, — поспешил вставить Дандар.

Как хотелось ему добавить, что старый Чорбаа трудится в его колхозе, что зоотехник — сын того самого Чорбаа — его, Дандара, зять!.. Еле сдержался Александр Ламаевич.

— Может, и жив. Он ненамного старше меня, — продолжал

секретарь. — Нас вместе отправляли учиться в Советский Союз. Мы поплыли вниз по Улуг-Хему на плотах. Когда с его аалом поравнялись, Чорбаа сбежал! Но работал он всегда здорово. Образцовый был чабан. После председателем тогкэма стал... Однажды почевал я у него. Летом дело было. Чорбаа арбан возглавлял. Приезжаем к нему — нет председателя. Только вечером появился. Говорит, в хошуне был, про нас ничего не слышал. А мы сами из хошуна приехали, так что не мог он не знать, что к нему поехали. Значит, в другом месте где-то был... Остались почевать. Чорбаа барана зарезал, велел араку приготовить... За ужином признался, что в горы ездил, коден* собирает.

— Мы тоже коден собираем, — похвастался Шактар. — Сюда корм из долины возят. На зиму не хватает. Прошлым летом совсем плохо с сеном было. Оросительные капавы проконали, вода вся ушла, в долине одни родники остались, трава плохо росла. Коден нас выручил. И в этом году много заготовили.

Секретарь задумался.

— Сколько араты мучились, коден собирая... В горы уходят, воду с собой несут, молоко кислое... Коден в сухих местах растет — капли воды не найдешь. Чуть не каждую травинку серпом срезают. А уж за сеном следят лучше, чем самая прилежная хозяйка за выпечкой хлеба...

— Раньше скотоводы много работали, — вмешался Александр Ламаевич. — Коден жать, хлеб сеять, охотиться, за солью ездить — чего только не делал арат! Теперешние чабаны наши просто отдыхают, как на курорте. И то им привозят, и другое. Живут как иждивенцы.

Секретарь обкома пристально поглядел на Дандара. Александр Ламаевич покраснел и потихоньку взглянул на Бегзи, как бы ища у него поддержки, но тот отвернулся и молча топтался на снегу.

— Как вы думаете, товарищ зоотехник, прав председатель? — спросил секретарь.

Андрей, волнуясь, ответил:

— У нынешнего чабана большой объем работы. Во-первых, скота у него много — на каждого голов четыреста—пятьсот. Во-вторых, колхозник — человек творческий. Ему уже мало думать только о том, чтобы овцы целы были. Он улучшает породность, увеличивает продуктивность...

— Вы давно техникум кончили?

— В этом году.

— Андрей Дулушевич только начал у нас работать, — под-

---

* *Коден* — сорт низкой травы, которую срезают серпом.

твердил Печечкин. — Но уже многого добился. Между прочим, он сын того самого Чорбаа.

— Ну, тогда у него вдвойне хорошая подготовка!

Пошли смотреть, как у Шактара хранится сено из кодена. Не больше полтонны собрал его чабан, но легкое, пушистое сено лежало целым стогом.

— Центнер кодена стоит тонны луговой травы, — похвалила Куске. — Прямо, как овес.

Секретарь взял несколько стебельков.

— Давно пора поставить вопрос перед специалистами об этом кодене. Все руки не доходят...

Лицо его стало строже.

— Много сложных вопросов пришлось нам решать, чтобы поднять сельское хозяйство Тувы. За короткий исторический срок совершить скачок из феодального уклада хозяйства в наши дни — дело непростое. А мы это сделали. И сейчас Тува в Российской Федерации занимает не последнее место! Время — как рыба, его надо держать за жабры. Упустишь — отстанешь. А нерешенные вопросы — что дорога среди холмов. Вот-вот, кажется, все уже решено, а ничего подобного! Просто ты миновал один перевал, а перед тобой новые высоты. Возьмем простой пример — обеспечение хозяйств специалистами. Сначала мечтали, чтобы хоть какие-нибудь курсы люди кончили, потом стремились дать большинству среднее специальное образование. Сейчас нам и этого мало! Хотим иметь знающих людей, способных поднять хозяйство на новый уровень. Значит, без институтских знаний не обойтись... Я один пример привел. А сколько перед нами возникает задач! Вот о кодене сейчас говорили. Конечно же, надо исследовать питательные свойства этого растения, по-научному изучить, что это за штука такая, как можно его больше получить, где он еще расти может. Но я вас, товарищи, об одном хочу предупредить. Нельзя при этом забывать о главном — о производстве, о том, чтобы больше было продуктов животноводства. Если вы, допустим, найдете самый замечательный корм — чистый мед! — но при этом не выполните обязательств перед государством, снизите продуктивность скота, вас ничто не спасет. Не поможет даже, если вы скажете, что это я посоветовал вам заняться изучением свойств новых кормов...

Секретарь улыбнулся.

— Ну, хватит учить вас! Давайте-ка, молодые люди, — обратился он к чабанам, — и вы, товарищ зоотехник, выйдем в степь, посмотрим ваши пастбища. Парторг тоже пусть с нами прогуляется. А кто постарше — пусть отдохнут, подождут нас.

Андрей Ламасвич и Бегзи остались возле кошары. Оба молчали. Каждый думал про себя.

«Никаких новшества! — размышлял Бегзи. — Надо давать мясо, шерсть, молоко. И все! Любое начинание сразу выгоды не даст. Значит, работать, как работали. За это ругать не будут!..»

Мысли Дандара мешались.

«Был бы я на такой должности, как секретарь обкома, я бы заставил людей разговаривать со мной на расстоянии!.. — И тут же корил себя: — Что тебе за глухость в голову лезет? Переделывай, Дандар, свой дурацкий характер! Почему секретарь столько лет работает, все его уважают? Потому что идет по главной дороге, вместе с пародом... Как меняется жизнь, как меняются судьбы людские. Неужели он, Дандар, так и останется таким, каким был, какой есть?..»

Тяжелые это были думы. Можно было бы сравнить их с темной ночью или густым туманом. Нет, думы его были еще темнее, еще гуще. Можно было бы сравнить их с тяжелым плотным льдом Тополиной речки. Нет — тяжелее.

Секретарь обкома, Шактар и Куске, Андрей Чорбаа и Печенкин шли к аалу, оживленно разговаривая между собой. Шли легко, быстро. Они хорошо понимали друг друга.

КЫЗЫЛ-БОРТТУГ

Рассказ

СТАРАЯ ЛАЧУЖКА. МОЛЧАЛИВЫЙ СТАРИК. МЕЧТА ОБ ОХОТЕ

Несмышленьшем был еще Кызыл-Борттуг*, чтоб понять, почему отец с матерью развелись. Мальчик жил с отцом.

А отец его был всегда молчалив и тих, ни с кем из соседей не общался, ни к кому не ходил, хлеб-соль не водил, не араковал, а, задумчивый и скрытный, жил в тесной старой лачужке без окон, стоявшей далеко на отшибе, совсем в стороне от других юрт. И часто, сидя у измятой железной печурки, стоявшей посреди избушки, дочерна прокопченной дымом, он, человек преклонных лет, чем-то опечаленный, устремлял куда-то вперед свои большие глаза цвета кедрового ореха и глубоко задумывался, перебирая в руке жидкую бородку, почти не тронутую сединой. Потом он обводил взглядом свою бедную узкую, как щель, лачугу, убранство которой состояло из двух старых, облезлых и почерневших от времени аптара**, и тяжело вздыхал. Так и жили отец и сын, придавленные бедностью. Зимы проводили они, скрываясь от морозов в своей избушке. А летом, когда хутовцы перебирались на таежные чайлаги, они вьючили тоже свою немудрую поклажу на двух лошадей, садились на них, погоняя впереди себя единственную коровенку, и перекочевывали на чайлаг. А старые два сундука до поздней осени стояли

---

* *Кызыл-Борттуг* — красный башлычок.

** *Аптара* — сундук.

в лесной избушке, будто терпеливо ждали домой своих хозяев. И на чайлаге отец уединялся, устраиваясь поодаль от людей. Не спеша рубил деревья и сооружал шалаш.

Кызыл-Борттуг, как две капли, был похож на отца. Он был упрям и настойчив и любил одиночество. Не бегал к соседним ребятам, не затевал с ними шумных игр. И если мальчишки приходили за ним, то Кызыл-Борттуг даже не показывался из своего шалаша. Мальчик любил бродить по тайге. Он и ягодичал и орешничал всегда один. И ему никогда не было скучно. Кызыл-Борттуг появился на свет годов через пять после революции в Туве. И таким странным именем назвал его какой-то товарищ, приехавший в Хут из центра. В те годы слово «красный» было самым ходовым и вызывало у всех повышенный интерес. Оно вертелось у каждого на языке: «красные», «красный партизан», «красное знамя», «Красная Армия», «город Красный», «красный уголок». В Хуте это слово тоже пользовалось популярностью. Детей в те годы сплошь и рядом нарекали именами «Кызыл-оол» — «Красный мальчик», «Кызыл-уруг» — «Красная девочка». Но имя «Красный башлычок» было, пожалуй, единственным.

— Отправляю тебя учиться, сынок, — не раз от своего отца слышал Кызыл-Борттуг.

— Куда? И что это такое учиться? — спрашивал мальчик, глядя на отца большими удивленными глазами цвета кедрового ореха.

— Вниз по течению Улуг-Хема есть город Кызыл, — не топясь разъяснял старик, ласково поглаживая густые испещренные волосы сына и посасывая свою трубку с медным накопечником.

С наступлением осени отец уходил белковать. «Вот добуду пушвины, накоплю немного денег и будущим летом поедешь ты у меня учиться», — говаривал он. Но приходило лето, а разговора насчет учебы отец не заводил. Видно, опять денег не было. Снова приходило время идти на белку, и тогда отец вспоминал о школе. Проходили годы. А Кызыл-Борттуг так в школу и не попал. Да и не понимал он тогда, для чего она нужна ему. «Какая польза от школы?» — думал он про себя. — Кто будет домовничать, когда отец уходит в тайгу на охоту или едет в Туран пушнину сбывать? Нет. Ему вовсе школа не нужна. Он и без нее проживет, — рассуждал Кызыл-Борттуг. — А через два-три года отец будет брать его с собой в тайгу белковать, пушнину добывать. Подумаешь, — утешал себя Кызыл-Борттуг, — из-за того, что я не учусь, реки не пойдут всять и горы не станут равнинами. В Хуте никто не учится. И ничего, не помрут. И я не пропаду».

Кызыл-Борттуг мечтал о ружье и охоте.

ОДИН. ГАДАЛЬНЫЕ БАБКИ. КОРОВУ НАДО ЗАКОЛОТЬ

Однажды осенью отец Кызыл-Борттуга пошел белковать. До ухода в тайгу он около месяца заготавливал дрова, сваливая их в кучу возле избушки. И попросил соседей посмотреть за сыном.

Рано в Хуте начинается осень. Зато весна сюда не спешит. Места здесь тасяжные. И зима поэтому легкая, снежная. Иной раз снег доходит до пояса.

С вечера ложился спать Кызыл-Борттуг. Что ему оставалось делать одному? А утром, наскоро позавтракав, он угонял корову пастись. И она целыми днями плелась сзади стада соседнего аала и чернела вдаль, как их одинокая лачуга на ослепительно белом снегу. Мальчик издали узнавал свою корову, радовался, что она никуда не ушла, и начинал играть, лазать по сугробам, кататься на лыжах.

Дневную свою работу Кызыл-Борттуг тоже не забывал. Убирал коровник. Следил за конем. Рубил дрова. Вечером и утром доил корову. А теленка у них не было, его осенью голодный волк зарезал.

Уезжая, отец наказал ему, чтоб он питался хорошо. Но Кызыл-Борттуг решил по-своему: мясо и муку надо приберечь. Молоком тоже не лакомился. Он им подбеливал чай. А все молоко замораживал кружками и закапывал в снег. Всем этим он хотел порадовать отца.

С отъезда отца прошел почти месяц. Крепчал мороз. Пухли сугробы. А снег все падал и падал. В иные дни Кызыл-Борттуг оставлял корову дома. А когда она съела последнюю охапку сена, запряг коня и поехал за кормом.

Их стожок стоял на берегу реки. Кызыл-Борттуг наложил в сани сена. Издалека воз напоминал пьяного человека в тулупе, небрежно подвязавшегося опояской. Зимний день короток. Уже наступили сумерки, когда Кызыл-Борттуг добрался до дому. Он быстро перекидал сено во двор, перекусил кое-как и, став на старые лыжи, побежал за коровой. Возле горки ее не было. Наверное, где-нибудь скрылась. Он торопился, ночь на двигалась на землю. Вот его лыжи уткнулись во что-то твердое, и целый ворох снега накрыл его. Тысячами тончайших иголок снежинки вонзились в лицо мальчика. Оно разгорелось. Но он мчался вперед, сердце гулко стучало в груди. А коровы все нет и нет. И он повернул домой. Сбросил лыжи, шубенку, кинулся к аптеке, достал из нее малюсенький мешочек из шкурки какого-то зверька и высыпал содержимое на старенький изодраный войлочный коврик. Это были бабки. Он взял их в ладони. Перемешал и, пошептав: «Скажите мне всю правду, кованые бабки мои, скоро ли вернется отец мой домой и где

шатается наша Буренка», — стал их подбрасывать. Трижды подбрасывал гадальные бабки вверх, зажмурив глаза, но они так и не показали, где бродит корова и скоро ли вернется отец. Тогда он в сердцах отбросил их и выбежал во двор.

Кызыл-Борттуг вспомнил, что сегодня не убирал навоз. Он взял широкую деревянную лопату, направился к коровнику, приоткрыл низкую дверь и заглянул в него. Когда его глаза привыкли к темноте, то что-то непонятное возникло перед его глазами. Страх подкрадывался к горлу Кызыл-Борттуга, жар бросился ему в лицо. Там лежало что-то большое и черное. По спине мальчика забегали мурашки, холодный и липкий пот покрыв все его тело, и он отпрянул от двери. В коровнике какое-то живое существо вздохнуло, застопало, как тяжело больной человек. «Да ведь это наша корова!» — подумал мальчик. И он, как стрела, помчался к соседям.

Миновав юрты зажиточных людей, Кызыл-Борттуг забежал к арату, ровеснику отца. Старик внимательно выслушал мальчугана, попивая горячий чай без молока, выкурил свою законченную длинную тонкую трубку и только тогда поднялся и пошел за Кызыл-Борттугом.

Вскоре старик и Кызыл-Борттуг зашли во дворик и зажгли жирничок. Перед ними лежала корова, голова ее была откинута назад, а из глаз бежали крупные слезы. Старик нажал на вздутое брюхо коровы и в груди животного забулькало и захрипело. Она жалобно замычала. Старик вышел из коровника, молча покачал головой и проворно зашагал к себе.

Вскоре он привел с собой двух молодых мужчин. Кызыл-Борттуг слышал, как они втроем советовались меж собой.

— От зарода остались клочки сена. На сено набросилось несколько коров. А бык моего соседа разбежался, да со всего размаха и саданул рогами этой в живот, — сказал один из мужчин.

— Живот у коровы распорот и кишки вылезли наружу, — подхватил другой. — Это уже не скотина.

— На ночь ее ни в коем случае нельзя оставлять. Она подойдет. И мясо пропадет, — переговаривались двое.

Тогда старик обратился к Кызыл-Борттугу.

— Такие дела, сынок. Ты уже теперь мужчина и сам должен во всем разбираться. Корову надо заколоть. Она все равно подойдет. Половину коровы отдайте владельцу быка. Может, он отдаст вам телка или стригунка. Чем-нибудь они должны же убыток возместить. Да и скота у них немало.

Один из мужчин принес топор, занес его и со всего размаха ударил корову по голове. Кызыл-Борттуг сжался весь и зажмурился. Ему почудилось, что удар пал на его голову, и она раскололась пополам. А когда он открыл глаза, то при тусклом

мерцании светильника увидел, как из надрезанного горла коровы в деревянный сосуд льется пенная кровь. Кызыл-Борттуг, всхлипывая, убежал в избушку.

Тушу коровы вытащили наружу и до позднего вечера свеживали ее, но хозяин быка не захотел брать мяса.

Прошло больше месяца. Возвращались домой охотники. Приехал и отец Кызыл-Борттуга. Только мальчик увидел отца, слезы, как светлые бусинки, покатались из его глаз. Он отворачивал голову и непривычно суетился. Сварил чай. Но стоило ему принести кружок молока, как снова непрошенные слезы одна за другой побежали по щекам мальчика.

— Что с тобой? — несколько раз спросил его отец.

— Корова... Корова наша... — сказал Кызыл-Борттуг. И больше ничего не мог вымолвить, словно чьи-то безжалостные пальцы сжали ему горло...

20 АКША. ОБУЗДАЙТЕ СТРИГУНКА. ОТЕЦ УМЕР

Прошла весна, и лето было уже на пеходе. Наступил август. Как-то утром отец Кызыл-Борттуга вдруг опять сказал:

— Поедешь учиться.

Кызыл-Борттуг растерялся. «Что это с отцом? — подумал он. — Сам пойдет белковать, а дома кто останется? Может, и ему уже и лишним стал? Нет-нет, не черствое сердце бьется в груди моего отца, — успокаивал себя мальчик. — Вот придет осень, и мы с ним вместе на охоту отправимся. Два человека могут много сделать. Мы с отцом пушнины добудем. И доход у нас будет большой, — мечтал Кызыл-Борттуг. — И всего, всего накупим. Корову обязательно купим. И много другого. Ведь у других людей все есть. И у нас то же самое будет, когда я стану настоящим помощником отцу. Нет и нет. Никуда я не поеду. Какую пользу принесет мне школа? Никакую».

Немногословен был отец:

— Значит, поедешь, сынок. Для тебя я 20 акша накопил. Из них пять акша уплачу плотогонам, а с пятнадцатью рублями за пазухой поедешь в тот город, который люди прозвали Кызылом. Я тебе деньги буду посылать с лодманами. Ты, мальчик мой, должен учиться. Так сказал человек, который дал тебе имя твое Кызыл-Борттуг. А ему об этом говорил командир красных партизан, носивший шапку с красным верхом. Так что ты обязательно поедешь в школу. «Теперь все будет учиться», — так сказал красный тарга. А я уже стар, сынок.

Замолчал старик. Задумчиво курил трубку. И долго сидел в облаке синего дыма, опустив голову, так и не найдя, что еще

сказать сыну. Он чувствовал, что Кызыл-Борттуг не хочет ехать, а растолковать ему о значении школы, учебы, знаний старик не мог. Сам он был неграмотным человеком.

Но, чем больше думал Кызыл-Борттуг о школе, тем ярче где-то в глубинах его сознания вспыхивал яркий огонек, и при мысли, что он будет учиться, сердце начинало радостно скакать, как пушистая белка. Только одно смущало мальчика. Это Хутинский порог. Его ведь надо перенести, чтобы попасть в этот далекий город Кызыл... Много странного слышался он. Будто в пороге том видимо-невидимо потонуло людей, разбивались плоты. Пока из Сейбы, Сыстыг-Хема доходили слухи о случившемся несчастье до Хута, они преувеличивались в четыре-пять раз. У страха глаза велики. Это очень пугало мальчика. Кызыл-Борттуг все сомнения начистоту выложил отцу, в довершение пнув ногой камень, который валялся возле него. Так и не хватило у отца настойчивости уговорить сына.

В эту зиму отец Кызыл-Борттуга не пошел белковать. Он как-то на глазах постарел, согнулся, кое-как перемогал.

Про корову свою отец с сыном совсем забыли. И вот уже поздней осенью хозяин того быка, который заporол их корову, сказал, чтоб они забрали жеребенка и что больше он себя не считает их должником. Отец отнесся к этому событию с полным равнодушием.

— Зима на носу. Зачем он нам нужен сейчас? Весной и возьмем жеребенка.

И опять наступила весна. Люди снова перекочевывали на чайлаги. Жеребенок подрос и его надо было объезжать.

— Обуздайте стригунка,— просил парней старик,— пусть Кызыл-Борттуг садится на него.— Но не дался жеребепок в руки ребятам.

Как-то стоял прохладный день. Перистые облака гуляли по небу. При помощи других старик поймал и оседлал стригунка. С трудом ногу поставил в стремя и сел на молодого коня. Почти не брыкался под ним жеребенок. Сначала пустился вскачь, а потом пошел обычным ходом. Старик про себя подумал: «Еще два-три дня и копь приучится к седоку. Тогда и сынок может его объезжать. Он ведь у меня совсем мужчиной стал — двенадцать годков миновало ему».

В тот день отец не вернулся домой. Кызыл-Борттуг лег спать без него. Наступило утро, а отца все нет. Тревога, как холодная змея, зашевелилась в груди мальчика.

Кызыл-Борттуг быстро оседлал коня и помчался в ту сторону, куда вчера поехал отец. Горячее солнце подымалось все выше и выше, палящие лучи его обжигали лицо, руки.

Он проехал мимо юрт, стоявших то там, то тут, поднялся

на открытое место, усеянное кочками, между которых проглядывались зеленоглазые трясины. Местами было непроходимое болото. Немного погодя, вдали на лужайке он увидел вороного коня, стоявшего с опущенной головой. Возле него лежало что-то. Кызыл-Борттуг рванулся туда.

Но лошадь взяла. Кызыл-Борттуг спешился, привязал коня к караганнику и побежал, перепрыгивая с кочки на кочку. Уже было видно, что на земле лежал человек, и по одежде узнал, что это его отец.

Кызыл-Борттуг наклонился к нему и затормошил:

— Что с тобой, отец? — взял его за руку, но рука была твужела. Отец был мертв.

Тело его уже окоченело. Лицо, побелевшее, как береста, заострилось, щеки впали, от шеи подступала синева. Глаза, широко открытые, неподвижно уставились в синее небо. От уголка рта к подбородку тянулась потемневшая полоска крови.

Кызыл-Борттуг зарыдал, положив голову на грудь отца.

Неизвестно, сколько прошло времени. Наконец, Кызыл-Борттуг поднял голову. Ему показалось, что все вокруг потемнело. Левая рука отца увязла в грязи. Кызыл-Борттуг с трудом вытащил ее. Пальцы отца крепко держали аркан. Видимо, необъезженный конь зауросил и сбросил отца.

Кызыл-Борттуг накрыл лицо отца опояской, отвязал коня, выбрался из болота и галопом пустился к дому. За эти несколько часов мальчик повзрослел, и когда он обратился за помощью к соседям, то всем было ясно, что с ними говорит человек, который чашу горя испил с избытком.

— Отец мой умер. Помогите тело его предать земле. Одному мне не справиться. Не оставьте меня в беде, односельчане мои!

Помогли ему люди схоронить отца. Кызыл-Борттуг в ветхой лачуге остался, как перст, один. Ночью на него напала бессонница. Он ворочался с боку на бок, пока не задремал. Какая-то огромная зеленая муха жужжала над ним, пока не уселась на его лицо. В ужасе проснулся Кызыл-Борттуг и до утра не смог сомкнуть глаз. И только утром он ненадолго забылся в тяжелом сне.

Люди советовали Кызыл-Борттугу поехать учиться. А он думал про себя: «Если я поеду учиться, то что же будет с моими конями? Соседи советовали, чтоб я продал их. Зачем? По-ихнему, мне пешком придется ходить из аала в аал. А на чем я буду зимой дрова возить?» И решил Кызыл-Борттуг, что без коней ему никак не прожить.

Много раз за лето задумывался Кызыл-Борттуг: где и как он будет жить? Возвращаться в зимнюю избушку отца ему не хотелось. Ничего там, кроме старья и одиночества, не было.

РОДНАЯ МАТЬ. ОТЧИМ. МИСКА СУПА

Когда горе немного притупилось, Кызыл-Борттуг окончательно решил уехать из здешних мест. И он приехал в аал родной матери. Стреножил коня. Отчима дома не было.

Увидев сына, мать заметалась, как птица, по юрте, не находя слов. Потом она села на пол и горько заплакала, вытирая мокрое лицо рукавом халата. Глаза матери безотрывно глядели на лицо Кызыл-Борттуга. Она по привычке нашарила рукой свою трубку и незажженную сузула в рот. Потом закурила и стала постепенно приходить в себя. Тут заговорил Кызыл-Борттуг:

— Слышала, поди, что я остался один? Некуда мне приклонить свою голову. Ты мне ведь родная. Вот я и приехал. Примите с отчимом меня к себе. Не помешаю вам. Я ведь не маленький. Постараюсь быть полезным в семье. У меня два коня. Пригоню второго и они в хозяйстве пригодятся. Как вырасту, отделяюсь от вас.

Мать слушала его, нарезая мясо для похлебки.

— Я б с радостью и давно тебя забрала к себе. Но не только от меня это зависит. Раз приехал, оставайся и живи. Ишь, как вырос. Прямо мужчиной стал. Будешь помощником мне. Сестренки и братишки твои как муравьи, мал мала меньше. За ними нужен присмотр.

Вкусный запах свежего супа щекотал ноздри. Мать налила похлебку для Кызыл-Борттуга в деревянную миску до краев и подала ему в руки. Поверхность супа покрылась янтарным жиром. В это время во дворе залаяли собаки, послышался цокот конских копыт. Мать, приоткрыв дверь юрты, выглянула наружу.

— Сам приехал,— каким-то тусклым голосом сказала она и бесцельно стала переключивать вещи с места на место. Кызыл-Борттуг приблизился к двери. К сердцу подступило неприятное чувство. Он сжался и присел у двери. Отчим громко о чем-то рассуждал. Судя по голосу, он был сильно пьян.

Отчим с шумом зашел в юрту, встал у двери и уставился налившимися кровью глазами на Кызыл-Борттуга. Потом с силой пнул ногой по дну миски. Кызыл-Борттуг молча выбежал из юрты. Долго до его ушей доносился голос матери. Она что-то быстро, быстро говорила, будто причитая. В голосе ее дрожали слезы.

Кызыл-Борттуг не помнит, как добежал до опушки леса, как упал на мягкую траву. Рыдания душили его. Так проплакал он до самого вечера. Никто не подошел к нему. Только пушистые лапки лиственниц касались его опухших век, источая смолистый аромат.

Но сколько же можно слезы лить? Он тяжело вздохнул и задумался. Где только не побывал в мыслях Кызыл-Борттуг. И короткую жизнь свою он увидел вдруг, как на ладони: вот на отшибе стоит их лачужка, как сирота, вот лежит на болоте между кочками отец. Потом перед глазами явилось растерянное лицо матери и бессмысленно пьяное и тупое лицо отчима. Его линок и брызги горячего супа. Обида на отчима захлестнула сердце мальчишка. Если б вдруг он подрос, как в сказке, и стал командиром красных партизан, приехал бы к отчиму и сказал, что горячим супом можно ошпарить человека. И делать так взрослому человеку нельзя.

Наступили сумерки. То там, то здесь потрескивали ветки, где-то пискнула пичужка. Ночь на все накинула черную мерлушковую шубу. Сначала стало жутко Кызыл-Борттугу, потом он успокоился. И сказал себе, что ему ничего не страшно: ни голодный волк, ни косялапый медведь, ни холод, ни жара, ни даже Хутинский порог. Все равно он отомстит отчиму.

И так глубоко задумался Кызыл-Борттуг, что не заметил, как уснул. А когда проснулся, весь лес уже был пронизан золотыми лучами утреннего солнца. Птицы щебетали на все лады, прыгая с ветки на ветку. Цветы раскрывали свои лепестки.

Кызыл-Борттуг отыскал свою лошадь, оседлал и галопом промчался мимо юрты отчима, даже не взглянув на нее. Он направился в сторону Сейбы. Утренний ветер свистел в его ушах.

СЕЙБА. ГОРЯЧАЯ КАРТОШКА. РУССКИЙ ПЛОТОГОН

Обида гнала его вперед. А он гнал свою лошадь. Солнце еще не успело повернуть к обеду, как Кызыл-Борттуг неожиданно для себя увидел перед собой поселок Сейбу, расположенный на берегу Пий-Хема и состоящий всего из нескольких остроконечных юрт и бревенчатых избушек.

Кызыл-Борттуг подъехал на коне прямо к берегу. На темно-синей воде, которая спешила куда-то вдаль, покачивался большой многоставный плот. На нем туда и сюда сновали люди в телогрейках и очень странных блестящих длинных сапогах. Все они были заняты делом. На плоту стояли лошади, перебирая своими мягкими губами только что скошенную траву.

Кызыл-Борттуг, привязав коня, зашел на плот и ему почудилось, что он попал в огромную колыбель, которую нежно покачивают чьи-то ласковые руки. На все и всех глядел он широко раскрытыми глазами.

— Ты что так глаза распахнул, а? Видно, плот впервые уви-

дел?— спросил Кызыл-Борттуга мужчина, по всем приметам старший из них.

Кызыл-Борттуг не нашелся, что ему ответить. Но сообразил, что если сейчас он пропустит подходящий момент, то никуда не попадет. Он вобрал в себя побольше воздуха и заговорил неожиданно громко:

— Если б вы, дяденька, были жителем Хута, то поневоле стали бы во все глаза смотреть на плоты.

— Так ты из Хута?

— Ага. Только сейчас приехал,— сказал Кызыл-Борттуг, взглянув на взмыленные бока своей лошади.

— Лошадь твоя в пене. Почему так спешил?

— Боялся отстать от вас. Мне учиться надо поехать.

— Учиться, говоришь?— с удивлением перебил его собеседник.

— Ну да, дяденька, учиться.

— Куда ты хочешь ехать?

— Как куда? В ваш, этот... ну... самый большой... огромный город... Как он прозывается?

— Кызыл, что ли?

— Он самый.

— С кем приехал?

— Один.

— Тебя родители отправили?

— Нет. Я сам. Отца у меня нет, только отчим.

— Так кто тебя послал?

— Отец умер,— не ответил Кызыл-Борттуг на вопрос.

— А мать у тебя есть?

И этот вопрос повис в воздухе. Мальчик низко опустил голову.

— Дела твои, паренек, неважные. Значит, одинешенек ты на всем белом свете,— тихо произнес плотовщик.— Порога не боишься? А если утонешь, и знать никто не будет ни имени твоего, ни рода, ни племени.

Кызыл-Борттуг, всплакнув, рассказал, где и как он рос, когда потерял отца и, конечно, не преминул сообщить о необузданном воровстве отчима.

— Не сладко живется тебе, малыш,— задумчиво сказал мужчина и прибавил:— А вот возьмут ли тебя на плот, не знаю. У нас есть старший плотовщик, лоцманом прозывается. Он скоро явится. Если он разрешит плыть с нами, то — пожалуйста, плыви на здоровье. От тебя плот не станет тяжелей.— Не дождав ответа, плотовщик отошел к своим товарищам.

Кызыл-Борттуг спрыгнул на берег и сел на гальку. На плоту люди расположились группами и о чем-то долго беседовали. И все поглядывали на мальчика, показывая на него. Потом все

поднялись, сошли на берег, развели костер возле топольника и начали готовить обед. Через некоторое время плотовщики позвали Кызыл-Борттуга. Он подошел к ним. В белую железную миску из чаши наложили ему. Но не понял он, что это за еда. Каша не каша, а что это? Какие-то желтые штучки, похожие на камешки величиной с кулак.

— Ешь, — сказали плотовщики. — Это картошка.

Кызыл-Борттук не знал, с какого конца приступить к картошке. Потом он ложкой захватил дымящую картофелину и с трудом всю ее затолкал в рот. Небо, язык и десна обожгло огнем. И проглотить ее враз он не мог. Тогда он вытолкал картошку языком изо рта и стал на нее дуть изо всех сил. Слезы градом текли из глаз. Плотовщики со смеху покатывались.

— Не спеши, — поучал его знакомый плотовщик. — Дуй на картошку и помаленьку кусай. Вот тебе хлебушек. Вместе с ним еще вкуснее будет.

Кызыл-Борттук с апетитом расправлялся с картошкой. Вдруг он за своей спиной услышал пизкий голос, который совсем не по-тувински произносил тувинские слова.

— Что едите? — Мальчик оглянулся. Возле него стоял очень высокий человек с пронизывающим насквозь взглядом небольших светло-голубых глаз, посаженных глубоко и обрамленных почти белыми ресницами. Кызыл-Борттук смотрел на него снизу вверх, и он ему показался великаном, стоявшим на высоченных и тонких, как жерди, ногах, обутых в блестящие черные сапоги, которые доходили до бедра... Кызыл-Борттук мысленно покал языком, думая: «Вот это да! Какой длинный дяденька. С такими ногами, поди, любую реку он может перейти». И даже забыл про еду.

Наконец этот человек обратил внимание на новичка.

— Кто это такой? — кивнул головой в сторону Кызыл-Борттуга.

Тувинцы, перебивая друг друга и смешивая русские и тувинские слова, объяснили, в чем дело.

Лодман вплотную подошел к Кызыл-Борттугу.

— Так, так. Значит, ученик нашелся. Добро, — внимательно разглядывал он лицо мальчика, на котором остались следы недавних слез.

— Ай-ай-ай! Ей-богу, вода в Пий-Хеме бесплатная. А ты, как чумичка, грязный. А ну, живо умойся, таныш*. Потом поговорим.

Стрелой побежал к воде Кызыл-Борттук, умылся кое-как, вытер руки подолом халата, а лицо рукавом. Но руки не отмывались от въевшейся грязи. Мальчик спрятал их за спину, подошел и встал перед лодманом.

---

* *Таныш* — знакомый.

Худенькое тельце, едва прикрытое рваным халатом. Немытые и нечесанные черные вихры, блестящие широкие брови, изпод которых с надеждой глядели на него большие светло-карие глаза ребенка. Лодман не мог оторвать свой взгляд от курносо-го лица этого мальчишка. А когда он взглянул на его ноги, то жалость ножом полоснула по сердцу. Из дырявых стоптанных маймаков вываливались грязные пальцы. Мальчик старался спрятать их, поджимал пальцы, но они не слушались его.

— А как ты в Кызыле будешь жить? Деньги у тебя есть? — спросил русский дяденька.

— Нету ни копейки, — ответил Кызыл-Борттуг, начиная привыкать к неправильному произношению тувинских слов этим необыкновенным, на его взгляд, человеком. — Но я все равно сяду на ваш плот. Возьмите за это коня моего.

— Оо, конь твой не пужен нам, да и куда его поместить.

— А вон туда, где те лошади стоят, — указал мальчик.

— Нет, нет. Твой конь, таныш, не надо нам, — толмачил, помогая себе жестами, рыжебородый.

Кызыл-Борттуг не отходил от плота, боясь отстать.

Русский лодман говорил о чем-то на своем языке тувинским товарищам. Араты тоже отвечали по-русски, безбожно коверкая слова. Кызыл-Борттуг чувствовал, что спор идет из-за него. «И вот сейчас решится моя судьба. Возьмут или не возьмут?» — думал он, и сердце его замирало.

— Ну вот что, малек, — наконец сказал лодман, — коня мы не возьмем. А ты поплывешь с нами в Кызыл.

Кызыл-Борттуг коня оставил в поселке, попросил добрых людей отвести его к матери.

БУКВЫ НА ФАНЕРЕ. ПЕРВОЕ ЗАДАНИЕ. ПОРОГ. УДИВИТЕЛЬНЫЕ ЛЮДИ

Назавтра с утренней зарей плот отчалил от берега и поплыл вниз по реке. Кызыл-Борттуг никогда еще в своей жизни не видел такого дивного дня. Небо ясное, беспредельное. Оно, как чаша, отлитая из голубого серебра, опрокнулось над землей. И ветра нет. Воздух чистый, с реки веет прохладой. Плот покачивается на зыбких струях воды и вместе с ней движется вперед. Солнечные блики целый день играли на поверхности реки, покрывая ее позолотой.

Русло реки с обеих сторон сжимали гористые берега, покрытые темно-зелеными хвойными лесами; прямо в воде стояли отвесные скалы, упираясь острыми головками в небесную синь, поодаль высились белоснежные шапки ледников. То и дело навстречу плоту попадались острова, издали походили на копы скошенных трав.

Временами, когда плот начинал в извилистых местах реки делать зигзаги, раздавалась команда лоцмана. Плотогоны дружно брались за кормовое весло и гребли, потом так же дружно, как один, переставали работать веслом. В спокойных местах, где русло реки было широким и прямым, плот шел своим ходом.

Кони стояли, привязанные, в маленькой изгороди, поглядывая по сторонам круглыми фиолетовыми глазами. Обтесанные бревна, сложенные ряда в три-четыре как начало сруба с навесом, плотогоны называют балаганом. В этом месте они разводят костер, обедают, сохраняют еду и одежду, а когда проплывают пороги, то и сами находятся там.

В тихих местах, где не надо было трудиться веслами, плотогоны один за другим подходили к балагану. Вытаскивали навшенистую фанеру, валяли ее в холодной золе, стряхивали и начинали на нее наносить какие-то загогулины, крючки, кругляшки, называя их «буквами». Эти непонятные и смешные знаки на фанере плотогоны по очереди выводили пальцем. Одни называли букву, другие писали. Вдруг поднимался горячий спор, что неправильно написана та или другая буква. Разобраться в этом помогал им русский лоцман. Он шел к ним, широко улыбаясь, и разъяснял, что это за буква. Шум стихал. Головы наклонялись к фанере, рука старательно выводила букву, пальцы не слушались. Даже пот канал со лба. Вот как нелегко было знакомиться с буквами. Но плотовщики увлеченно трудились. А желтобородый им помогал. В дни своей молодости он немного учился в фельдшерской школе и латинский алфавит знал хорошо.

— А ну, оглум*, — обратился к Кызыл-Борттугу один из тувинцев-плотогонщиков, — взгляни на доску и скажи, что здесь написано?

Мальчик смотрел на фанеру и видел какие-то закорючки, соединенные чертой. И они ему ни о чем не говорили. Ему казалось, что на этой тоненькой дощечке трясогузка наследила своими лапками. Кызыл-Борттуг напряженно вглядывался в написанное, но откуда ему знать, что за таинственное слово выведено.

— Здесь написано «Кызыл-Борттуг», — смеялись плотовщики, похлопывая мальчика по плечу.

С завистью на них глядел Кызыл-Борттуг. Он не знает букв, а они вот знают.

— Мы новую тувинскую письменность одолеваем, — объясняли плотогоны мальчику. — Партия и правительство издали Закон о ликвидации неграмотности. Ты тоже будешь учиться.

---

* *Оглум* — сыночек.

А пока смотри, как пишется первая буква.— И они написали на фанере простую заглавную букву «А».— Это твой первый урок. К вечеру выучи эту букву. Смотри, спросим. В школе учительница тоже начнет обучать тебя с буквы «А».

Фанера, покрытая тонким слоем золы, не выходила из головы Кызыл-Борттуга. Он бы ее не выпускал из рук. Но он нашел свой способ упражняться. Из очага он вытаскивал угольки, уединялся и на бревнах, освобожденных от коры, самозабвенно выводил букву «А». К обеду он уже осилил эту букву. Плотовщики похвалили его и до вечера велели выучить вторую букву. Такой успех вдохновлял и окрылял мальчика.

К вечеру русло реки все больше и больше сужалось. Потемневшие скалы, грозные и мрачные, с двух сторон сжимали реку, и волны сильнее билась о бревно.

— Скоро порог,— заговорили плотовщики.— Забушует завтра над нашими головами.

Хутинский порог... Чего только не наслушался о нем Кызыл-Борттуг. Рассказы были один страшней другого. Да и плотовщики о пороге говорили с какой-то настороженностью. Совсем недавно там утонуло пять человек. До сих пор еще тела не найдены. Какие-то сказочно-кошмарные образы возникали в представлении мальчика, когда он начинал думать о Хутинском пороге. Перед глазами возникал огромный белый медведь с раскрытой пастью, прыгающий на все, что проплывало мимо него. Плот все ближе и ближе был от места, где каждого подстерегала смерть. И когда его русский дяденька взял за руку и молча повел к балагану, он подумал, что вот и ему пришел конец.

Но все плотогоны были спокойные и серьезно сосредоточенные. Ни взгляд, ни одна морщинка на их обожженных солнцем лицах не выдавали тревогу и волнение. Они и сейчас не забывали свою фанеру. И как только появлялась свободная минута, бежали к ней. Кызыл-Борттуг восхищался этими людьми. Навдвигался грозный порог, а они, как ни в чем не бывало, учили грамоту, спорили, доказывали друг другу. И в поте лица выводили слова, помогая себе голозой и языком. Настроение этих мужественных людей передавалось и Кызыл-Борттугу. Не о мести отчиму, не о низвергающемся Хутинском пороге думал мальчик. Его цепкий ум был всецело занят изучением следующей буквы алфавита.

В тихой заводи решили переночевать. Плот притянули к берегу железным канатом. Коней вывели на берег, пыльная трава сама тянулась к их мордам. Здесь же у воды развели костер. Розовые блики огня прыгали на лицах плотогонов.

Огонь костра оранжево-синим языком жадно лизал бересту, которая корчилась, свивалась, чернела и рассыпалась. Вечер-

ния прохлада забиралась Кызыл-Борттугу под халат, касалась спины и плеч. Он подошел к костру и с наслаждением протянул к теплу свои руки.

При свете костра старший плотогон, увидев, что маймаки Кызыл-Борттуга окончательно промокли, закричал:

— А ну-ка, малек, сейчас же съими маймаки! А не то продрогнешь... Так-то и захворать недолго.

Пока Кызыл-Борттуг с трудом стаскивал мокрую обувь, рыжебородый лоцман сходил на плот за своими сапогами и положил их возле него.

— Надевай. И ногам твоим будет, как у Христа за пазухой.

После рваных маймаков сапоги русского дяденьки показались удобными и теплыми, хотя голенища их доходили Кызыл-Борттугу почти до пояса.

Лоцман посмотрел на мальчика, спрятав улыбку в густые заросли бороды.

— Теперь ты настоящий плотогон,— зарокотал своим низким голосом лоцман, и все засмеялись. Доброжелательством и теплом повеяло от этих слов и смеха. Русский принес Кызыл-Борттугу еще и свою телогрейку. Мальчик ее надел. Полы стеганки доходили до щиколоток, рукава доставали землю.

От вкусного ужина, пахнувшего дымком, и тепла отяжелели веки. Лоцман, увидев, что мальчонка умирится, положил свою шершавую тяжелую руку на непокорные вихры его.

— Отдохни, малек. Завтра рано вставать.— Уложили Кызыл-Борттуга спать, укрыли и подоткнули со всех сторон.

Тишина. Такая стояла кругом тишина, будто горы, деревья, небо и одинокие звездочки, как вычищенные медные монеты, вдруг размякли и растворились совсем. Кызыл-Борттуг всем существом вслушивался в тишину. И вдруг она ожила. Волны, мягкие, как тоджинские лайки, подползали к берегу и ластились, потом игриво откатывались, унося с собой шуршащую гальку. Потрескивал догоравший костер. Ветер уснул, сложив свои крылья. И не мешал ветер дуновеньем своим дыму подняться над землей, укутывать реку своей легкой белесой пеленой.

Кызыл-Борттугу вся земля казалась ласковой колыбелью, и невидимая рука укачивала его, навевая сладкую дрему. Плотовщики сидели у костра, иногда подшуровывая его, курили и вели меж собой неторопливую беседу. Кызыл-Борттуг не заметил, как погрузился в глубокий сон.

...Ранним утром плот подплывал к порогу. Еще издали молочные белые кипящие буруны прыгали и падали, разбиваясь вдребезги о камни, которые, как крыши юрт, торчали из воды. Плот качался на волнах, и Хутинский порог перед ним раскрыл свою ненасытную пасть. Рев дико скачущих волн подхватывал ветер, уносил далеко в горы, ущелья, поднимал на скалы, и

взбунтовавшийся голос природы эхом возвращался назад. От шума в ушах ныло, в глазах рябило.

Лоцман дал последнюю команду прямо перед порогом. Плотовщики убрали весла и побежали, захватив Кызыл-Борттуга, па балаган. Мальчик крепко ухватился за них и не хотел отпускать от себя. Огромные валы несколько раз накрывали плот, и наконец он вошел в коридор между двумя подводными скалами. Потом верхний став высоко подпрыгнул на гребень ревущей волны, которая бросила вниз весь плот, будто тоненькую щепку. Шипящая волна с ног до головы окатила людей. Вот и хвостовой став, подброшенный волной, стремглав слетел вниз. Волны прыгали через плот, набрасываясь на людей и коней, и казалось, что какие-то чудовища хотели их утащить в кипящую бездну. Кызыл-Борттуг держался обеими руками. По лицу его текла вода. Плот еще несколько раз погружался в воду. И только головы лошадей чернели в волнах. Они от страха жалобно ржали.

Кызыл-Борттуг не успел опомниться, как все уже было позади. Еще несколько валов уже меньшей силы прокатилось по плоту. Но они доставали только ступни ног. Наступило затишье. Плотовщики не успели еще перебраться впечатлениями, как впереди показался новый порог, но он по сравнению с Хутинским был не страшен. Здесь волны походили на белых овец, и прыжки их не наводили ужас.

— Благополучно миновали, братцы, оба порога,— загремел голос старшего.— А теперь грэби на место!—скомандовал он, и спокойная радость слышалась в его словах.

Плотовщики на носу и корме поставили грэби и встали к ним. Лоцман подавал команду, и они, по очереди взмахивая веслами, направляли плот по нужному руслу.

Волны будто устали и затихли. Перекатов не стало. Вперед показали протоки. Плотовщики, подняв грэби, сходились, чтобы сделать перекур. Они не торопясь доставали кистеты, набивали трубки и с наслаждением затягивались, вступая друг с другом в разговор.

Первый человек, с которым Кызыл-Борттуг познакомился на плоту, подмигнул ему, щелкнул языком, из-под вороха мокрых вещей достал совсем сухую фанеру и начал на ней выводить большие и маленькие буквы, точь-в-точь похожие на коров и телят. «Какие замечательные люди,— про себя думал Кызыл-Борттуг.— Они ничего не боятся и преодолевают всякие трудности на пути к намеченной цели».

Их плот миновал все узкие и опасные места. Воды Пий-Хема вынесли на своих волнах плот на простор. Казалось Кызыл-Борттугу, что и для него впереди открывалась широкая дорога.

ЕЩЕ ДЕНЬ. ОТЧИМ ЗАПЛАКАЛ. ГОВОРЯТ И ГОВОРЯТ

Ревсомолец Маады Кызыл-Борттуг вернулся в Хут. Долго его не было тут. Четыре полных года.

Кызыл-Борттуг, учась в Кызыле, каникулы проводил прямо в школе. Дорога до дому была дальняя, да там его никто и не ждал. А последние два года он проводил лето в пионерских лагерях.

Культурная революция в Туве была в разгаре. В Кызыле открылись партийная школа и учебный комбинат, а в хошупах широко распахнулись перед аратскими детьми начальные школы. В сумонах появились ликпункты и красные уголки. Все силы были направлены на ликвидацию неграмотности.

Грамотные кадры стали нужны, как воздух. А где их взять? Невозможно было ожидать тех, кто, получив начальное образование, закончит среднее или высшее. На это ушли бы десять—двадцать лет. Поэтому люди, едва обучившись грамоте, учили других.

Кызыл-Борттуг одно лето учительствовал в Улуг-Хемском хошуне. В следующее лето он поехал на свою родину — в поселок Хут. Ехал он туда по собственному желанию.

Араты перекочевывали на чайлаги. Серебристый голос кукушки возвещал весну. Зеленый бархат травы, расшитый множеством ярких цветов, расстился по земле.

Кызыл-Борттуг из сумона ехал на перекладных. Настроение его было приподнято. После долгой разлуки красота родных мест особенно волновала его, и сердце, словно ласковая птица, билось в груди. Каждое мгновение приближало его к дому. Но вместе с радостью в мыслях юноши возникали другие образы и события. Он думал о том, как постепенно становился на собственные ноги... Вот лицо отца с большими карими глазами. Оно доброе, доброе. Вот плачущая мать... Потом перед глазами возникло бездыханное тело отца...

За четыре года Кызыл-Борттуг многому научился и многое познал. Более того, он свои знания передавал другим. Повзрослел, но был таким же тихим и скромным, как в детстве. А мог бы с шумом и треском явиться в аал, пустить пыль в глаза. Дескать, теперь я важная персона. И вы мне в подметки не годитесь. Я выучился. И знания мои глубоки, как море. И сам я возвышаюсь над вами, как Тандинский хребет над холмами.

Нет, не так был воспитан ревсомолец Маады Кызыл-Борттуг. Он — человек нового времени и представитель нового поколения. Не хотел Кызыл-Борттуг, чтобы при встрече с отчимом остался в сердце его тяжелый осадок горечи. В своем несладком детстве он никого не обвинял, а осуждал феодальное прошлое, давившее на бедняка-арата голодом, холодом, унижением его человеческого достоинства. И отец его, и отчим, не

говоря уж о матери, были настолько забыты, унижены, что не сразу поняли великие новшества и изменения, происшедшие в Туве.

Вот Кызыл-Борттуг подъехал к юрте матери, спешился и привязал коня. Из юрты высыпали ребятишки и, не узнав, что перед ними их старший брат, юркнули обратно.

Зайдя в юрту, Кызыл-Борттуг широко улыбнулся, будто говорил: «Вот я и вернулся».

— Здравствуй, мама.— Пожал сперва он руку матери. А отчим оторопел. Он с трудом узнал своего пасынка. Перед ним стоял стройный молодой человек с аккуратно подстриженной головой, с открытым лицом, на котором выделялись задумчиво-глубокие глаза. Все было в нем ладно. Тонкую талию стягивал широкий пояс. На ногах блестели хромовые сапоги. Спереди на гимнастерке не было ни одной морщинки. И в уме отчима заметались мысли. Да, это Кызыл-Борттуг. А давно ли он еще был ребенком? Будто только вчера ударом ноги из рук оборванного и обросшего чумазога мальчика выбил он миску с горячим супом. «Нехорошо,— мысленно раскаивался отчим за давний поступок свой,— вино еще никого никогда до добра не доводило».

Кызыл-Борттуг все понимал и дал отчиму время прийти в себя. И только тогда, взяв его руку в свою, приветливо сказал: «Как вы поживаете, мои старики? Между прочим, вы почти не изменились. Это хорошо. Не так ли?»

Он не стал дожидаться ответа, а отошел к ребятишкам. Маленьких подержал на руках, средних погладил по головкам, старшим пожал руки.

Проворно двигались руки матери. Она готовила еду. Отчим не знал, как ему поддержать беседу. Но Кызыл-Борттуг не показал виду и, как ни в чем не бывало, сам повел рассказ о годах учебы.

Наконец мать подала сыну пиалу с чаем, а отчим как-то растерянно поглядел по сторонам. Вдохнул и через некоторое время нарушил молчание:

— Как-никак сын приехал. Надо бы сообразить насчет араки.

— Не беспокойтесь,— улыбнулся Кызыл-Борттуг,— я к этому равнодушен.— Но мать уже встала и подошла к кадлушке с хойтпаком.

Кызыл-Борттуг занес даалын* и начал его развязывать. Перво-наперво он начал обделывать братишек и сестренку сахаром. Каждый из них получил удивительно подходящий подарок. Кто в руках держал куклу с золотыми кудрями и синими

---

* *Даалын* — кожаный мешок.

большущими глазами, кто рассматривал полосатый шар, кто с восхищением наблюдал за заводной автомашиной, а кто любовался на собачку, которая при нажатии на кнопку пищала, кто глаз не спускал с коричневого бархатного медвежонка... Сроду не видывали в здешних местах таких необыкновенных игрушек. Некоторые из ребят от испуга заливались горячими слезами и боялись брать игрушки в руки. Один за другим тянулись детишки из соседних юрт и, восхищенные, впивались блестящими глазами в игрушки. Кызыл-Борттуг угощал их сахаром.

— А это тебе, мама,— протянул Кызыл-Борттуг матери шерстяную вязаную кофту. Мать растерялась и не знала, как принять подарок сына и бесконечно долго обтирала руки о полы своего далеко не нового далембового халата.

«Мне не может быть подарка»,— подумал отчим и, пощупав кофту, щелкнул языком:— Не одежда, а теплушка, кадай. Радуйся подарку.— И опять, не найдя чем заняться, он стал без надобности шуровать огонь в очаге.

Кызыл-Борттуг вынул из дорожного мешка кожаную хромовую тужурку и протянул ее отчиму. Старик не поверил своим глазам и стал отмахиваться. Тогда Кызыл-Борттуг сам надел на отчима куртку, и он, как ребенок обрадовавшись, засмеялся и сразу замолчал: какой-то комок в горле застрял, и соленые непрошенные капли закапали из глаз. Старик их быстро стер и начал громко прокашливаться.

— Как ты мог такую дорогую вещь покупать, сынок?— спросила мать.

— В прошлое лето я учительствовал, мама, и мне платили жалованье,— ответил Кызыл-Борттуг.

Когда мать приготовила араку и отчим приложился к ней три-четыре раза, то уж без стеснения от умиления заплакал. приговаривая:

— Это лучший день в моей жизни. Пусть длится он долго-долго...— Кызыл-Борттуг свернул на другое его речи:

— Давай, отец, расскажи лучше о делах хозяйственных.

— Да будет все по-твоему, сынок,— согласился захмелевший старик.— Только помни, что я тоже не забывал, что за горами и реками есть у меня сын, и я о нем заботился, ждал его домой.— Он посмотрел с гордостью на юношу и сказал:— У тебя есть три коня. Мы их для тебя растили и выкормили.

— Они мне не нужны. Возьмите их себе. Продайте одного коня и купите плуг. Весной в Туране посеете просо. Сейчас в хошунах организуются артели, и араты, объединившись, трудятся сообща. Завтра я подробно обо всем расскажу вам,— пообещал Кызыл-Борттуг.

О том, что ревсомолец Маады Кызыл-Борттуг будет препо-

давать в летней школе в Хуте, стало назавтра же известно всем соседним аалам.

Мужики меж собой толковали:

— Кызыл-Борттуг с малых лет был умным да тихим ребенком.

— Мужчиной стал. Ох, и досталось ему в детстве! Тяжелое оно было у него.

— Говорят, и дальше будет учиться.

— Вот вам и сирота.

А женщины вдавались в подробности и, захлебываясь от восторга, сообщали друг другу:

— Матери-то в подарок, говорят, сильно хорошую одежду привез.

— А отчиму отдал куртку из сафьяна.

— А помните, как отчим его выпгал?

— И лошадей своих отдал отчиму.

— И сказал, чтобы плуг купил себе отчим.

— И еще говорил, чтобы отчим сеял хлеб.

Ребятишки, перебивая друг друга, говорили:

— Эх, нам бы такого брата.

— И сахар привез, и игрушек до полна.

— Папа с мамой братишку хотят в школу отправить.

— Я записался в летнюю школу.

— Я тоже.

Только сверстники Кызыл-Борттуга робели. Они боялись приблизиться к нему, заговорить. И, чтоб лишний раз взглянуть на него, использовали дырочки в своих старых юртах. И украдкой следили за ним при дойке коров. Хотя и издалека, но глаз с него не спускали. Девушки щебетали друг дружке на ухо:

— Четыре года проучился и четыремя специальностями овладел, говорят.

— Левша, говорят.

— По-русски и по-тувински говорит.

— По утрам, говорят, ногами и руками дрыгает.

— После мытья, говорят, мажется какой-то пахучей водой.

— Невеста у него, говорят, русская.

— Она, говорят, сроду в руках не держала коровий сосок.

— Не трещите, как сороки. Все равно он наш хутинский паренек.

— Что ни говорите, а он все же сейбинский.

Только парни-сверстники помалкивали. В общем-то они видели, что стар и млад прониклись к Кызыл-Борттугу уважением. Его даже по имени не называли. И где бы только не сказали «башки»*, все знали, что речь идет именно о нем. А роди-

* Башки — учитель.

тели в пример своим детям указывали только на него: «Вот у кого надо учиться. Каким человеком стал».

Молодежь подражала ему. Старалась быть вежливой, начала следить за чистотой одежды. В честь его трех-четырёх младенцев родители называли Кызыл-Борттуг. А осенью много юношей и девушек поехали учиться в Кызыл. Словом, Кызыл-Борттуг, приехав в Хут, стал живым примером того, к чему должна стремиться молодежь.

ЛЕТНЯЯ ШКОЛА. ПЕРВЫЙ УРОК. ПОРТРЕТ ЛЕНИНА. САМЫЙ СЧАСТЛИВЫЙ ЧЕЛОВЕК

На бугорке, среди юрт аратов, сумонных таргаларов под летнюю школу смастерили высокий навес. Из обтесанных листовенниц араты сделали столы, скамейки. Плотники постарались, прикрепив мебель намертво. Ножки столов и скамеек были глубоко врыты в землю.

В день сбора ученики спозаранку пришли в школу. К ней подходили пешком, на лошадях и даже на быках, примостившись на спину по двое. Среди пришедших в школу одни были в маймаках, а другие совсем босиком. Многие родители привели своих детей. Каждому было интересно узнать, что же это такое школа, как она выглядит.

Вскоре в сопровождении председателя Хутинского сумона и Кызыл-Борттуга показались тарги. Они накрыли красным полотном стол учителя и положили стопками тетради, учебники в зеленых обложках, на которых было выведено «Букварь». Возле книг лежали карандаши.

За свежеструганными, непокрашенными столами, пахнувшими смолой, сидело около тридцати учеников, не отрывая глаз своих от тетрадей и карандашей. Кызыл-Борттуг охватил потешливым взглядом всех ребят. Среди них за партами сидели дети 7—8 лет, у которых только что начали выпадывать молочные зубы, и сверстники учителя. Араты со всех сторон окружили своих детей.

Председатель сумона любил витиевато говорить. Но речь его, пересыпанная цветистыми оборотами, была быстра, как пулеметная очередь. Он поздравил всех с открытием летней школы и сказал, какое она имеет значение для всей мировой революции. И в конце своей весьма краткой речи пожелал ребятам, вооружившись знаниями, стать золотым фондом государства — грамотными, способными созидать.

Аратам не хотелось расходиться. Им хотелось посмотреть, как проходит урок, послушать, что на нем говорят. Кызыл-

Борттуг всем сердцем понимал вспыхнувший интерес этих людей к занятиям.

— Если хотите послушать урок, то — пожалуйста, оставайтесь.

И все остались.

Кызыл-Борттуг взял в руки список и стал выкликать фамилии. Познакомившись со своими учениками, он рассказал ребятам о дисциплине и режиме их летней школы. Потом поднялся с места и начал свой первый урок.

— Ребята, — тихо произнес учитель, и все замерли. Тишина была такая, что слышалось дыхание людей. А Кызыл-Борттуг продолжал: — Вы сегодня впервые открыли двери в мир знания. И этот день в вашей памяти останется самым светлым и незабываемым. Вы счастливые дети повои Тувы. Вы должны помнить, как тяжело жилось нашим отцам, матерям, дедам и прадедам. Их жизнь была сплошным мучением. На плечах лежал двойной гнет. Народ говорил, что на их ногах виднеются следы шрамов от цепей своих феодалов и чужеземных захватчиков.

Кызыл-Борттуг говорил детям о невероятно мучительном существовании бедняков-аратов во время феодального строя.

— Вы должны знать, ребята, что только благодаря великому Союзу Советских Социалистических Республик араты смогли создать свое народное государство, лежащее между Саянским и Тандинским хребтами, где жизнь стала свободной и вольной. — Кызыл-Борттуг видел, как загорелись глазенки его учеников, казалось, что они вбирают в себя каждое им сказанное слово. Голос его креп. — В 1917 году в России победила Великая Октябрьская революция. Ею руководила большевистская партия, организованная гениальным вождем человечества Лениным. У него были выдающиеся способности и талант революционера. С детских лет Ленин любил книги и был примерным учеником. Когда он был маленьким, звали его Володей.

Кызыл-Борттуг на мгновение остановился. И эпизод, прочитанный им о маленьком Володе в книжке, сам по себе пришел на память. И он продолжил рассказ об Ильиче: — Один раз, ребята, Володя шел по дороге. Он держал в руках книги. Навстречу шли гуси с гусятами. Увидев мальчика, гусак вытянул шею, зашипел и угрожающе двинулся к Володе, чтобы защитить от него своих детенышей. Если б мальчик был труслив, то с воплем побежал бы от гусиного стада наутек. Но Володя был не из пугливых. Он поднял книги над головой и стал отбиваться от гусей ногами. В таком воинственном положении застала его сестра и увела. Володя даже в минуту опасности не расстался с книгами.

В глазах ребят загорелись веселые огоньки, и улыбки, как солнечные зайчики, бегали на их губах. Но взрослые не менее

увлеченно слушали учителя. Любовь к книге маленького Володи, его смелость, сообразительность восхищали аратов, и они, не замечая этого, вдруг зашептались, и небольшой шумок, как порыв ветра, пронесся над головами учеников.

— Удивительно прекрасную, но и трудную жизнь прожил Ленин, посвятив ее полностью борьбе за освобождение угнетенных. Недалеко от Тувы, у подножия Саянских хребтов, на берегу реки Шушь, в селе Шушенском, жил Ленин, сосланный царскими властями. Но никакая сила не смогла сломить революционную волю вождя. Враги ненавидели его и решили отомстить. И вот в 1918 году прозвучал выстрел. И ядовитая пуля, направленная вражеской рукой, ранила Ленина...

Все замерли.

Кызыл-Борттуг подробно рассказал, как лечили вождя, как рабочие и крестьяне заботились о здоровье его и как снова Ленин приступил к работе. Все вздохнули с облегчением и успокоились, готовые дальше слушать о жизни необыкновенно прекрасного человека, сердце которого, как факел, горело для других людей, освещая и согревая их. Сердце Кызыл-Борттуга радостно забилося, когда он почувствовал, что каждое слово, сказанное им, принимается учениками и взрослыми аратами, как что-то кровное и близкое. И словно крылья подхватили учителя. Он рассказывал вдохновенно. И все, что говорил учитель, было связано с именем Ленина. Величественное здание социализма росло перед глазами слушателей, выстроенное в СССР по заветам вождя.

И, конечно, Кызыл-Борттуг не мог умолчать о великом горе, охватившем все человечество:

— В трескучий морозный день 21 января 1924 года все трудовое человечество мира осиротело: на 54 году своей жизни скончался горячо любимый вождь трудящихся Владимир Ильич Ленин.

Когда Кызыл-Борттуг произносил эти слова, то голос, помимо его воли, задрожал, в глазах зацепало, в горле застрял какой-то комок и слова приходилось выталкивать с трудом. Они застревали где-то в груди... Учитель сделал паузу, чтобы взять себя в руки, и услышал, как кто-то позади учеников всхлипнул. Это была молодая женщина со спящим ребенком у груди, приведшая сына в школу. Она, заметив на себе взгляд Кызыл-Борттуга, отвернулась и стала вытирать глаза. И тогда он увидел, что, кроме грудного, у нее еще был с собой ребенок. Он держался за подол матери и готов был зареветь. Видимо, ему стало жаль маму, которая почему-то вдруг заплакала. Снова щемящая боль полоснула сердце Кызыл-Борттуга, но учитель пересилил себя... Молча стояли араты. Их головы сникли, словно полные колосья после проливного дождя.

И до этого не раз хутинские араты слышали о Ленине. Но в образном рассказе учителя Кызыл-Борттуга Ленин стоял, как живой, перед глазами слушателей.

— Ребята,— начал Кызыл-Борттуг,— великий Ленин умер, но дело его будет вечно жить. И уже на одной шестой части земного шара — в СССР учение вождя воплотилось в жизнь. По ленинскому пути идут народы Монголии и Тувы. Но будет время, когда учение Ленина победит во всем мире. А чтобы приблизить его, надо упорно учиться, ребята, вооружаться знаниями. Вот тогда вы сможете успешно бороться за дело Ленина, за дело Коммунистической партии, организатором которой был Владимир Ильич.

Кызыл-Борттуг достал большой портрет вождя и прикрепил его к доске.

— Вот он, Владимир Ильич Ленин. Человек, который боролся за то, чтобы вы учились, трудились и счастливо жили.

На задних партах ребята повскакали. Им хотелось хорошенько рассмотреть портрет Ленина. Араты тоже совсем близко подошли к партам.

— Кончился первый урок, сейчас идите на перемену,— объявил Кызыл-Борттуг. Куда там! Никто не думал расходиться. Ученики и родители обступили доску. С портрета на них; сердечно улыбаясь, необыкновенно тепло смотрел Ленин с остроконечной бородой и высоким лбом, под которым светились глубокие, чуть прищуренные глаза.

— Ленин,— шептали губы детей и взрослых.

Кызыл-Борттугу казалось, что имя Ленина подхватило все вокруг и зазвучало над зелеными кронами сосен и лиственниц, в распластанных крыльях парящих птиц, в расплавленном серебре голубого неба и в сердцах аратов.

Взгляд Кызыл-Борттуга переходил от портрета вождя на лица учеников, на лица аратов, и небывалая радость охватила все его существо от мысли, что он, народный учитель, стал проводником великого учения Ленина. И подумал Кызыл-Борттуг, что на всем белом свете нет человека счастливее его.

Владимир ЕРМОЛАЕВ

ЕНИСЕЙ—ВЕЛИКАЯ РЕКА

1. „МИНУСЕНОК“ И ЭХО ГОР

Маленький пароходик «Минусенок» в 1924 году с помощью лебедек перебрался через Большой порог. Когда выбрался на верхнее плёсо, подсчитал раны, полученные в борьбе с бушующими волнами, не желавшими пускать смельчака через порог. С помятыми боками и одной пробойной пришел он в Кызыл. От порога до Кызыла тоже немало встретилось неприятностей, а больше всего мелей и перекатов, на которых «Минусенок» изрядно прошоркал свое железное днище. А все оттого, что он имел большую осадку.

Ремонтной базы в Кызыле не было. Пришлось команде «Минусенка» своими средствами залечивать раны. За зиму справились. Заделали пробоины, сменили несколько листов обшивки, исправили погнутый руль. Весной 1925 года пароход мог начать разведочные рейсы, а в середине лета была сделана попытка дойти до Хутинского порога.

Инициатором и этого похода были торгово-кооперативные организации, отделения Центросоюза и Госторга, их поддерживало консульство. Пассажиров было немного — по одному представителю от Центросоюза, Госторга, местной кооперации и нас двоих от кружка урянхования. Начальником этой импровизированной экспедиции был заведующий пароходством Верхнего Енисея Лукьянов. От Тувинценкоопа — Суховский, от Госторга — Серебренников. Основная цель: разведка русла реки до порога, а если будет возможность, то и за порогом, на предмет использования водного пути для переброски грузов в Тоджинский район.

Все мы, в том числе и сам капитан «Минусенка», фамилия которого, к сожалению, не запомнилась, не плавали до Хутинского порога, поэтому навигационные заботы были возложены целиком на лодмана Полежаева, который несколько лет водил плоты через порог. Но плот — одно дело, а пароход, идущий вверх по реке, — совсем другое. При большой осадке «Минусенка» мы в любом месте могли удариться о подводную скалу или налететь на мель. Так оно и случилось. На перекате километрах в десяти от Кызыла, спасаясь от мелкого места, наткнувшись на камень у правого берега. Отделались на первый раз небольшой вмятиной на левой щеке «Минусенка».

Чудесные пейзажи, открывшиеся перед нами, заставили забыть тревоги и опасения насчет шивер и кампей. Мы перестали со страхом оглядывать белые барашки перекатов, нависшие над рекой скалы, крутые повороты, за которыми чудились всякие препятствия. Даже в Сибири мало таких рек, как Енисей. Он необыкновенно красив в своих скалистых берегах.

Маленькая речка Сесерлиг со ступеньки на ступеньку под защитой кустов красной смородины и крыжовника сбегает к Енисею в том месте, где его тесно прижала к скалам река Тапса. Оказывается, и небольшие реки могут теснить великанов. Столетиями выносила Тапса из своей долины перемолотые породы, гальку, глину в Енисей, постепенно оттесняя его к правому берегу. Он смывал ее выносы, создавая из них острова и отмели, но не успевал унести все, что она подбрасывала ему каждый год. А Тапса еще и еще нагромождала галечниковые террасы, заставляя его отступать и подмывать крепкие песчаники. Так образовалась цепь скалистых утесов правобережья. Можно много раз пройти под стометровыми отвесными утесами и каждый раз непременно открываются новые и новые очертания разрушающихся пород. Но лучше под скалой подолгу не стоять — неровен час, может отколоться остроребрая глыба и...

Когда проплывали мимо утесов, капитан вдруг крикнул:

— Смотрите!

Над узкой щелью, где каскадами падал Сесерлиг, к небу поднималось серое облако пыли, со стены утеса валились огромные камни, с грохотом и гулом шлепались в Енисей, поднимая фонтаны брызг. Сесерлиг, каплями, топкими струйками проникая в щели породы, медленно, но верно разрушал ее.

Был такой случай. По заказу кызыльского кожевенного завода каменотес Жиров обработал каменную плиту — два на полтора метра в сорок сантиметров толщиной, предназначенную для отделки кож. Плот, на котором заказчик должен был уплавить плиту в Кызыл, по какой-то причине задержался на сутки, а за это время упавшим с утеса монолитом огромную плиту разбило на мелкие куски...

Не доезжая до устья Шивилига, нас встретила криком гусиная пара, поднимающаяся с большого острова Гусипого. Теперь, конечно, это предание старины глубокой, а в то время действительно остров оправдывал свое название. Ежегодно на нем гнездились и выводили птенцов сотни пар крупных гусей. На острове они чувствовали себя вольготно. Почва каменная, травяная растительность худосочная, растут одни тополя да караганники. Таким хищникам, как лиса и волк, там плодиться невыгодно — мало мышей и других мелких грызунов, а птицы — пища сезонная.

От Шивилига вверх Енисей идет в «трубе». Слева и справа видны обнажения горных пород, изогнутых в причудливые складки. Лесу мало, он высоко в горах — это лиственница, ель и кедр.

Очень красивое место при устье Бередры. Енисей там делает крутой поворот. Берег состоит из голы скалы. Берединская пойма постепенно уходит на многие километры в горы. На ней в то время кочевали животноводы. На берег высыпало все население юрт. Пароход на Пий-Хеме в то время мог казаться чудом. Выше устья Уюка Енисей убыстрял течение, а выше еще более сужалась долина. Каменные берега поднимались на сотни метров, горы становились выше. Мы подходили к подножию горного хребта Академика Обручева.

Из-за боязни налететь на подводные камни или мель мы шли средним, а иногда и совсем тихим ходом. Время подходило к вечеру. За устьем Уюка, километрах в пяти, решили остановиться на ночевку. Пристали к левому берегу — он был не так крут, как правый, но за сушиняком для костра пришлось лезть метров двадцать откосом.

Пассажиры занялись кто рыбалкой, кто пошел побродить по лесу с ружьем, в надежде встретить глухаря или на худой конец — рябчика. Все охотники в сумерках вернулись, не сделав ни одного выстрела. Более удачливыми оказались рыбаковы: Суховский поймал двухкилограммового ленка, а Серебренников — полтора десятка крупных черноспинных хариусов. Повариха Аксюша варила уху в двух котлах.

Вечер был тихий. Только Енисей негромко плескался о борта парохода да в тайге изредка ухал филин. До зари сидели у костра. Рассказывали истории из жизни охотников, рыбаков, золотоискателей... А главное, наслаждались чудесной ночью.

Зеленые струи Енисея, горный воздух, насыщенный ароматами хвойного леса и сочных таежных трав, грозный рев двух, вероятно, поспорившихся медведей, звонкие голоса птиц, встречавших песней утреннюю зорьку, — таким было то утро, когда мы, загасив ночной костер, по узенькому трапу заходили на свой корабль. Перед тем, как отойти, «Минусенок» три раза

прогудел своим резким свистком. Впечатленнее было потрясающе: эхо на разные голоса десятки раз повторяло гудки, оно отскакивало от камешных степ утесов, грохотало высоко в таскылах, замирало совсем и вдруг опять возникало где-то в далеком ущелье... Мы не утерпели от соблазна: попросили капитана погудеть еще. И опять заиграло эхо в догонялки, то громко, то тихо перекидывалось с берега на берег, казалось, каждый камень в русле и сама река в дикой радости повторяли впервые услышанный звук. Пройдя километра три выше, погудели еще, но там эхо не ответило.

Ожу — бурная горная речка, каскадами падающая в порожистом русле. В весеннее половодье и после обильных летних дождей она «дурит». Больше всего ее характер проявляется при впадении в Енисей, где ей приходится штурмом пробиваться в узком ущелье меж крутых гор.

Размывая скалистые берега, Ожу засоряет Енисей. По ее милости мы битых три часа скреблись на маленьком перекате, сооруженном ею в русле Пий-Хема. Мотор «Минусенка» старался изо всех сил, кочегар бросал в топку котла самые жаркие смоленые дрова, пар нагоняли до критической отметки, а пароход никак не мог перешагнуть злополучный перекат. Пришлось спустить долбленку, переправить на берег людей с тросом. Когда к семидесяти индикаторным силам «Минусенка» добавили пять человеческих, он сдвинулся с мертвой точки.

К устью реки Подпорожной шли осторожно, обходя видимые и скрытые под водой камни.

В полдень с трудом дошли до Подпорожной. При первом же взгляде на большие валы, поднятые береговыми скалами, стало ясно, что нашему судну выше не подняться. Некоторые пассажиры предлагали попытаться дойти до порога. «Он же совсем близко», — говорили они. Капитан только иронически усмехался:

— Я не о том мечтаю, как идти вперед, а думаю, как бы благополучно поворотить носом назад и доставить вас домой. Боюсь, как бы не пришлось нам пятиться отсюда: разворот при такой ширине реки для «Минусенка» рискованный. Камни. Вон они торчат! Не посом, так кормой того и гляди...

Короче говоря, оставив на «Минусенке» дежурного, все отправились к порогу пешим порядком.

Порог оскалился каменными зубами поперек всего русла. Ни один лодман не рискнет перескочить через них: любой плот пережуют и выплюнут по бревнышку. В то время у правой стороны высоко поднималась из воды «Копна» — огромная скала. Между нею и берегом проходили плоты. В 1944 году бригада взрывников во главе с техником Диковым взорвала «Копну» и множество других камней в русле реки. Не из легких была

работа, всю зиму трудились. Приходилось выбирать самые морозные дни, чтобы добраться до подводных скал. Без выморозки их невозможно было убрать.

Раньше, когда едешь, бывало, зимней дорогой по Енисею. Камни в пороге, как противотанковые надолбы, торчали под осевшим льдом. Не замерзала только часть порога, где течение особенно быстрое. Сильные ветры не давали снегу осесть на льду в районе порога, он всегда оставался прозрачным, отполированным.

Наутро собрались в обратный путь. Кроме капитана, никому не хотелось так скоро покидать порог.

Капитан был озабочен. Вдвоем с помощником они сели в лодку и, рискуя перевернуться на валах, сплавали на ту сторону. Внимательно, насколько позволяло стремительное течение, осмотрели фарватер и решили немного спуститься кормой и там развернуться. С полсотни метров «пяtilись». Оказалось, что спускать длинное судно на узкому руслу быстрой реки не такое простое дело. Когда стали разворачиваться и судно встало поперек реки, его подхватило течением, понесло. В этот момент «Минусенок» ударился дном о подводный камень и его так качнуло, что Суховский и Лукьянов, стоявшие на левом борту, чуть не свалились в реку... Уже почти развернувшись, пароход еще раз хрустнул дном, но выправился и тихим ходом пошел по середине реки.

Через несколько часов без особых приключений причалили к берегу. Ведер двести выкачали воды из «Минусенка». Пробоина была небольшая, но команде пришлось повозиться несколько дней с ремонтом.

В общем рейс был вполне благополучен, только торговые представители остались недовольны: «Минусенок» для перевозки грузов не годился. Не всем смельчакам прощал Енисей нарушение его покоя. «Стрела» — такой же пароходик, как «Минусенок», только чуть поменьше, пытался пройти на Верхний Енисей. Ему не повезло. В Джойском пороге, при попытке обойти большой камень, его перевернуло волной. Вся команда, за исключением девушки-буфетчицы, спаслась.

Монгуш ОЛЧЕЙ-ООЛ

РАССКАЗЫ ДЕДУШКИ ХООРЭЭРА

Этого деда я помню до сих пор. Его седая голова, веселые озорные глаза, козлиная с проседью борода, растопыренная во все стороны, крепко сбитое тело — все это перед моими глазами.

Но всего сильнее в моем сознании запечатлелись его интересные и потешные рассказы.

И очень жаль, что этого веселого деда не стало. Он умер несколько лет тому назад. Я попытаюсь кое-что вспомнить из его рассказов.

Звали этого деда Хоорээр, вернее, прозвище у него было такое.

Сумеречными вечерами у одного из родников Ак-Турута не раз, бывало, сидели мы вдвоем с Хоорээром. Перед тем, как начать рассказывать, он обычно шумно сосал свою таволожную трубку. Все в нем находилось в состоянии покоя, только глаза его, кажется, что-то высматривали. Устанавливалась необычная тишина. Слышно было, как ветер едва пошвыстывал в деревьях да монотонно журчал ручеек.

Вдруг где-то вдалеке раздается протяжный рев: косуля зовет друга.

Дед, словно проспавшись ото сна, вздрагивает и резко, несколько позволяет ему старость, вскидывает голову.

— Так это же марал, сынок! — оживляется дед, и в старческих глазах его появляются бесики. Повод для очередного рассказа есть!

КАК Я ОБУЗДАЛ МАРАЛА

В молодости у меня была такая болезнь, мальчик: мне постоянно хотелось бродить по тайге, плыть на салике по бурливым таежным речушкам. Наверное, я не мог бы прожить без

этого. Вокруг меня за сотни километров не было дебрей, где бы не был я и не знал их, как свои пять пальцев.

Моя любовь к тайге была взаимной: она относилась ко мне милосердно. Я гордился несметными богатствами и дарами тайги, как своею собственностью.

Тогда, кажется, было лето, самый разгар его. Я пришел в местечко Балдырган, что в верховье Чаа-Холя. Ты, сынок, наверно, видел солонцы на южной его стороне? Кто только не приходит туда: и маралы, и медведи, и косули — вся живность тайги, словом.

Был яркий солнечный день. Проходя мимо этих солонцов, я заметил спину какого-то крупного зверя — не то марала, не то косули. А головы не видно: зверь, вероятно, облизывал солонцы.

С собой у меня не было ни ружья, ни ножа, потому что не для охоты я шел сюда. Но мое охотничье сердце так и взывало не пропускать добычу. Я подкрался к нему и — хватя за обе ноги! Честно признаться, такого сильного зверя я никогда не встречал. Уж на что я сильный, а этот зверь меня, как пушинку, волок по земле, и не считал я, сколько раз поднимался с земли до неба и обратно. Половину дороги мы так и провозились, а потом чувствую, что противник мой начинает уставать. Но и у меня колени трясутся, словно пруттик в течении быстрой речушки. А пот прямо градом льется по спине.

Только тогда взглянул я внимательно на своего противника. Им оказался огромный — с гору! — марал. Охнул я: как только я смел на него напасть с голыми руками?!

Я быстро сообразил, что мне делать: развязал аркан, что с собой всегда носил, обуздал марала и привел его домой.

Целый месяц я ухаживал за ним. Он привык ко мне, мы стали друзьями. Но марал часто смотрел печальными глазами на ту тайгу, откуда я привел его, иногда даже из глаз скатывалась слеза, и мне стало жаль: скучает по родному таежному простору. Может, его маралиха ждет, кто знает...

Я отпустил его на волю.

ЗИМНЯЯ ШУБА

Тогда ведь, сынок, не такое, как сейчас, счастливое было время. Каждый со своим скотом жил, где ему вздумается. Скота было немного, но охотников на него — больше, чем достаточно: то придут двуногие, то четвероногие волки. Двуногие — это я имею в виду баев и тужуметов, которые беспощадно обирали простых аратов.

Было это в один из тех годов. Зима стояла невыносимо же-

стокая. К тому же объявился у нас один хитрый матерый волк. Только и было слышно, что волк появлялся то там, то здесь и каждый раз губил много домашней живности. Многие собирались уничтожить его, но волк был неумолим: казалось, что он с неба спускался и тут же в небо убегал.

Однажды я сижу в юрте и пью чай. Вдруг вбегает сосед-старик и, запыхавшись, говорит:

— Поторопись, Хоорээр-браток! Синеглазый пашу последнюю корову разорвал и убежал вон в тот конец степи...

Он даже не договорил, как я пулей вскочил с места и, схватив зимнюю шубу, выскочил и птицей взлетел на своего гнедого.

Немного погодя увидел волка. Я выгнал его из караганника, где он запрятался, и погнал по степи. Вскоре я настиг серого хищника и ударил бичом (я второпях забыл прихватить ружье). Волк остановился и уже готов был кинуться на меня. Я не растерялся, сбросил с себя овчинную шубу и накинул на волка. Голова волка попала как раз в рукав шубы, понимаешь, сынок?

Мне оставалось спокойненько пригнать его в аал. Я снял с него потом свою шубу. Вещи должны иметь своих хозяев, верно? «Шуба» с волка тоже стала моей.

С УТЕСА

Чего мне, старику, за свою долгую жизнь не приходилось видеть! Если я встану — высок, если схвачу — силен. Таков я был. Слава моя гремела по арбанам и сумонам, был я и великим охотником, и добрым чабаном.

И вообще говоря, все я знал. Не ведал только одной смерти.

Раньше я как-то ходил по орехи в тайгу в верховье Чаа-Холя. Сильно был молод я тогда. Мешок я наполнил шишками так быстро, что и чаю сварить не успеешь, сижу спокойненько на вершине высоченного утеса и курю. Отдавшись своим думам, я не замечал ничего вокруг.

Вдруг я услышал рычание какого-то зверя. Вскочил с места в одно мгновение и оглянулся. Гляжу: стоит в каких-то двух шагах от меня огромный медведь, похожий на вывороченные корни огромного тополя, стоит на задних лапах, вот-вот накроет меня. Я забеспокоился, вспомнив, что медведь при нападении на человека жесток и неумолим. Не было у меня при себе ни ружья, ни ножа.

Хотел было я увернуться, но все же угодил прямо в лапы медведя. Ты представляешь, сынок, что значит находиться в

лапах самого хозяина тайги? Хотя откуда, конечно, тебе знать это.

Затрещали мои кости! Но и у него косточки похрустывали от моих объятий. Нелегко было, видимо, меня примять, тогда он решил сбросить с утеса. Я подумал, что нельзя оставлять без наказания этого наглеца. Ведь мысль человека срабатывает мгновенно.

Вот медведю удастся столкнуть меня, но я успеваю схватить его за лапу, и с утеса мы полетели вдвоем. Поскольку медведь в несколько раз тяжелее, он обогнал меня и был уже далеко впереди. Между тем я заметил, что за мной летит моя трубка. Я схватил ее на лету и пихнул за голенище. Потом заметил, что в ладонях у меня что-то зажато: три орешка! Я успел пощелкать их. Упав на землю, я сперва не мог вздохнуть. Приподнял голову и вижу: медведь лежит подо мной. Оказывается, я упал прямо на него. Простонал несколько раз медведь и издох.

В подобных случаях главное — не впасть в панику.

СЛУЧАЙНО

Если говорить, положи руку на сердце, то некоторая часть современной молодежи меня удивляет: вырастет настолько, чтоб поднять рюмку, и начинает увлекаться алкогольными напитками, затем валяется в самом недостойном виде, дерется. А я вот, сам видишь, сынок, какой старый, а до сих пор этого зеленого змия в рот не брал. Вернее, был один случай, когда я выпил, но и это просто случайно получилось.

Однажды я вернулся с нашего зимника, где чинил кошару. В конце лета ночь была темной, хоть глаз выколи. Жена уже спала, поэтому я решил сам себя накормить. Я насыпал в чашку тары и, налив из темной большой бутылки молока, стал есть. Мне показалось, что это — не молоко, а кумыс. Я обрадовался: любил я хойтпак, решил, что жена хотела угостить и приготовила для меня. Я съел тару и запил остальным «кумысом». Потом... все и началось: голова начала кружиться, нутро мое жгло, в глазах поплыло. Несмотря на это, настроение у меня начало налаживаться, стало весело.

Обычно я при людях стеснялся петь, поэтому мурлыкал про себя, а тут меня разобрало: во все горло я запел свою любимую песенку:

О чем, шан-шон,
я думаю, ден-ден,
откуда знать, оой, оой,
моим друзьям, шуу-шуу!

Жена моя вздрогнула и проснулась:

— Ты что это среди ночи вдруг начал орать?

— Что же это такое, старушка?— ответил я своим непослушным языком, который уже перестал мне подчиняться.

Жена моя перепугалась. Вскочив с постели, она схватилась за бутылку.

Оказывается, родственник мой, проезжавший мимо нас, оставил мне бутылку «Шампанского», расчехатав ее.

Назавтра у меня голова чуть было не раскололась на части, рвало меня до невозможности.

С тех пор, как увижу пьяного или араку, то мне становится тошно от одного вида.

ТРИДЦАТЬ КОСУЛЬ

Я всегда хотел задать Хоорээру один вопрос, но обычно забывал после его очередной побасенки.

Наконец, такая возможность представилась.

— Почему люди вон тот хребет называют Баян-Чурек, а другой Кучункур-Арт, расскажи, дед,— попросил я.

— Аа, кто же это знает, кроме меня! Хороший ты задаешь вопрос, сынок,— ответил дед и, набив трубку, спокойно начал посасывать ее. Откашлялся и начал рассказывать.

— Было это давным-давно. Слышал я про это от своего предка. Был он человеком что надо, и я поэтому, сам видишь, удался тоже.

Этот мой предок ехал из Овюра вместе с одним ламой. Тогда эти ламы везде плялись, чтобы ложью своей выманить у людей коня, корову, на худой конец — овцу. Когда мой предок вместе с тем ламой оказались здесь, лама стал смотреть в конец этой степи. Он то и дело облизывался, гладил свой пузатый живот, места себе не находил.

— Что ты высматриваешь?— спросил мой предок у него.

— Это овцы, что ли?— спросил в ответ лама.

Взглянул мой предок в направлении, куда смотрел лама, и увидел множество косуль. И ответил жадному ламе:

— Это косули!

Лама насчитал до тридцати косуль и, приговаривая: «Кучун курбу, кучун курбу!», от жадности упал замертво. Предок мой стал отливать ламу. Придя в себя, он первым делом спросил:

— Есть у тебя ружье?

— Зачем?

— А косуль стрелять скорей!

Мой предок от удивления вытаращил глаза: ведь рассказывают, что ламы никого не убивают, даже вошь, за грех это считают, а тут...

— ...С тех пор со слов этого монгольского ламы этот хребет называют Кучункур-Арт*.

КОНЬ С ТЕЛЕГОЙ

Однажды как-то я проходил мимо байского аала. Наверное, от безделья трое здоровенных парней сидели возле юрты и грели на солнце свои голые животы. Увидев меня, они начали в один голос кричать:

— Эй, Хоорээр, иди-ка сюда!

Я в сердцах обругал их, дескать, что они опять надумали мешать путнику, но направился к ним.

— Соври что-нибудь. И вообще, ты умеешь обманывать?— спрашивают у меня.

— Не знаю,— отвечаю.

Они о чем-то пошептались между собой и говорят:

— Если ты сумеешь нас так обмануть, чтобы мы все втроем оказались на вершине вон той горы, то дадим тебе коня с телегой, которого ты видишь. Ну, а если у тебя это не получится, то заработаешь по десять ударов кнутом от каждого из нас!

И так расхохотались они, словно великую мудрость изрекли. Я согласился с ними и стою, думаю. Покачал головой и говорю им:

— Ээ, братцы, давайте наоборот: не в гору вас обману, а с горы, идет?

Ребята согласились и живо побежали. Когда они достигли вершины горы, я спокойно сел на телегу и поехал.

— Эй, Хоорээр, ты почему коня с телегой угоняешь?— кричат те трое на меня.

— Вы же просили, чтобы я вас так обманул, чтобы вы на горе оказались. В следующий раз будете умнее!— ответил я им и уехал домой.

Если бы я их не смог на гору поднять, то как бы я исключен был, а, мальчик?

В ДЫМОВОЕ ОТВЕРСТИЕ

Лет до пятидесяти я оставался молодым, сила молодости была еще все при мне.

---

* Кучункур-Арт — перевал Тридцати косуль.

Однажды председатель сумона попросил меня по служебному делу сходить в одну юрту.

Я привязал своего коня к коновязи и направился в нужную мне юрту, а тут как раз подбегает ко мне собака ростом, наверное, с телка. Я слышал, что она очень злая, но хозяева не держали ее на цепи.

Я с легкого перепугу так инул эту собаку, что она взлетела вверх и угадала в дымовое отверстие юрты. Когда я вошел в юрту, то не черную, а пожелтевшую увидел собаку, она вся дрожала!

Оказывается, она влетела в дымовое отверстие и упала как раз на очаг.

Так я прочит наглуую псшу.

ПРО ЛОСЯ

Положив в печьку несколько поленьев, дед Хоорээр испытующе взглянул на меня и с задоринкой в глазах спросил:

— Ты слышал про человека, который догнал лося и повел его за собой?

— Нет,— решительно ответил я.

— Ну и слабак ты тогда,— сказал Хоорээр, и я прочитал на его морщинистом сухоньком лице усмешку.

Я не стал огорчаться этому: значит, он еще какую-то быль затеял!

— Послушай тогда, мальчик с пальчик. Я не буду называть имя того старика. Зачем заставлять поднимать голову умершего человека? Он и ко мне имеет отношение...

Это был один из наилучших охотников, сынок. Тогда по этим местам, я имею в виду верховье Чаа-Холя, табунами ходили лоси. Теперь вот их меньше стало или перекочевали куда.

Собрался тот старик на охоту, но ружье забыл дома. Он шел на лыжах, подбитых конской кожей. Заметив около двадцати лосей, старик только тогда спохватился, что у него нет с собой ружья. Что может сделать человек, у которого нет ничего, кроме аркана на поясе? Вдруг он увидел, что один лось отделился от табуна. За ним он и погнался. Два дня, две ночи он бежал за ним, и наконец лось остановился возле Улуг-Дага. Тут он и накинул аркан на лося. Удивительно крепкий был старик!

— А что же потом было, дед?— спросил я, не желая расставаться с Хоорээрром. (Если угли не шевелить, то огонь погаснет, не так ли?)

— Как что? Уставший старик сел на того лося и приехал домой, вот и все. Булан-Чедер был сильным человеком, с ним мог бы сравниться только я, мой милый.

АРКАН ИЗ САРЛЫЧЬЕЙ КОЖИ

Если разговорится старик Хоорээр, то трудно бывает его остановить. Тогда голос его становится еще мягче, слова так и льются сами.

Он и говорит:

— Хочешь, расскажу про аркан из сарлычьей кожи?

— А что это за аркан такой?

— Аркан как аркан!— сказал он и рассмеялся.

— Ну, расскажите, — попросил я его.

— Да, странный это был аркан, сынок мой. Тогда мне было лет двадцать. Как вспомнишь про это сейчас, так кажется, все это было во сне...

Один тужумет ни за что и ни про что так избил меня, что я шевельнуться не мог. Через месяц, стало быть, поправившись, я стал наведываться ко двору того двуногого волка. Сильно я на него разозлился. Думал я укокошить его, но не хотел руки марать.

Я никогда не был вором. Но у него я украл самого крупного сарлыка. Мясо сарлыка я съел с большим удовольствием, а из кожи сделал красивый аркан. На нашей земле не было еще такого безупречного аркана. Я уже подумывал, что со временем этот аркан затянет шею жестокого тужумета.

Ведь всегда так бывает: там, где соберутся мужчины, разговор, как правило, кружится вокруг лучших коней и лучших арканов. Вот однажды я попал в такую компанию и, чтобы не оставаться побежденным, сам того не заметив, вытащил свой аркан.

— Из какой кожи вы думаете сделан этот аркан?! — воскликнул я. — Из кожи сарлыка! Вы даже, разумеется, не подозревали. Нет такого другого аркана ни у кого из вас!

...Так я сам себя выдал. Немало ударов плетью я снова вынес на себе.

КАК Я УБИЛ ДЕСЯТЬ МЕДВЕДЕЙ

Иногда бывают неповторимые случаи. Ты, мой сынок, даже не поверишь мне. Потому что этого ты своими глазами не видел.

Давно это было. Очень хорошо помню, что стояла золотая осень. Мы внятером договорились идти на охоту и сели на коней. Я был тогда молод, но за мной закрепилась слава лучшего охотника.

Видишь густой длинный лес на той стороне горы? Вот-вот! Я сел в засаду чуть пониже этого леса, а те четверо должны были гнать ко мне зверей. И выбрал я такое место, что меня

совершенно не было видно, и для меня видимость была тоже невеликой: щелочка небольшая и все.

Сижу и слышу, как кричат мои товарищи и идут ко мне. Вдруг в щелочку свою заметил, что кто-то промелькнул. Я нажал на спусковой крючок. Потом еще один. Затем еще... Десять раз промелькнуло, десять раз я нажимал на спусковой крючок. Больше зверей не оказалось. Ну, и нули у меня кончились.

Пришли ко мне мои друзья и спрашивают:

— В кого же ты это так долго стрелял?

Чувствую в их голосе насмешку, дескать, в зайца несчастного, паверное, пулял десять раз...

Я промолчал. Потом мы пошли на то место: десять огромных медведей лежали друг на друге.

Удивительно!

СГОРЕВШИЙ ТОПОЛЬ

Сидим мы вдвоем с Хоорээром. Перед нами медный чайник паром дышит. Сидит он и поливает чай, покуривает. Вижу, лицо у него не такое, как всегда насмешливое и немного хвастливое, а очень серьезное. Видно, что его что-то опять зацепило.

Помолчав, он и говорит:

— Ээ, браток, хорошие теперь настали времена: живи только, работай и веселись. Видел вот молодежь, орлы и только! Даже девушки бегают на соревнованиях, в мяч играют...

Дед снова замолчал, задумался, видать. Да, когда шли спортивные соревнования, дед Хоорээр там находился...

Потом он продолжил свою мысль:

— Раньше, когда я был так же молод, не в чем было показать свою прыткость, ловкость и другие хорошие качества. Только конские скачки занимали главное место в наших играх.

Тогда я был табунщиком, а то, что табун не мой, ты, паверное, сам догадываешься. Среди коней был один полудиккий жеребец, которого никто не мог укротить. Наконец моя очередь настала попробовать поймать жеребца на аркан. Что делать, не срамиться же: отправился, взяв с собой аркан.

Вижу этого жеребца среди лошадей. Так, знаешь, косо смотрит на меня. Я долго подкрадывался к нему и наконец бросил свой аркан. Готов! Аркан мой зацепился! Но это не главное. Как жеребец тогда на дыбы вставал! Как носился! Вихрь и только! У меня из глаз искры сыпались.

Сколько можно было с ним возиться, устал и я сам, и конь,

на котором ездил. Конец аркана я обмотал вокруг толстого тополя. Сперва я сам глазам своим не поверил: тополь сперва задымил, а потом загорелся. С такой силой рвался жеребец, такой крепкий аркан у меня был! Я приехал домой и рассказал людям об этом, но никто мне не поверил. Тогда я взял их с собой и показал, тогда только стали меня хвалить.

Пень от того тополя и по сей день там стоит.

ОПОМНИВШИЙСЯ БЫК

Моя жена тогда доила коров нашего хозяина. Осенью быки начинали гулять и ожесточались. Иногда они даже на людей бросались. Особенно боялись быков женщины.

Однажды я сидел в своей драпной юрте и пил чай. Вдруг забегают перепуганные женщины:

— Ээй, Хоорээр! Успокой ты, наконец, этого быка!

Когда я выскочил, тот бык стоял и рычал, землю копытами далеко отбрасывал. А два глаза его, словно глаза нашего хозяина: красные, чуть не выкатываются.

Я рассердился, схватил быка и кинул его рогами вниз. Он так и остался лежать, рога вытащить не может. После, говорят, этот бык опомнился и больше не пугал людей.

ДРУГ НА ДРУГЕ

Однажды мне нужно было ехать в соседний аал. Я пришел к своему хозяину и стал просить коня. Он был такой жадный, что снега зимой не выпросишь. И дал он мне самого худого жеребенка из своего табуна.

Что делать, нагрузив на него кое-что, поехал. В пути должен был перевалить несколько перевалов, хребтов, рек. На полдороге конь мой отказался идти совсем. Я пробовал было и за повод потянуть. Нет, стоит как вкопанный!

Вечернее солнце уже село на горную вершину. Как я мог оставаться в холодную ночь в тайге? Сижу печально. Проклинаю своего жадного и жестокого хозяина...

Тогда мне было лет тридцать. А конь был тихий, как корова. Говорят, когда вода до носу дойдет, и теленок поплывет: я взвалил на себя коня и пошел. (Ты не смейся, браток). Перешел одну речку, один перевал и устал.

Лег на спину и смотрел долго на звезды, которых было очень много. Когда я приподнял голову, конь мой вроде в себя пришел. Я стал и сел на него. Теперь он меня повез. Кое-как

я добрался до своего друга. От радости я заплакал. И конь тоже.

Так, несмотря на жадность хозяина, мы добрались до места друг на друге.

БОЧКА РЫБЫ

То было тогда, когда люди перекочевывали с чайлагов на осенние стойбища. Ведь сперва перевозят самое тяжелое, не так ли, браток?

Я тоже кочевал с кое-каким барахлом. Путь пролегал мимо опушки. Иду и вдруг вижу высохшее озерко, воды в нем осталось — всего лужа одна. Взглянул я в лужу, а рыбы там — видимо-невидимо!

«Если я оставлю все это здесь, то рыба все равно пропадет», — подумал я и вспомнил, что на телеге есть пустая бочка. И собрал всю рыбу в нее. Как раз все вместилось. Потом я приволокся на стойбище. Открыл бочку: все рыбы живы. Удивился. Почему, думаю, за целый день они не подохли?

Я всех их спустил в родниковую воду возле стоянки. Через год рыбы в той воде было столько, что сами на берег вылазили.

Вот так-то, сынок.

Пусть от смеха запершит твое горло, а от хохота заболит твой живот.

ЭКИИ, ЯКУТИЯ!

Салим СЮРЮН-ООЛ

ДРУГУ ЯКУТУ

Друг якут,
У тебя есть хомус!
Спой под звуки хомуса для нас,
Как вы сбросили прошлого груз,
Как прекрасен якутский алмаз,
Как морозы полярные жгут
После долгого летнего дня.
Обо всем спой мне, друг мой якут,
На хомусе умело звеня.

Друг якут,
У меня есть хомус!
Я приехал к тебе из тех мест,
Где па весь наш великий Союз
Горы кобальт дают и асбест,
Где могучие реки текут,
Отблеск синего неба храня.
Я спою обо всем, друг якут,
На хомусе умело звеня.

Друг якут,
У тебя есть хомус!
Друг якут,
Есть хомус у меня!
У обоих есть смелость и вкус.
Мы по духу, по крови — родня.
Пусть друзья нам с тобой подпоют,—
Мы споем, наше братство ценя,
О Советской стране, друг якут,
На хомусах умело звеня!

Юрий КЮНЗЕГЕШ

ЯКУТСКИМ ДРУЗЬЯМ

Моей семицветной Тувы
Дарю вам весенний цвет,
Чтоб помнили вечно вы,
Как ярок ее рассвет.

Хомус и степной чадаган
Одною песней звенят,
Светла и пестра тайга,
Как вешний цветущий сад.

Живей мараленка весной
Якутский юный танцор,
Быстрее птицы степной
Несутся песни в простор.

Навеки веков мы друзья ---
Якутия и Тува!
Прими же, страна моя,
Сыновней любви слова.

Монгуш КЕНИН-ЛОПСАН

ЯКУТКА

Ты крылата,
якутка.
Зорок твой глаз.
На щеке твоей — ямочки нежный след.
На оленях
издалека добралась,
Чтобы солнце родной принести земле.
Ты добьешься, светило пойдет с тобой.
Не олени тебя унесут —
самолет.
Только изредка
голос услышу твой,
И с тобою
душа моя запоет.

Алексей ХУУРАК

МОИ ДРУЗЬЯ

Я побывал в якутской стороне,
Пушнину видел, золото, алмаз.
Вы крепко пожимали руки мне,
Чорон я с вами поднимал не раз.

Кто говорит — в Якутии мороз?
Я был там дружбой братскою согрет.
Светлей сияний Севера и звезд
Свет ясных глаз, высокой дружбы свет.

И Улуг-Хем и Лена широки.
Сроднила их морская глубина.
Мы -- два народа, словно две реки.
Трудом и правдой дружба рождена.

Сравнить хочу я с утренней зарей
Искусства братьев радостный расцвет.
Мы знаем: над холодной землей
Он встал, сердцами жаркими согрет.

Подарок гостя крепко сберегу —
Недаром он пришел издалека.
Истории страницы не солгут:
Там наша дружба вписана в века.

Ондар ОХЕМЧИК

ДЕВУШКА СЕВЕРА

Словно парень, лихо скакала,
С песней звонкой, веселой.
Песня радугою сверкала
В чистом небе — высоко!
Конь плясал под седлом чечетку,
Ноги ритм выбивали...
Взмах руки — как поклон почетный,
Как привет фестивалю.
Словно Лена-река блестела
В свете летнего солнца —
Так якутка глядела — смело,
Так, как солнце смеется.
Соскочила с коня гнедого,
Удилами он звякнул...
Чинно за руку поздоровалась
С гостем, званым и знатым.
Кто бы думал, что так случится!
Удивит перемена:
Не табунщица — танцовщица
Птицей реет над сценой.
То трепещет, как лист осенний,
То взлетает арканом...
Все, кто видел ее на сцене,
Вновь смотреть не устанут.
Ей, якутской, северной музе
Рады песня и танец,
Увлечет игрой на хомусе —
Слушай, брат паш, вьетнамец!
Вся она — как стрела в полете,

Струи вьюги якутской...
Вы запомните, вы поймете
Молодое искусство.
Не напрасно был конь крылатым,
Нес ее через дали —
Вот и стала лауреатом
На большом фестивале.
Рядом с парнем вьетнамским села.
Не сводил с нее глаз он..
Ты рождаешь алмазы, Север.
Дружба — крестик алмаза.

ЗДРАВСТВУЙ, ТУВИНСКИЙ НАРОД

В горах, где гнезда орлов клювастых,
В тайге, в просторах степей и тундр —
Народов дружба, живи и здравствуй,
Светла, как солнце, крепка, как труд.
Весна, ты — время великих странствий:
Птиц — в ясном небе, по рекам — рыб...
Народ тувинский, сегодня — здравствуй!
Тебе — якутской земли дары!
Друзья тувинцы! С весенним солнцем,
На крыльях птиц к нам примчалась весть —
И вот уже самолет песется
Туда, где гроздьям черемух цвествь.
В подарок вам не везем алмазов —
Но ты об этом, друг, не жалеяй:
Душа народа, народный разум
Ценней алмазов и соболей.
Ветра Ледовитого океана
Не остудили наших сердец:
В мороз жестокий, в пургу, в бураны
Лишь ярче, крепче искусств венец.
Ответь мне, Азия древней сердце:
Кто первым землю твою вспахал?
Быть может, с предком тувинцев вместе
Якутов предок — народ саха?
На груди твердой скалы я вижу
Не их ли древние письмена?
Здесь — Юг. Там — Север. Но сердцу ближе
Теперь тувинская сторона.
Звени же зволче, хомус наш братский!

Якутов песня, смелей дети!
Народ тувинский, расти и здравствуй
В степи просторной, в горах крутых!
Остались в прошлом нужда и слабость,
О счастье нашем мир услышал:
Великой партии — слава, слава!
Стране Советов — уруй айхал!
В горах, где гнезда орлов клювастых,
В степи и в тундре, в снегах, в несках —
Народов дружба, расти и здравствуй,
И крепни, верная, на века!

В СТРАНЕ ТУВА

Сын Севера, под радугой рожден,
Пришел я к вам,
И с сердцем — что за чудо?—
Как будто здесь
Мой старый отчий дом
И я мальчишкой уходил отсюда.
Разбуженное сердце, не стучи:
Я, азиат, невозмутим и сдержан,
И, как Кремля высокие лучи,
К судьбе Тувы
Естественно привержен.
И в гости к вам
Пришел не потому,
Что кинул край
Голодный и опасный.
Якутия!
Измерить ли кому
Твоей души бесценные алмазы!
Но груди ваших девушек круглы,
Как наш чорон,
Вовек неиссякаемый,
И, как созвездий острые углы,
Сердца тувинских юношей сверкают.
Я им коня крылатого дарю,
Чтоб между нами сникли расстоянья.
А девушкам на шали отдаю
Небес моих Полярное сиянье.
С друзьями расставаться нелегко.
Мы говорим тому,
Кто нас приветит:
Да будет сладко ваше молоко!
И ваш очаг пускай далеко светит!

УГОЛОК ФОЛЬКЛЮРА

ПОЧЕМУ РАССКАЗЫВАЮТ СКАЗКИ!

Давным-давно, не помню, в стране какого хана это было. Народная молва говорит, что жили-были два свояка. Старший жил охотой и любил рассказывать сказки.

Младший жил в долине большой реки, пахал и сеял и тем кормился. Жили привольно, как орел или ястреб в просторе небес, два молодца-удальца.

Однажды старший подумал, что давно не бывал в гостях у свояка, ровно три года. Свояк был для него, что глаз слепому, что слух глухому. «Пока не побываю у него и дело не дело и сон не сон», — подумал он. Оседлал лучшего своего коня, дал наказы своей жене по хозяйству и поскакал.

Приехал к вечеру в аал свояка. Обрадовался младший свояк старшему, бегал вокруг него от радости, принял повод коня, поставил отдыхать. Двое друзей просидели на радостях до полуночи, говоря о хороших делах — смеялись, говоря о плохих — плакали. Наговорившись досыта — легли спать.

Младший перед сном говорит:

— Я слышал, что ты хороший сказочник, не расскажешь ли мне одну на ночь?

— Что ты, свояк, хотя в нашем краю народ любит сказки и загадки, ни одна из них у меня не задержалась в голове, — отказался старший, чувствуя себя усталым после такого далекого пути и быстрой езды.

Младший стал уговаривать, но старший, не в силах отогнать сон, твердил, что он не знает сказок.

— Среди людей — другом жить, среди гостей — лучшим быть — прекрасная доля сказителя. Народная молва говорит:

тот, кто слушал сказки, должен сам потом девять дней рассказывать в девяти аалах. Если этого он не сделает, то с ним может случиться великая беда,— продолжал уговаривать младший.

Прислушался, а гость давно уже спит.

Проснулся наутро гость и увидел, что долго проспал:

— Что же это я так заспался, как беременная женщина?

Младший свояк приветствовал гостя:

— Хорошо ли спал, были ли сны приятными?

— Спал я хорошо, ни хороших, ни плохих снов не видел. а вот ты, говорят, часто видишь особенные сны?— спросил гость.

— Да, мне приснился неважный сон. Хочешь, я тебе расскажу? Будто один сказитель, скрывавший свои сказки, попал к чертям в плен,— засмеялся младший свояк и стал угощать гостя всевозможными яствами.

Задумался старший свояк и показалось ему, что его друг может накликать на него беду. Горько раскаивался, что не рассказал ему сказку.

— Говорят, что последствия сокрытия сказки могут быть приравнены к последствиям войны. В другой раз я тебе расскажу такие сказки, что ты не заметишь даже смену дня и ночи, не сердись на меня, прошу.

Он поблагодарил за гостеприимство и поехал домой.

Ехал он днем и ночью. Когда перебрел три реки, перевалил три хребта, у подножия горы заметил ослепительный свет. Подъехав ближе, он увидел красивые золотые ножницы. «Взять или не взять?»— подумал он. И решил спрятать ножницы в дупле старой лиственницы.

«Неспроста это случилось, не часто валяются на дороге золотые ножницы»,— подумал он, перенес еще одну реку и видит: на дороге лежит искусно отделанный серебром маленький кинжал. «Все это помеха тому, кто скрывает сказки, и намек на то, что сказка необходима людям, как ножницы и нож в юрте». Он проехал мимо.

Дома рассказал обо всем приключившемся.

Жена и говорит ему:

— Ты удалой молодец, как же не замечаешь, что плохо, что хорошо? Народ зря не скажет. Нельзя скрывать сказки, иначе не только самому хозяину, но и его родным будет плохо.

Он спугал коня, оставил неподалеку и лег спать.

На заре он услышал крики доивших коров женщины: «Олень, олень!»— и выскочил с ружьем из юрты. Почти рядом стоял величественный олень с огромными, как дерево, ветвистыми рогами и смотрел на него в упор.

— Благодарю золотую тайгу за то, что прислала мне такую добычу прямо ко мне,— сказал он и, прицелившись, выстрелил

прямо в сердце волшебному оленю. И тут же бывалый охотник свалился на землю. А олень, как ни в чем не бывало, живой и невредимый поскакал через горы, через реки и вскоре скрылся.

Все в аале подбежали к хозяину и увидели, что пуля ранила его самого.

С тех пор сказка в Туве лилась из уст сказочников и не было случая, чтобы кто-нибудь скрывал свои сказки.

ЧЕЧЕН-ООЛ

Давно это было. Однажды бродячий лама переправился на лодке через реку, к рыбаку, который жил на том берегу.

Лама спросил у него:

— Где твой аал-стойбище и как твое имя-прозвище, сын мой?

— У меня нет аала, а зовут меня Чечен-оол. Красноречие — у меня, а цветы — на земле, — ответил парень.

— Я тебе задам несколько вопросов, и если ты мне на них ответишь, поверю в твое красноречие.

Чечен-оол отвечает:

— Если я знаю, то скажу, а если мне неизвестно, тогда мне нечего будет сказать, наставник.

— Что есть один? — спросил лама.

Чечен-оол ответил не задумываясь:

— Если что-нибудь один раз увижу — не забуду!

— Что есть два?

— Если добычу взял двумя руками — не выпущу!

— Что есть три?

— Если три ночи подряд коня спутывать, так он от голода не одолеет три перевала!

— Что есть четыре?

— Из четырех кусков дерева можно сделать седло!

— Что есть пять?

— Даже в споре с пятерыми можно оказаться правым.

— А что есть шесть?

— Если посеешь шесть шанов хлеба — хватит на зиму.

— Что есть семь?

— Если Семь звезд пройдут над верхним косяком двери — наступает рассвет!

Лама хлопнул себя по коленям, придумывая новый вопрос. Пока они говорили, две утки проплыли вниз по реке и два журавля пролетели над ними с громким криком.

— Почему у журавлей такой звонкий голос? — спросил вдруг парень у ламы, пользуясь наступившей передышкой.

- Потому, что у них шеи длинные,— не растерялся лама.
- У кукушки шея короткая, а голос звонкий,— заметил лукаво парень. Лама промолчал.
- Почему утки держатся на воде?— опять спросил Чечен-оол.
- Потому, что у них на лапах растет мягкий пух,— после раздумья ответил лама.
- Ваша лодка не имеет ног, а плавает,— опять заметил парень.
- Ты действительно победил, сын мой,— признал лама и ушел, звонко пощелкивая языком от удивления.

ТРИ БРАТА

Однажды заночевали на берегу три брата, имеющие одного буланого коня.

Проснувшись рано утром, младший брат сказал:

— Нашего коня украли.

Старший брат говорит:

— Спешить не надо, вскипятим чаю, поьем и тогда, хорошенько подумав, обязательно найдем.

Так братья и сделали: напились не спеша чаю и стали думать. Старший брат сказал:

— Нашего коня увел человек с того берега реки.

Средний сказал:

— Нашего коня увел человек, живущий в белой юрте.

Младший сказал:

— Нашего коня увел человек по имени Одежик.

Пришли братья к этому Одежику и сказали ему, что он увел их коня.

Одежик говорит:

— Я не брал никакого коня. Как вы думаете доказать, если ли у вас свидетель?

— Мы умеем, подумав, узнавать всю правду.

— Если вы такие умные люди, то найдите мне то, что я спрячу,— сказал Одежик и попросил братьев выйти из юрты. Он поймал паука, спрятал под коврик и говорит:

— Спрятал, найдите.

Братья вошли в юрту. Старший говорит:

— Это спрятано под ковром.

Средний говорит:

— Что-то многолапое и маленькое.

Младший говорит:

— Это, конечно, паук.

— Наверно, вы подглядывали, давайте я снова перепря-

чу,— сказал Одежик. Он послал братьев во двор, а сам спрятал в ашгаре чокшек*.

— Спрятал, найдите же!— позвал Одежик.

Братья вошли в юрту. Старший из них говорит:

— Это спрятали в ашгаре.

Средний говорит:

— Что-то из ягод.

Младший говорит:

— Это же чокшек.

Одежик испугался и привел их буланого коня.

Сели три брата верхом на одного коня и поехали. Едут берегом реки вниз по течению и видят: на дороге следы телеги. Стали каждый говорить свое предположение.

«У телеги сломанное колесо, у верблюда нет одного глаза, а жена хозяина беременная».

Подъехали к стоянке. Смотрят братья и смеются — все так и есть.

— Над чем вы смеетесь?— спрашивает хозяин.

— У твоей телеги колесо сломано, у верблюда нет одного глаза, а жена беременная,— говорят братья.

— Правильно угадали, ребята,— удивился он и стал угощать братьев чаем.

Поехали братья дальше. Приехали к одному хану. Вошли братья в юрту, поклонились и сели.

— Где вы живете, куда путь держите?— спрашивает хан.

— Мы странствуем, вот пришли к тебе переночевать.

Хан говорит:

— Идите, ночуйте в юртах.

Пошли братья туда. Там их угостили чаем, мясом и аракой и уложили спать. Наутро, умываясь у реки, братья говорят меж собой:

— Думали мы, что ночевали в юрте хана, а оказывается, ночевали в юрте простого человека,— сказал старший.

— Думали, пили мы араку, а оказывается, пили воду из носа быка,— сказал средний.

— Думали, ели мы бараницу, а оказывается, ели собачье мясо,— сказал младший.

Это все услышали слуги хана и доложили ему.

— Голодных бродяг я накормил, напоил, а они еще оскорбляют меня,— рассердился хан,— осмелились назвать меня простым человеком. Снять им головы вместе с шапкой.

Хан пошел к своей матери и рассказал о своей обиде.

— Почему они считают меня простым человеком, мать?

— Это правда, сын мой. Ты родился у меня в отсутствие хана от простого человека, которого я полюбила.

---

* Чокшек — лакомство из пенок и ягод, типа халвы.

— Ну, хорошо, а почему они считают, что их угощали собачьим мясом?

— Во время великого джута этот маленький ягненок рос сиротой и сосал молоко собаки.

— А почему они говорят, что пили не араку, а воду из носа быка?

— Холодной зимой людям, гнавшим араку, не хватило воды, и они использовали сосульки, висевшие на носу быка. Эти люди мудры, — сказала мать хану.

Так братья посмеялись над ханом, сели на своего буланого коня и отправились в новое странствие, удивляя людей своей догадкой и умом.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Антон КАЛЗАН

ВОСХОЖДЕНИЕ К ВЫСОТАМ

К 60-летию со дня рождения С. А. Сарыг-оола

Нет большей радости для писателя, чем сознание народного признания его творчества. А такое приходит не сразу и не ко всем. Счастье быть признанным родным народом выпало на долю тувинского писателя Степана Сарыг-оола — одного из основоположников тувинской советской литературы. Имя Сарыг-оола с уважением произносится по всей Туве. Духовный мир современного тувинца невозможно представить без его произведений — поэтических, прозаических и драматических. О нем можно говорить много, как он сам может бесконечно много и увлекательно рассказывать о людях, о жизни, о прошлом и настоящем...

Мне недавно пришлось сопровождать писателя во время декады тувинской литературы и искусства в двух районах. Колхозники, рабочие, сельская интеллигенция, школьники — все, ножиные и молодые, кому Степан Агбаиович с ясным сознанием адресует свои произведения, до отказа заполняли клубные залы. Люди везде внимательно и с огромным интересом слушали любимого писателя.

Прекрасный собеседник, рассказчик — Сарыг-оол увлекает слушателей яркой, образной речью, изобилующей неожиданными точными сравнениями. Его наблюдения, впечатления бесконечно разнообразны, размышления отличаются новизной, оригинальностью. Каждый раз его слушаешь с неослабевающим интересом, невольно думаешь о большом природном таланте.

За плечами Сарыг-оола длинный и богатый жизненный путь. О своем детстве и юности писатель поведал в автобиографической дилогии «Повесть об Ангыр-оэле» (первая книга вышла на русском языке под названием «Повесть о светлом мальчике»). «Повесть» — главное про-

заическое произведение писателя, где раскрываются самые разнообразные и противоречивые картины прошлой тувинской действительности. Здесь все события и герои достоверны, в том числе и образ самого автора. Замысел создания дилогии зародился тогда, когда писателем овладело сильное желание осмыслить многие явления прошлого на примере личной жизни и личных наблюдений. От феодализма через революцию в социализм — такой огромный скачок социального прогресса совершили тувинцы благодаря Октябрю в короткий исторический срок. Сарыг-оолу, как и другим писателям Тувы, естественно хочется художественно обобщать этапы этого исторического пути. Такую задачу Сарыг-оол, вслед за Тока, осуществил на автобиографическом материале. Но «Повесть» Сарыг-оола сильно отличается и от известной трилогии Салчака Тока «Слово арата» этнографической, бытовой подробностью, психологической детализацией, свежестью жизненного материала и другими существенными факторами.

Большие идейно-художественные достоинства «Повести» позволили творческим организациям Тувинской АССР выдвинуть ее на Государственную премию РСФСР за 1968 год.

Обстоятельства сложились так, что писательскому дару Сарыг-оола суждено было раскрыться несколько позднее — уже в зрелом возрасте. Он родился и вырос в дореволюционной Туве, крайне отсталом и нищем крае, где народ не имел даже своей письменности. Так Сарыг-оол выпущен был поздно приобщиться к современной художественной культуре. Но Сарыг-оол, как и многие литераторы старшего поколения в некоторых национальных республиках и областях нашей страны, вступив на путь литературного творчества с задержкой, сумел преодолеть многие трудности и сделать очень многое для быстрого развития родной словесности.

Иной раз с радостью думаешь, что в колыбели молодой тувинской литературы оказались такие одаренные люди, как Сарыг-оол, Тока, Пюрбю и др. Без них тувинская литература не поднялась бы на такую высоту, на какой она находится в наши дни. Они смело взяли за создание литературы на родном языке и создали, развили ее — младшую сестру в семье многонациональной советской литературы. А эта литература лучшими своими произведениями перешагнула национальные рамки, стала достоянием многоязычного советского читателя.

Творчество Сарыг-оола выросло как самобытное художественное явление на благодатной почве народной поэзии, русской и других литератур, а также на почве бурных революционных перемен послеоктябрьской действительности.

Самое ценное, что воспринял писатель вместе с материнским молоком, было устно-поэтическое творчество. С раннего детства он окунулся в чарующий мир родного фольклора. Замечательные певцы-сказители Баазанай, Когель, Ак-Хойлен в маленьком Сарыг-ооле воспитывали благородные традиции тувинского арата и, сами того не предвидя, готовили будущего писателя. В творчестве сегодняшнего Сарыг-оола в трансфор-

мированном виде живут многие художественные «секреты» этих и других мастеров устной поэзии.

В Туве единодушны в мнении: нет более «фольклорного писателя», чем Сарыг-оол. Эту мысль нельзя толковать так, будто писатель не выходит за фольклорные рамки. Речь идет о творческом перенятии и использовании в произведениях литературы эстетических традиций устной словесности. Связь писателя с народными традициями может быть механической, внешне подражательской. А Сарыг-оол обращается к фольклору главным образом для того, чтобы в его арсенале найти такие художественные возможности, которые помогут передать мысль в какой-то мере в пределах привычной, доступной, экспрессивной форме и в то же время по-новому, по-литературному. Тонкое, мастерское слияние фольклорного и книжного, литературного в произведениях Сарыг-оола не создает электическую мешанину, а наоборот, придает им неожиданную выразительную силу и доходчивость. Это есть результат деятельного, глубоко творческого акта.

Сарыг-оол вырос в профессионального писателя, опираясь на могучий опыт великих реалистов прошлых времен и советской эпохи, прежде всего русских писателей. Пушкин и Горький были первыми учителями тувинских писателей. Литературный кругозор Сарыг-оола неуклонно раздвигал свои горизонты. Его творчество множеством корней впитывает в себя укрепляющие соки русской, мировой и советской национальной литератур.

Перевод стал существенной частью литературной деятельности Степана Агбановича. Главный мотив его переводческой работы — это желание ознакомить тувинского читателя с бессмертными творениями великих писателей. Кроме того, Сарыг-оола перевод интересует и как замечательная школа писательского мастерства в молодых литературах.

Аксиоматична истина: писателю нужно, помимо всего прочего, хорошо знать свой народ, его жизнь, язык, обычаи, его боли и радости, нужды и идеалы. Нельзя не восхищаться всесторонним знанием Сарыг-оолом народной жизни. Это знание пришло не из книг, не путем посторонних наблюдений, а в результате того, что писатель во все свои годы жил и трудился в самой гуще жизни, был непосредственным и активным участником ее преобразования на социалистических началах. Когда он писал еще первое стихотворение, за своими плечами имел богатый жизненный опыт, который впоследствии вылился в автобиографическую диалогию. Нет в Туве такого уголка, где бы не побывал Сарыг-оол и не вникал бы в специфические особенности жителей каждого района.

На пути Сарыг-оола встречалось немало трудностей. Но мы не видели у него каких-нибудь периодов застоя, творческого кризиса. Дело в том, что глубокое знание жизни и быта своих земляков, их традиций и устремлений, постоянное повышение своего профессионального теоретического уровня и марксистско-ленинских знаний являются основой постоянного творческого горения писателя. Он всегда учится. Учитяся у жизни, людей, из книг литературному мастерству. Его любимая

мысль — известное тувинское изречение: «Человек учится до конца дней своих».

Правильно говорят, что мысли писателя — в его произведениях. Сарыг-оол из своего творчества встает как личность широкой, разносторонней мысли. Образ его мышления есть порождение нашего революционного времени. О чем бы он ни думал, ко всему подходит с позиций развивающейся действительности. У него острый народный взгляд, активный партийный склад мышления.

Литературная деятельность Сарыг-оола проявляется в различных жанрах. Но он шире и глубже всего раскрылся, пожалуй, в поэзии.

Поэзия Сарыг-оола отразила все важнейшие моменты послеоктябрьской истории тувинцев. Заслуга поэта перед своим народом состоит в том, что он своими стихами активно помогал ему в выработке нового мировосприятия в духе идей социализма, коммунизма, интернационализма и советского патриотизма. Сарыг-оол — активный участник и певец социалистических преобразований в Советской Туве.

Радостное восприятие и воспевание всего нового, что рождено Октябрем, составляет главную линию поэтического творчества Сарыг-оола. И в тридцатых годах, когда в Туве шли бурные революционные события, и в трудные военные годы борьбы с фашизмом, и в послевоенное время, когда в Туве, добровольно вступившей в состав Советского Союза, начались развернутые социалистические преобразования, и в наши дни — во все времена Степан Агбанович, коммунист и писатель, всегда идет с партией, одну с ней думает думу, идет в авангарде событий. Многие его стихи стали популярными песнями тувинской молодежи.

Сарыг-оол хорошо осознает, что в наше сложное, противоречивое, героическое время поэту непростительно оставаться в стороне от магистральных явлений века. Так, поэт не покидают мысли о дружбе, интернациональном единении народов в борьбе за мир, за социальный прогресс. Дружба — это веление, знамение нашей эпохи — таков важный поэтический тезис Сарыг-оола, нашедший выражение в ряде стихов. Дружба сильнее атомных и водородных бомб, не грубая военная сила, а дружба и сотрудничество людей доброй воли на всех материках решат направление развития мировой истории.

Степан Агбанович в основном лирический поэт. Но его эпическая поэзия также заняла почетное место в тувинской литературе. Такие поэмы, как «Сааы-Мого», «Алдын-кыс» (названы по именам главных героев), находятся в числе любимейших произведений тувинского читателя. В последнее время созданы сильные поэмы «Тридцать лет», «Мой Улуг-Хем».

Многие годы подряд Сарыг-оол совершает упорное, трудное восхождение к вершинам поэтического мастерства. В наше время его поэзия, как и все творчество в целом, находится на высоком профессиональном уровне. Книги последних лет — это дело рук зрелого мастера. Если прежде Сарыг-оол порой мог пренебречь техникой стиха, то с годами он

тщательно отделяет каждую строку. В последнем поэтическом сборнике «Улуг-Хемим» («Мой Улуг-Хем») не найдешь отдельных небрежных строк, строк, приблизительных образов, какие в стихах прежних лет иногда встречались. Сейчас поэт упорно избегает и преодолевает ненужные длинноты, растянутость стихотворений. Его стихи стали отличаться четким рисунком, собранностью, мускулистостью, объемностью и весомостью каждого образа. В этом отношении можно особо выделить новую поэму «Мой Улуг-Хем», представляющую собой яркое событие в тувинской поэзии. Эта поэма — плод многолетних, неоднократных наблюдений и размышлений. «Мой Улуг-Хем» отличается чеканным, красочным языком, содержательностью, большой художественной силой. На небольшой поэтической площадке автору удалось создать блистательное здание глубоких поэтических обобщений.

Сарыг-оол в творческой работе требователен к себе и к другим. Выступая на писательских собраниях или семинарах, при обсуждении рукописей новых произведений, он постоянно подходит к литературе с высокими требованиями. И становится досадно, когда иной молодой автор, спешащий к быстрой славе, подходит к его критическому слову недоверчиво, чуть ли не как к проявлению «зависти», «старомодного». Между тем в литературных выступлениях Сарыг-оола, лишенных модничанья, манерничанья, всегда обнаруживаем ясное партийное понимание миссии литературы, тонкий, развитый художественный вкус и большую требовательность к эстетической стороне произведения.

Многие лучшие произведения Сарыг-оола переведены на русский язык. Они открыли перед всесоюзным читателем в поэтической красоте духовный мир тувинца, его стремления к прекрасному. Писатель, заодно с ним и его читатели, конечно, искренне благодарны переводчикам, которые вложили много труда, чтобы произведения тувинского писателя были воспроизведены на великом русском языке.

Все же справедливости ради следует заметить, что в целом на русском языке Сарыг-оолу пока не повезло. Общеизвестные факты «редактирования», «улучшения» оригинала со стороны переводчика не минули и его произведений. Но главное заключается в том, что в переводах теряется замечательная поэтическая сила сарыг-ооловских строк — та сила, которая в оригинале заставляет читателя восхищаться, стирается неповторимый образный колорит и личная интонация поэта. Сарыг-оол заслуживает того, чтобы это непременно учитывалось во время перевода. Правда, Сарыг-оол принадлежит к числу таких писателей, которые отмечены глубокими национально-специфическими чертами. Это ставит большие трудности перед переводчиками. Однако мечта о том, чтобы на русском языке произведения писателя как поэтические, так и прозаические нашли адекватную оригиналу силу звучания, остается.

Степану Агбановичу исполнилось шестьдесят лет. Этот возраст писатель встречает творчески зрелым и душевно молодым, новыми замыслами, планами на будущее. Сейчас идет большая, кропотливая подгото-

вительная работа к созданию большого исторического полотна о шестидесяти богатырях — участниках легендарного восстания тувинских аратов в конце прошлого столетия. Необходимо всесторонне и со всей конкретностью выяснить историческое время, восстановить, «мысленно реконструировать» индивидуальные характеры повстанцев. А потом? Потом писатель непосредственно приступит к написанию задуманного. Нам невозможно не верить в новые творческие успехи Степана Агбацовича.

Мария ХАДАХАНЭ

ПЕСНИ НЕ ПОХОЖИ ДРУГ НА ДРУГА*

На наших глазах наливается зрелой силой поэзия Юрия Кюнзегеша. Лет десять назад ему только пророчили славу будущего поэта. У него был счастливый двойной дебют — первый же сборник стал известен не только в Туве, но и в Москве (1954). По-юношески остро он упивался радостью бытия, видя в каждом человеке, в любом событии зерно новой песни. Легко и быстро слагались строки стихов о приметах тувинской повии, о красоте родной степи, о сверстниках-друзьях, о любимой девушке. Песня рвалась из переполненной впечатлениями души.

Мальчик из далекой Тоджи, взлелеянный щедрой красотой тайги, ласковой волной голубых озер, бушующей, громкокипящей силой Большого порога, с молоком матери впитал чувство беспредельной любви к родной земле, бесконечного восхищения и изумления миром. Еще в студенческие годы он стал членом Союза писателей — в силу большой одаренности.

Тувинская литература была тогда молода так же, как и ее представители. Ю. Кюнзегеш шел во второй шеренге, но очень скоро он вырвался вперед, на поэтические рубежи. Старшие из зачинателей стали мастерами: пройдя по извилистым литературным тропам, устремились кто в прозу, кто в драматургию. Сегодня Юрий Кюнзегеш — ведущий тувинский поэт, лирик большого чистого звучания. Вслед за М. Светловым он может повторить: «Поэзия — моя держава, я вечный подданный ее». У него уже есть и ученики, и подражатели. Он не один на завоеванной поэтической вершине.

Каков «микроклимат» поэзии Кюнзегеша?

И выше время настает:
к мечте мальчишеской вернусь.
К снегам серебряных высот
я непременно прикоснусь!

---

* Ю. Кюнзегеш. Сердце Саян. Кызыл, 1968, 151 стр.

Лирический герой его поэзии бродит по тайге с охотниками, по степи с чабанами, сидит у костра с геологами, тоскует по любимой, летит над просторами Сибири, любит неугомонной детворой, думает об истории народа, о судьбах мира, о назначении поэта. Радует, что в этом тематическом разнообразии поэт не теряет философской наполненности, глубины обобщения, своей, только ему присущей ноты.

Многое дала ему учеба в Москве на Высших литературных курсах, в семинарах Я. Смелякова, А. Коваленкова, С. Наровчатова. С ним вместе учились белорусы, молдаване, якуты, марийцы, грек Петрос Антеос, которому Кюизегеш позже посвятил свои стихи. Молодой поэт в те годы пробует силы в прозе и драме, много переводит. Избирательность его переводческих пристрастий говорит о широте и своеобразии эстетических вкусов поэта: Байрон, Шевченко, Руставели, Шиллер. Романтика всегда была спутницей его поэзии. Не случайно первой прочитанной им на русском языке книгой была «Земля Санникова» академика Обручева. Он пленен был ею и буквально все лето потом бредил пещерами, горными озерами, необыкновенными людьми древности... Недаром в детстве будущему поэту хотелось поймать арканом луну!

В поэзию Ю. Кюизегеша ворвался широкий мир, даже в лирических стихах поэт не замыкается в рамках одной Тувы. «Иду я по улусе ночью». Тишина, раздумье первой части стиха взрывается мощной темой солидарности людей разных наций и стран. «Гости издалека», «Буря свободы», «Великая любовь», «Африка, точно сердце», «Я — человек Востока» — это цикл стихов об интернационализме и дружбе народов, весьма характерный для творческого почерка поэта. Весь бушующий многокрасочный мир, боль дня выплеснулись в этих стихах. Тувинец из центра Азии думает о судьбах своих современников во всем мире. А ведь еще каких-нибудь 30—40 лет назад кочующий арат и не подозревал об огромности мироздания и его проблемах. Советская жизнь вывела тувинцев на перекресток истории.

Как Улуг-Хем, достигший океана,
нигде ни разу не свернул с пути,
так и народ мой, выйдя из тумана,
сумел мечту заветную найти.

Понятие Родины для Кюизегеша всегда конкретно: солнцем залитые степи, пропахшие смолой лиственницы, лепет горных рек, долгая песня чабана — не только Тува, а вся большая Советская страна.

Ты скоро домой вернешься...
Тува далеко от Урала,
но никогда не порвется
дружбы живая нить.
Она окрепнет с годами,
в Москве обрета начало.
А если друзья повсюду,
то, значит, стоит жить!

Динамичны и насыщены движением пейзажные зарисовки «Речной порог», «Орел». В «Осени» есть тонкий, весьма характерный для поэтического мироощущения Ю. Кюзегеша образ:

От наших лесов и полей
уходит горячее лето,
под крыльями у журавлей
пристроившись незаметно.

Неустанный художественный поиск ведет поэта к овладению новой для тувинской поэзии формой сонета, заставляет экспериментировать в восьмистишии, искать сочетания анафоры с конечной рифмой.

Воспевая любовь, Ю. Кюзегеш прославляет постоянство, верность чувства, способного выдержать любое испытание, даже космическую разлуку. Думая о назначении поэзии, Кюзегеш сравнивает работу поэта с работой камнереза: только глубокая мысль и тщательность отделки формы рождают истинные произведения искусства. Он никогда не претендовал на роль трубача, барабанщика и запевалы. Муза его скромна, тиха и застенчива. И тихий голос становится громким, если в нем слышна правда жизни:

Песни не похожи друг на друга,
как цветы петрунотого дуга,
сильные и звонкие, как трубы,
грустные и нежные, как губы.

Пишет он крепким, тугим мазком. Образность его подсмотрена в самой жизни, и вот появляются такие детали: льдины, как борцы, теснят и сминают друг друга во время ледохода, или «глазами моих азиатских предков, чуть-чуть прищуренными глазами, меня встречало солнце Казани». А как хороши фантазия, непринужденность, ритм считалки в его детских стихах! Поэтическая символика становится хорошим другом.

Вот уже несколько лет Ю. Кюзегеш увлечен историей. От соприкосновения с нею родились наиболее значительные его произведения: поэмы «Простая повесть», «Песня любви и гнева», баллады «Кок-Эль» и «Меч Багыра». Он изображает события Оттук-Дапского боя в «Простой повести», выводит образ русского коммуниста Ин. Сафьянова, пользуется различными приемами — рассказа в рассказе и ретроспективы, когда боевое прошлое революционных аратов вдруг сопоставляется с мужеством тувинских добровольцев в дни Отечественной войны. Видимо, это обстоятельство натолкнуло переводчика М. Скуратова на мысль стилизовать поэму в духе лермонтовского «Бородино».

«Песня любви и гнева» более лирична. Сюжет не нов в литературе: любовь трудовой девушки к русскому, оказавшемуся офицером-белогвардейцем. В памяти неволью всплывают «Кавказский пленник» Пушкина, рассказ Б. Лавренива «Сорок первый». В тувинской ситуации происходит драматическое прозрение героини Уран: она убивает своего возлюбленного — классового врага аратов и убийцу матери.

Отзвуки былой истории слышны в «Кок-Эле», «Мече Багыра». Оба произведения во многом новаторские как по теме, так и по исполнению. Военский могильник и меч погибшего воина обернулись в балладах картинами древней истории тувинцев, живой нитью, протянутой из прошлого в настоящее. Поэт размышляет: в чем стане были легендарные богатыри? Может быть, Багыр погиб в схватке с Аттилой или Чингизханом, защищая свободу народа? Впечатляюще нарисованы картины кровавой сечи, воинской доблести предков.

Поэт нашего времени не может протянуть руку истории, не связав ее с сегодняшними волнениями и надеждами. У древних курганов шумит новое поколение, заботясь о жизни, полной мирного, созидательного труда.

Психологизм, интеллектуальность, драматизм переживаний, своеобразный стиль стихов выделяют Ю. Кюнзегеша, как поэта с «лица необычным выражением». Его волнуют мысли о том, почему холодеет черемуха в саду, почему не разгаданы петроглифы, о чем думают и космонавт, и чабан. Иногда в стихах вдруг сквозит мелкая правоучительность, появляются необязательные рассуждения. Не все он разглядел во времени и в людях. Но главное вошло в обиход народа и стало необходимой для сегодняшней Тувы песней.

Владимир ЕРМОЛАЕВ

ТАЛАНТ

В 1965 году в одном из майских номеров московской газеты «Правда» в статье «Чтобы крепили молодые победы...» упоминается имя юной тринадцатилетней художницы Нади Рушевой. Газета писала: «Минувшим летом многие побывали на выставке рисунков школьницы Нади Рушевой из Москвы. Выразительные, самобытные работы юной художницы привлекли к себе внимание специалистов». Это было первое большое признание своеобразного таланта девочки. Ее выставки неоднократно устраивались в Москве, Ленинграде, а также за границей. Например, в 1965 году Надя была приглашена со своей персональной выставкой рисунков в столицу Польской Республики — Варшаву. Из Варшавы выставка была перенесена в крупнейший культурный и экономический центр Польши город Краков.

Надя родилась в монгольской столице Улан-Баторе. Ее мать Ажик-маа Дойдаловна — бывшая балерина Тувиинского музыкально-драматического театра, уроженка Пий-Хемского района. Отец — Николай Константинович Рушев — москвич, один из ведущих художников Московской телестудии.

Рисовала Надя с пятилетнего возраста и всегда по воображению, с остроумной веселой выдумкой и увлечением. Девочка отличалась исключительной работоспособностью и трудолюбием. С девяти лет Надя посещала студию Дворца пионеров в Москве, где применяется индивидуальный подход к даровитым детям и бережное отношение к их воображению. В студии не ставится отметок за детское творчество, зато часто организуются конкурсы на увлекательные темы, рисунки посылаются на отечественные и зарубежные выставки. Так, свободные композиции Нади лобывали на выставках во Дворце пионеров, в музее им. Л. Н. Толстого, в музеях Чайковского, в Германской Демократической Республике, в США, Индии, Италии, Японии и в других странах. Ее

рисунки печатались в советских и зарубежных газетах и журналах.

Первая, довольно большая персональная выставка Надиных рисунков была организована редакцией журнала «Юность» в 1964 году. В восьмом номере этого журнала под заголовком «Выставка, какой не было» сообщалось: «Еще ни одна выставка в помещении «Юности» не имела подобного успеха». Разговоры и слухи о двенадцатилетней девочке, наделенной удивительным даром, быстро распространились по Москве. И случилось так, что, уступая многочисленным и очень настойчивым просьбам посетителей, редакция выпущена была продлить выставку рисунков Нади Рушевой еще на месяц. Но поток желающих увидеть работы юной художницы не только не иссякал, а ширился с каждым днем.

Около трех тысяч москвичей и гостей столицы побывало в это время в небольшом выставочном зале редакции. Уже не хватило одной довольно объемистой Книги отзывов. Пришлось положить вторую. Своими впечатлениями и раздумьями о выставленных работах, о таланте девочки делились взрослые и школьники, техники, инженеры и профессиональные художники, туристы из Соединенных Штатов Америки и делегация писателей Индии. Хорошей заботой о будущем художницы исполнены многие записи.

Писатель Лев Кассиль писал в то время в «Юности»: «Впервые о Наде Рушевой я услышал от ее подружек по художественной студии Дворца пионеров. «Ой, вот у нас одна девочка до чего интересно рисует! — рассказывали они. — Нет! Вы бы посмотрели, как она работает!»

А потом мне позвонили из редакции «Юности»: «Не хотите ли посмотреть работы одной девочки? Очень занятые рисунки».

Я не художник и, возможно, допузу какие-то неточности в описках, но меня прежде всего поразило в работах Нади Рушевой необыкновенное, почти волшебное композиционное чутье, чудесный глазомер, позволяющий Наде с безошибочной точностью построить рисунок, расположить его на пространстве любой формы так, что кажется, лучше уже нельзя сконструировать изображение».

Чтобы дать более полное представление о творчестве Нади Рушевой, приведем здесь наиболее интересные и обстоятельные отзывы о ее выставках, напечатанные в журналах и газетах. Вот, например, что писала «Литературная газета»: «Рисунки Нади Рушевой действительно пользуются популярностью. Привлекает исключительный талант. Ее рисунки лишены сомнения в искренности изображаемого, и эта убежденность поражает и заражает зрителя. За рисунками возникает и характер, индивидуальность автора. Возможно, что на Западе из Нади уже сделали бы сенсацию. Мы стремимся не только выявить талант. Мы серьезно озабочены дальнейшим развитием этого таланта».

«Вечерняя Москва» рассказывала: «Когда смотришь работы Нади Рушевой — лаконичные рисунки, исполненные изящества и поражающие детской выразительностью, прежде всего видишь игру фантазии богато одаренного ребенка, для которого естественно создание сказки».

Своеобразно сказано о Наде в «Московском кемсомольце»: «Она еще,

наверное, никому не давала автографа. Ее рисунки не вошли в число розыгрышей художественной лотереи. Но зато немногие именитые художники могут похвастаться, что в двенадцатилетнем возрасте они могли пригласить друзей и близких на выставку собственных произведений». А журнал «Сельская молодежь» высказался о юной художнице такими словами: «Каждый ребенок — философ и поэт. Его мир богат образами и красками. Взрослые не всегда помнят себя в детстве. Говорят, Надя Рушева исключительно одаренный ребенок. А ведь ее талант — это умение выразить, что думают и видят все дети».

В «Журнале мод» напечатано такое сообщение: «Участники декоративных кружков изостудии Дома пионеров сделали эскизы костюмов для вечеров-маскарадов. Особенно интересные костюмы получились у одиннадцатилетней Нади Рушевой. Все они просты по покрою и шитью, удобны для игр и танцев. Юная художница сама нарисовала на этих страницах (в журнале даны эскизы Нади), а наши юные читатели, вероятно, сами смогут шить их».

Побывав на выставке Надиных рисунков, немецкий писатель Курела писал в «Юности»: «Какая неожиданная полнота очаровательных веселых выдумок! Какое неисчерпаемое богатство все новых образов и тем! Можно только поздравить редакцию «Юности» с этим открытием и советскую молодежь с такими талантами, которые возникают в ее среде». О подобных отзывах рассказывали своим читателям «Известия»: «Тонко, темпераментно, талантливо». — можно было услышать в США, Италии, Японии, ГДР, где экспонировались ее (Надины) рисунки. Художницу интересует очень многое. Об этом говорят названия разделов выставки: «Русский балет», «Мир животных», «Космос и наука». «Сказки и фантазия».

«Милая Надя! — писал ей писатель Борис Полевой. — Я был на Кири, когда обсуждались твои рисунки, и не мог принять в обсуждении участия. Но мне рассказывали — приняты-те они были хорошо. Ты, разумеется, не зазнавайся. У тебя еще все в будущем. Вот если будешь хорошо учиться, приобретешь знания жизни, то, может быть, когда-нибудь из тебя и выйдет художник. Мы все, работники «Юности», очень этого желаем. Но только работать и учиться надо больше. В этом главное. Без этого не только художницей, а и хорошим человеком не станешь. Ну, будь здорова. Твой Б. Полевой».

Известный художник-анималист, скульптор и иллюстратор В. А. Батагин подарил Наде свою книгу, сопроводив такой надписью: «Милая Надя! Судьба послала тебе богатые, чудесные дары воображения. Храни всю жизнь эти дары и приумножай их. Прекрасно началась твоя жизнь художника, и мое самое искреннее пожелание тебе — расти счастливо, волну и радуй сердца людей твоим замечательным талантом».

Художник Жуков — известный создатель галереи рисунков детей — также подарил Наде одну из своих книг, снабдив ее надписью: «Наденьке Рушевой — маленькой юной художнице, в чей талант я твердо верю и убежден, что это редкое и удивительное счастье. Беречь талант надо

грудом и горячей любовью к жизни. Большой радости тебе в искусстве».

Я не был ни на одной из Надиных выставок, но зато не однажды пересмотрел многие сотни ее рисунков на квартире ее родителей. Помню. Наде тогда было лет девять, пришла она из школы и, притулившись в уголке, стала пером делать зарисовки в небольшой блокнот. Обыкновенная девочка, маленькая школьница, ничем внешне не выделяющаяся среди других школьниц. Однако большие черные глаза невольно останавливали на себе внимание своей серьезной вдумчивостью. Я видел, как она рисовала. Она не делала черновых набросков, не исправляла нарисованного, если не понравится — выбрасывала. Она зарисовывала то, что в данный момент ее больше всего интересовало — это ее как бы отчет о виденном, о придуманном, о впечатлениях дня. Иногда весь блокнот — страничек в двадцать — целиком посвящен какой-либо одной теме: сказке, балету, костюмам, играм. Рисование было ее самым любимым занятием, но я видел, как юная художница откладывала в сторону заполненный рисунками блокнот, переходила в другой уголок и там играла в куклы...

Рисовала она каждый день и столько, сколько ей хотелось и позволяло время. Естественно, с возрастом росло и мастерство художницы. Ее работы все больше привлекали внимание специалистов-искусствоведов, общественных культурных организаций. После выставок в редакции «Юности» была устроена выставка ее работ во Всесоюзном Доме композиторов, затем, в 1967 году, персональные выставки в театре на Таганке, потом в Центральном Доме работников искусств, дальше — в Артеке во время Всесоюзного слета пионеров. В 1968 году Надина выставка была организована в музее Л. Н. Толстого, где экспонировались ее иллюстрации к роману «Война и мир». Одновременно в Ленинграде, в Выборгском Дворце культуры, Всесоюзный музей Пушкина развернул выставку Надиных рисунков — композиций к произведениям А. С. Пушкина.

С каждым днем, с каждой новой выставкой популярность Нади Рушевой возрастала. Болгарское, монгольское и московское телевидение делали о ее рисунках киночерки. То же сделано для Чехословакии и ГДР. О ней уже заговорили как о вполне взрослом художнике. Так, например, в музее Л. Н. Толстого в книге отзывов среди других было высказано такое мнение: «Надя уже художник. Ее графика не уступает по четкости пера, экономии штриха и палитре чувства зрелым русским графикам, как-то Остроумова-Лебедева, Верейского и др. Успеха ей! Профессор В. Карюкин. Ленинград. 28 июня 1968 г.»

Много обещал талант Нади Рушевой. Это видно из наследства, оставленного семнадцатилетней художницей — свыше 10.000 рисунков пером и фломастером к произведениям Толстого, Пушкина, Лермонтова, Грибоедова, Достоевского, Булгакова, Грота, Гомера, Байрона, Марка Твена. Сент-Экзюпери, Диксона, Шекспира и другим. Надя кончала десятый класс. Перед ней открывались великолепные перспективы в области искусства, в развитии ее чудесного дарования, о котором искусствовед академик М. В. Алпатов сказал, что «такое дарование случается раз

в сто лет». Но случилось непоправимое — в марте этого года она умерла. «Месяц назад,— в газете «Московский комсомолец» пишут ее товарищи и учителя школы, где Надя училась,— о ней снимался фильм в Ленинграде. Совсем недавно она с одноклассниками горячо обсуждала то, что казалось «самым, самым»... Ее рисунки знали во всем мире. Их любили в Польше, Чехословакии, Румынии, Японии, где они экспонировались на выставках иллюстраций к произведениям русских писателей. Их награждали в Индии на конкурсах детских рисунков. А мы любили в ней не только талантливую художницу, но и доброго товарища, принципиального и дружелюбного члена нашей школьной комсомольской организации. Все, кто знал ее, никогда не забудут, как светлый и прекрасный мир открывался под легкими штрихами ее карандаша. На школьных литературных вечерах мы видели Надины иллюстрации к Пушкину, Блоку, Есенину. Мы учились у нее свежему, радостному взгляду на мир и скромному, внимательному отношению к людям. Талантливый художник и добрый друг, Надя навсегда останется в нашей памяти».

ХРОНИКА КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ ТУВЫ

Листая газетную подшивку, воочию видишь, как из пестрой мозаики фактов вырисовывается светлая картина быстро меняющейся, идущей вперед жизни. Посмотри, читатель, и вспомни...

* В 1966 году Тувинскому музыкально-драматическому театру исполнилось 30 лет.

Почетное звание народного артиста Тувы присвоено режиссеру И. Забродину, артистам Мунзук Кара-кыс, Максиму Мунзук, Н. Олзей-оолу, А. Чыргал-оолу, а звания заслуженного артиста Тувинской АССР удостоены Л. Сысоева, В. Монгалъбы, А. Тавакай, А. Хуурак, М. Дакпай. За последние четыре сезона театр осуществил ряд постановок: «Коварство и любовь» Шиллера, «Без вины виноватые» и «Поздняя любовь» Островского, «Хитроумная влюбленная» Лопе де Вега, «Мещане» Горького, спектакли о Ленине — «Именем революции» Шатрова и «Между лпвнями» Штейна, «Русские люди» Симонова, «Секреты фирмы Клеменс» Вирта, «Совесть» Павловой, «Чти

отца своего» Лаврентьева, «Божественная комедия» и «Объяснение в ненависти» Штока, «Копьестангин Заслонов» Мовзона, «Чужой ребенок» Шкваркина, «Тяжкое обвинение» Шейнина, «Твой дядя Миша» Мдивани, «Мое сердце с тобой» Чепурина, «104 страницы про любовь» Радзинского, «Марсово поле» Антокольского, «Тополек мой в красной косынке» Айтматова, «В ночь лунного затмения» Карима, пьесы местных драматургов — «Любовью надо дорожить» и «Красный поток» С. Пюрбю, «Стремление» и «Наше время пришло» О. Саган-оола, «Осуществленная мечта» и «Тонгур-оол» С. Тока, «Любовь и месть» А. Хуурака и, конечно, бессменный «Хайыран-бот» В. Кок-оола, прошедший на сцене более 900 раз.

В театр в 1968 году пришло

молодое пополнение — 13 выпускников Ленинградского института театра, музыки и кино. Среди них: И. Комбу, И. Даваа, Л. Солун-оол, С. Кадр-оол, Д. Барырма и др. Они подготовили спектакли «Личы-Кара и Ангыр-Чечек» Л. Гавриловой, «Нарень из нашего города» Симонова, «Тартюф» и «Лекарь поневоле» Мольера. За этот период общественностью Тувы были отмечены юбилеи артистов: 60-летие В. Кок-оола (март, 1966), 50-летие Н. Олзей-оола (февраль, 1966), 60-летие И. Забродина (март, 1968), 50-летие Мурузук Кара-кыс (декабрь, 1968).

* В октябре 1964 г. с большим успехом прошел показ тувинского искусства в Москве. Министр культуры РСФСР А. Попов, композитор В. Мурадели, народная артистка СССР И. Яунзем высоко оценили рост тувинского искусства.

* В течение 1964—1968 гг. зрители Тувы просмотрели много гастрольных концертов. В честь 20-летия Советской Тувы состоялся большой праздник искусств — театральное-эстрадное представление «Солнце над Саянами» на стадионе. В нем приняли участие ведущие мастера советского искусства: народный артист СССР Е. Серкебаев, В. Трошин, К. Котак, Д. Сагал, А. Михайлов, А. Горюнова, В. Бурдыга, Н. Михайлова, группа акробатов Степановых, воздушные гимнасты А. Соколов и Г. Лемпицкий, Н. Кривошеева, А. Грибов и др. В массовых действиях было занято полторы тысячи человек — пионеры, спортсмены, солдаты,

участники художественной самодеятельности. Герои Советского Союза и Герои Социалистического Труда, матери-героини.

* С большим успехом прошли в Туве выступления нар. арт. СССР бурятского певца Лхасарана Линховоина, засл. арт. РСФСР танцора Ц. Бадмаева, засл. арт. РСФСР В. Егорова, певицы Ч. Шапошковой, киноартистов В. Орловской, Т. Окуневской, И. Косых, молодых артистов балета Большого театра, московской и ленинградской эстрады, Красноярского ансамбля песни и танца народов Сибири, Новосибирского цирка, артистов Таджикистана, венгерского ансамбля «Чардаш», Хабаровской и Калужской филармоний, цыганских ансамблей, засл. арт. РСФСР М. Суваровой и чтеца М. Ли, Красноярского театра кукол, ансамбля песни и пляски Сибирского военного округа, Государственного ансамбля песни и танца Аджарии, хакасского драмтеатра им. М. Ю. Лермонтова («Госпожа министрша» Нушича, «Эмилия Галотти» Лессинга, «Материнское поле» Айтматова и др.), артистов Байан-Ульгийского аймака МНР.

* Летом 1967 года прошли месячные гастроли Московского цирка шапито с участием 50 известных цирковых артистов, в том числе тувинских жонглеров и канатоходцев под руководством нар. арт. РСФСР В. Оскалоола (12 чел.). Тувинская цирковая группа выступила с успехом во Франции и Австралии, зарубежная печать дала высокую оценку их выступлениям.

* Большим событием культур-

ной жизни республики явились вечера якутской литературы и искусства (май—июнь, 1968 г.), в которых приняло участие свыше семидесяти артистов, писателей, художников Якутии. Они привезли свои книги, картины, свой балет. Трудящиеся республики познакомились с балетами «Чурумчуку», «Алый платочек», «Барышня и Хулиган», «Ромео и Джульетта». В большом концерте выступили: нар. арт. СССР Д. Ходулов, нар. арт. Якутии М. Лобанов, засл. арт. РСФСР А. Лыткина, Н. Шепелева, засл. арт. Якутии М. Васильева и Г. Колесов, артисты М. Попова, З. Габышева, А. Адамова, А. Ефремова и Н. Трапезникова. Всех зрителей покорили звезды якутского балета засл. арт. РСФСР Е. Степанова и ее партнер А. Попов, молодые артисты балета Г. Баишев, С. Саввина, Н. Посельская.

С тувинскими читателями в Кызыле и районах республики встречались писатели Якутии: С. Эллай, К. Урастыров, Н. Золотарев, Н. Заболоцкий, В. Соловьев, И. Данилов, А. Сыромятников, молодые поэты М. Ефимов, И. Гоголев, Р. Багатайский, С. Тарасов, критик и литературовед Г. Боесков. В эти дни звучали здравицы в честь ленинской дружбы народов и литератур, читались стихи-посвящения. Тувинские писатели и артисты получили приглашение на якутский национальный праздник «Ысыах». Союз писателей Якутии, отделение Союза художников, Якутский муздрамтеатр награждены Почетными грамотами Президиу-

ма Верховного Совета Тувинской АССР.

* Не только в Туве, но и в Молдавии на фестивале танца, на гастролях в МНР получил признание ансамбль «Чечек», его руководители награждены почетными званиями.

* Большую воспитательную работу проводит Кызыльский народный театр юного зрителя (реж. З. Ф. Саая). Более десятка спектаклей поставлено на его сцене. Артисты и зрители получают большое удовлетворение.

* Установились добрые традиции народных гуляний и праздников: «Проводы зимы» с блинами, катаньем на тройке, снежной крепостью, перетягиванием каната, лазанием на столб за петухом, сапогами, балалайкой, с народными песнями и частушками. «Березка» — праздник весны и лета, праздник Нептуна, праздник цветов, праздник животноводов — наадым в июле с традиционными скачками, стрельбой из лука, состязанием борцов «хуреш», весенние и осенние ярмарки, книжные базары. В районах проводился тувинский праздник встречи Нового года — шагаа, а также распространены семейные и уличные концерты.

* В марте 1965 г. состоялся I съезд художников Тувы. Членами правления избраны С. Ланзы, В. Демин, М. Петров. Проводились ежегодные республиканские выставки художников п. камнерезов, которые успешно выступали также на сибирских зональных и московских юбилейных выставках. Членами и кандидатами Союза художников СССР являются 23 человека.

Гостями Тувы были известные художники: засл. художник РСФСР В. Игошев (Свердловск), создавший 55 картин и этюдов о Туве, и А. Сахааев, автор ста тувинских этюдов, художники Москвы В. Ладейщиков и А. Годунов. М. Митуряч и И. Бруни, Б. Понов и др. Проводятся творческие семинары молодых художников и резчиков. Работы тувинских мастеров-камнерезов пользуются большой популярностью в СССР и за рубежом.

Председатель правления Тувинского отделения и член правления Союза художников РСФСР С. Ланзы удостоен почетного звания засл. худ. РСФСР.

* В Кызыле проводилась выставка книжного знака — эксплибиса, собранного красноярским любителем В. Аверихиным.

* В декабре 1964 г. состоялся II съезд писателей Тувы. Представителями СП РСФСР на съезде были поэт и переводчик М. Скуратов и критик Р. Бикмухаметов.

В мае 1968 г. прошел III съезд писателей Тувы. С отчетным докладом выступил О. Саган-оол, с содокладом по критике — Д. Куулар. В прениях выступили С. Сарыг-оол, А. Даржаа, С. Тамба, Е. Тапова, М. Доржу, М. Хадаханэ, первый секретарь обкома КПСС С. Тока, гости съезда — Ф. Таурин (Москва), Н. Золотарев (Якутия), И. Кочеев (Горный Алтай), М. Кильчицаков (Хакасия). Избрано правление Союза писателей в составе О. Саган-оола, С. Сарыг-оола, С. Сюрюн-оола, С. Пюрбю, А. Даржаа. В члены Союза писателей приняты

М. Хадаханэ и К. Кудажя. Всего СП Тувы насчитывает 15 членов.

В республике к 50-летию Октября был объявлен конкурс на лучшее произведение литературы и искусства. Премиями отмечены произведения В. Кок-оола, Ю. Кюизегеша, М. Кенин-Донсана и др. К 100-летию со дня рождения В. И. Ленина идет второй тур конкурса. Проведен семинар молодых авторов.

Министерство культуры и Дом народного творчества подвели итоги конкурса на лучшую песню, стихотворение, интермедию. Поощрительными премиями отмечены произведения М. Доржу, М. Кара-кыс, М. Конгара, К. Суттуг-оола, В. Саган-оола и др.

В республике также объявлен конкурс на создание тувинских национальных музыкальных инструментов (свыше десяти видов).

Тувинские писатели побывали в Горном Алтае (С. Сюрюн-оол — руководитель делегации, С. Сарыг-оол, О. Сувакпит), на Читинском совещании молодых писателей (С. Сюрюн-оол — руководитель, Л. Санчай, Г. Принцева, К. Сат, В. Журавлев), в Якутии (С. Сарыг-оол, Б. Ховенмей, О. Сувакпит), в Монголии (О. Саган-оол, С. Сюрюн-оол), в Азербайджане (С. Сюрюн-оол), а также на декадах литературы и искусства в Улуг-Хемском, Бай-Тайгинском и Барун-Хемчинском районах.

Много новых книг вышло с 1964 года в Тувинском книжном издательстве: «Улуг-Хем» № 22—27, три номера на русском языке, сборники сказок, пословиц и ча-

стушек, «Очерк тувинской литературы», «Тувинская проза» М. Хадаханэ, «Новая Тува», «Обновление» С. Тока, «Юность Ангыр-оола», «Жизнь — борьба», «Мой Улуг-Хем», «Песня хомуса» С. Сарыг-оола, «Мое богатство», «Светлый путь» С. Тамба, «Неудержимые» О. Саган-оола, «Письма Силиг-оола», «Адыжок», «Сын шофера». «Это любовь», «Глухая речка» С. Сюрюн-оола, «Гихий уголок», «Хлеб» К. Кудажки, «Сердце Азии», «От Октября до космоса» Б. Ховенмея, «Удаль молодецкая» А. Даржаа, «Испытание», «Напевы жлэни» С. Пюрбио, «Самбажык» В. Кок-оола, «Цвета времени», «Сердце Саян» Ю. Кюнзегеша, «Луна над Чаа-Холем» М. Олчей-оола, «Знакомый» С. Молдурга, «Золотое яйцо» К. Аракча, «Стремнина Улуг-Хема», «Мои крылья» М. Кенин-Лопсана, «Песня души» А. Арапчора, «Мелодия чадагана» А. Хуурака, «Повесть о друге» Д. Бегзи, «Костры на хребтах» и «Любовь» М. Доржу, «Голубые реки» и «Поколение» Л. Чадамба, «Мои песни» М. Кара-кыс, «Доброго пути» Б. Ондара, «Встречи» О. Сувакпита, стихи Э. Кечил-оола, Х. Ойдан-оола, С. Кустугура, В. Саган-оола, А. Долча, С. Таспай, В. Шаравин, О. Дарыма и др.

На тувинский язык переведены также произведения, как «Дело Артамоновых» М. Горького, «Серый лютый» М. Ауэзова, «Первый учитель», «Прощай, Гюльсары» Ч. Айтматова, рассказы якутских и бурятских писателей, «Зеленый луч» Л. Соболева, «Голос Алтая», «Богатая Монголия», рассказы Д. Лондона и др.

Изданы сборники русских авторов: «На распутье» М. Пахомова, «Легенда о Сайне» и «Элесской» В. Ермолаева, «За хребтами Саянскими» Н. Сердобова, «Работяги» С. Козловой, «Если ты человек» А. Емельянова, книги «Пальмбах — писатель и человек», «Славные дочери Тувы», «Подвиги и звезды», «Их не забудет Тува».

До 1944 г. книжное издательство выпустило 32 книги, а за 22 последующих года — 2.430 названий тиражом 8,2 млн. экз.

Широко отмечались юбилей тувинских писателей: 50-летие Б. Ховенмея в январе 1965 г., 70-летие А. Пальмбаха в сентябре 1967 г., 50-летие Л. Чадамба и С. Тамба в марте 1968 г., 60-летие С. Сарыг-оола в ноябре 1968 г. К этим датам были изданы новые книги писателей и опубликованы литературные страницы в республиканских газетах.

* Общественность Тувы отметила следующие культурные даты: 60-летие М. Шолохова, 90-летие А. В. Луначарского в 1965 г., 800 лет со дня рождения Ш. Руставели в 1966 г., 100 лет со дня рождения М. Горького в марте 1968 г.

* Сектором литературы и фольклора Тувинского НИИЯЛИ проведены экспедиции в Барун-Хемчикский район и Сут-Холь, а также фольклорные вечера в пединституте и педучилище.

* За последние годы в Туве работают 36 кандидатов наук, из них 19 тувинцев, в том числе защитившие за эти 3—4 года: Х. Алдын-оол, К. Шактаржик, М. Маннай-оол, О. Толгар-оол,

Д. Бузур-оол, К. Кужугет, В. Биче-оол, Ф. Сулапай, О. Бартан, О. Хеймер-оол, В. Копеел, Х. Ензак.

* В марте 1966 г. состоялась республиканская научно-практическая конференция по преподаванию тувинского и русского языков, в которой приняли участие также работники просвещения Москвы, Бурятии, Якутии, Хакасии, Горного Алтая.

В марте 1967 г. прошла научно-теоретическая конференция, посвященная 50-летию Великого Октября, с участием представителей соседних краев и областей.

18 марта 1965 г. еженедельник «Совет уикли» в Лондоне напечатал главу «Сирота» из книги С. Сарыг-оола «Повесть о светлом мальчике» на английском языке с иллюстрациями.

В июле 1965 г. в Туве побывали алтайские писатели А. Адаров, Э. Палкин, Л. Кокышев — автор первого алтайского романа «Арина» и московский поэт В. Журавлев, а также немецкие гости — редактор еженедельника «Вохенпост» Гюнтер Линде и фотокорреспондент Лотти Ортнер, опубликовавшие материалы о Туве на немецком языке.

* В Москве изданы книги тувинских писателей: «Повесть о светлом мальчике», «У Саян» С. Сарыг-оола, «Удаль молодецкая» А. Даржаа, «Человек из Баян-Тала» и «Счастливая звезда» О. Саган-оола, тувинские народные сказки, а также в книгах «Россияне», «Песня, ставшая книгой», «Поэты народов Сибири» (Новосибирск) включены произведения тувинских писателей.

* В Туве действуют 175 клубов, 147 библиотек, 191 киноустановка, 2 народных театра, работают 449 врачей, 3000 учителей.

* Созданы кинофильмы о Туве: «Лопсанчап — сын Тувы», «Советская Тува», «20 шагов к солнцу», «Тува — перекресток времен». Последний фильм переведен на 45 языков для зарубежных показов.

* Первым почетным гражданином г. Кызыла стал генерал-майор Шпагин Г. В.

* Политический обозреватель «Известий» В. Л. Кудрявцев — депутат Верховного Совета СССР от Тувы.

* Письмо в 2018 год написали комсомольцы Тувы и, вложив в капсулу, замуровали в памятник красным партизанам.

* Тувинским отделением общества «Знание», насчитывающим 3000 членов, за 1968 г. прочитано около 15 тысяч лекций по различным отраслям знаний, в том числе по литературе и искусству — 542. По линии общества «Знание» в республике выступали: почетный чекист полковник Н. Смирнов, стоявший на посту № 1 в Кремле, участница Великой Отечественной войны капитан М. Васильчикова, профессор МГУ Г. Платонов, разведчик отряда Д. Медведева — К. Пастоногов, ветераны войны, однополчане тувинских добровольцев И. Наумов и И. Кузнецов, профессор лауреат Ленинской премии хирург Е. Мешалкин и др.

* С 1966 года действует Кызыльский телецентр. Телевизоры приобрели около 10 тыс. семей.

В Туве действуют 13 музыкальных школ и училище искусств,

детская художественная и балетная студия. Создан симфонический оркестр.

* Исполнилось 40 лет со дня основания газеты «Тувинская правда» в августе 1964 г., 35 лет тувинской письменности в июле 1965 г., 20-летие педучилища в 1965 г. и 20-летие НИИЯЛИ, 30 лет тувинского радиовещания в августе 1966 г., 10 лет Кызыльского педагогического института в ноябре 1966 г., 20 лет альманаха «Улуг-Хем» в 1967 г., 35 лет газеты «Молодежь Тувы» в 1968 г.

Школы отметили свой юбилей: кызыльская школа № 1—50-летие в мае 1966 г., школа № 2—20-летие первого выпуска, туранская школа № 1—60-летие в декабре 1968 г.

* На Всемирной выставке в Монреале в 1967 г. экспонировалось древнетюркское изваяние воина из Тувы.

* В Кызыле проходили съезды работников культуры, учителей, рабселькоров, конкурсы юных музыкантов, математическая олимпиада школьников, смотры агитбригад, выставки детского технического творчества.

* Созданы и действуют Тувинское отделение Общества охраны памятников истории и культуры (председатель Ю. Аранчин), Совет Всероссийского общества охраны природы (пред. Н. Конгар).

* В Туве продолжает работу Саяно-Тувинская археологическая экспедиция АН СССР под руководством канд. исторических наук, засл. работника культуры Тувинской АССР А. Д. Грача.

* Республиканский краеведче-

ский музей им. 60 богатырей в 1968 г. посетило 45 тысяч человек.

Действует около 40 школьных краеведческих музеев и уголков. Большую работу проводит станция юных туристов.

* Посланцы нашей Тувы побывали за границей: в Польше, Чехословакии, Венгрии, ГДР, Монголии, Болгарии, Финляндии, Норвегии, Югославии. Разнообразен состав туристов: сельские труженики, врачи, учителя, молодежь. Дважды отправлялся туристический поезд «Дружба» по маршруту Кызыл—Абакан—Москва—Ленинград. В свою очередь усилился интерес к Туве, у нас побывали товарищи из Монголии, Вьетнама, Аргентины, Сальвадора, Бразилии и т. д., а также туристы из разных городов Советского Союза: Москва, Киев, Вильнюс, Новокузнецк, Ангарск, Ленинград, Куйбышев, Днепропетровск, Свердловск, Рига, Донецк и др.

* 25 книжных магазинов продали населению книг на сумму 418 тыс. рублей в 1968 г., в среднем на каждого человека—5 книг.

* В республике выписывается 170 тыс. экз. журналов и газет, на одну тысячу населения—855 экз. (вместе с розничной продажей).

* В 1968 г. число кинозрителей достигло 6 млн. человек. Это в среднем 35 раз в год кино посещает каждый человек в городе и 22 раза—на селе.

* Республиканская библиотека им. Пушкина располагает книжным фондом 310 тыс. экз.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Повести, рассказы, пьесы, очерки

<i>Салчак Тока</i> . За Большим порогом. (Глава из третьей книги «Слово арата»). Перевод <i>А. Китайника</i>	3
<i>Степан Сарыз-оол</i> . Повесть о светлом мальчике. (Главы из 2-й книги). Перевод <i>М. Черноусовой</i>	15
<i>Олег Сазан-оол</i> . Наше время пришло. (Пьеса). Перевод <i>М. Рамазановой</i>	32
<i>Монгуш Кенин-Лопсан</i> . На стремнине Великой реки. (Отрывок из романа). Перевод <i>В. Малюгина</i>	35
<i>Алдын-оол Даржаа</i> . Удадь молодецкая. (Главы из романа). Авторизованный перевод <i>А. Китайника</i>	110
<i>Кызыл-Эник Кудажы</i> . Кызыл-Борттуг. Перевод <i>М. Рамазановой</i>	136
<i>Владимир Ермолаев</i> . Еписей — великая река. (Очерк)	160
<i>Монгуш Олчей-оол</i> . Рассказы дедушки Хоорэзра. Перевод <i>М. Хадаханэ</i>	165

Экии, Якутия!

<i>Салим Сюрюн-оол</i> . Другу якуту. Перевод <i>П. Железнова</i>	176
<i>Юрий Кюнзегеш</i> . Якутским друзьям. Перевод <i>С. Козловой</i>	177
<i>Монгуш Кенин-Лопсан</i> . Якутка. Перевод <i>С. Козловой</i>	178
<i>Алексей Хуурак</i> . Мои друзья. Перевод <i>С. Козловой</i>	179
<i>Ондар Охемчик</i> . Девушка Севера. Перевод <i>С. Козловой</i>	180
<i>Серафим Элляй</i> . Здравствуй, тувинский народ. Перевод <i>С. Козловой</i>	182
<i>Иван Гоголев</i> . В стране Тува. Перевод <i>А. Русского</i>	184

Уголок фольклора

Почему рассказывают сказки? Перевод <i>М. Хадаханэ</i>	185
<i>Чечен-оол</i> . Перевод <i>М. Хадаханэ</i>	187
<i>Три брата</i> . Перевод <i>М. Хадаханэ</i>	188

Критика и библиография

<i>Антон Калзан.</i> Восхождение к высотам (к 60-летию со дня рождения С. А. Сарыг-оола)	194
<i>Мария Хадаханэ.</i> Песни не похожи друг на друга	197
<i>Владимир Ермолаев.</i> Талант	201
Хроника культурной жизни Тувы	203

На 1-й и 4-й стр. обложки

Фотоэтюды Б. В. Кошкина.

На 2-й стр.

Фотоэтюды Г. П. Сиротина.

На 4-й стр. обложки

«На водной трассе Енисея»

Фото Г. П. Сиротина.

УЛУГ-ХЕМ № 10

Литературно-художественный альманах

Редакционная коллегия:

Сарыз-оол С. А. (ответственный редактор),
Саган-оол О. К., Сэрюн-оол С. С., Пюрбю С. Б.,
Кюнзегеш Ю. Ш.

Редакторы: *Хадаханэ М. А., Бородина А. Д.*
Художественный редактор *Кузнецов И. Я.*
Технический редактор *Кузнецова К. И.*
Корректор *Сокурова К. А.*

* * *

Сдано в набор 7/VII—1969 г. Подписано к печати
13/XI—1969 г. Формат 60×90^{1/16}. Бумага
типографская № 1. Печ. л. 14,25. Уч.-изд. л.
13,63. ТС 01056. Тираж 5000 экз. Цена 57 коп.

Заказ № 2231.

Тувинское книжное издательство, Кызыл,
Щетинкина и Кравченко, 57.

Типография управления по печати при Совете
Министров Тувинской АССР, Кызыл,
Щетинкина и Кравченко, 1.

